Владимир Эрль

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

(тяготеющее к полноте)

серия • sepia •

Владимир Эрль СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Владимир Эрль

Собрание стихотворений
(тяготеющее к полноте)

Когда рога оленя...
В.Хлебников

...певец и всадник бедный.
А.Введенский

Judlukka
Санкт-Петербург
2015

Владимир Эрль. Собрание стихотворений. – СПб.: Юолукка, 2015. – 484 с.

Серия «SEPIA»

В предлагаемом *Собрании стихотворений* достаточно полно представлены сочинения Владимира Эрля, написанные почти за пятьдесят лет – с марта 1963 по август 2012 года. В это *Собрание* вошли все стихотворения, опубликованные в его книгах «Кнега Кинга», «Хеленуктизм (Книга Хеленуктизм)», «Трава, Трава», машинописном двухтомном «Собрании произведений» и разных (в том числе и «самиздатских» и периодических) изданиях. Около ста произведений публикуется впервые.

Обложки книг Владимира Эрля исполнены Галиной Блейх (с. 128) и Алексеем Хвостенко (с. 200).

На с. 282 – портрет Владимира Эрля (рисунок Леонида Аронзона, осень 1966).

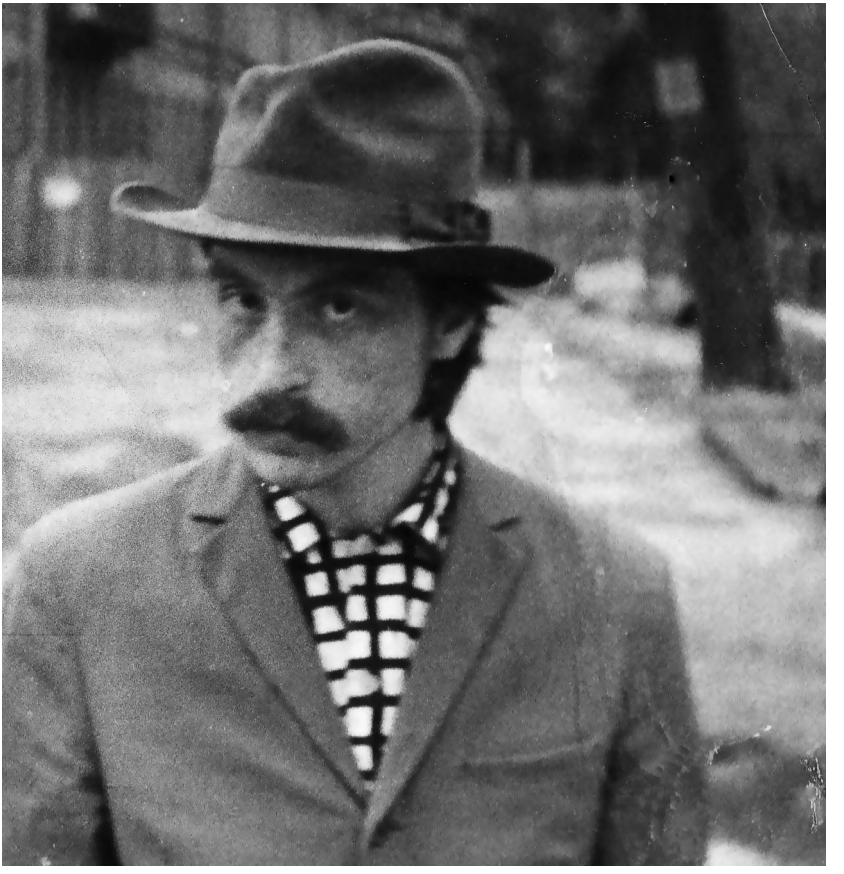
© Владимир Эрль, 2015
© Издательство «Юолукка», 2015

ISBN 978-5-904699-27-7

Часть первая

Книга Тапир

...И вообще мои грехи,
Апостол Петр, многообразны.
Ф.Сологуб



1. Посвящение

Мой угловатый стих, приправленный осокой,
взлетает ввысь с древесного ствола, –
так с плахи падает ненужная глава,
твердя о жребии высоком;

так повторяет глупая молва,
большому подвергаясь риску,
квадратные славянские слова,
склоняясь ниц, подобно кипарису...

Но ты – ничто, поэт! Лукавствуй мудро,
листай апокрифический бедлам,
иль пой прекрасной деве сутры, –

не проживешь!.. Еда твоя – обман.
Так жуй ее! Затем, подобно туру,
ты вырождайся – с горем пополам.

Декабрь 1968

Стихотворения 1965–1966

2

Здесь лось прошёл, задев кору ольхи губами,
здесь невеликая качается безумно птица,
здесь ты – не в силах сторониться –
стоишь, откинув тень на камень.
Валун, свой профиль обратив к покою неба,
наверно, ждёт движения руки, –
и видно в сумерках: по озеру круги
расходятся...

Июнь 1965

3. *Лалилель*

Под льдами лимонадных оперений
качалась, сумраком томима;
в разгаре затаенных прений
дышал вокзалом жар камина.

Казалось, – небывалость мимо
пройдет разутыми ступнями;
качалась, – и раздутыми тенями
была красавица гонима.

Был май. Плыло начало лета:
качались сумрак, тени... Света
немного было для тебя.

«Какие странные, сиреневые лица!
Но я не в силах удивиться», –
любовник рек, сирень губя.

Июнь 1965

4

Провалившись в уборной сквозь доски гнилые,
маленький мальчик заплакал, конец свой предвидя.
Что ж оставалось ему? Ртом нахватавшись, как глины,
коричневой жижи, он погружался всё глубже... Родитель его
в это время за чаем вечерним сидел, погрузившись в раздумья...
Мальчик руками махал, ослеплённый трясиной;
зловония стыд в нём будили... И крика его не услышал никто.

Июнь 1965

5

Где были сумраки горбаты,
на невесомых сосен ветках
смеялись птицы, словно даты,
благие будни исковеркав.

Там, где зеленый шар расцвел,
струились ивы, словно тени,
и быстрокрылые олени
скакали вспять со всех сторон.

Июль 1965
Соавтор: Дм.М.

6

Казённые казнённые висели,
их предстоящему веселью
тюремщик сумрачный мешал.

Сиверская, июль 1965

7. Скиталь

Небрежно обронив «прощай»,
забыл ещё два года я.
Их вычеркнув, гадая,
я был – вертись, праща.

Сентябрь 1965

8. *Октябрь*

На траве оставались следы
от прошедшего тихого стада.
На реке начинались льды –
снегопадом созревшего сада.
По траве проходили, мыча,
люди с лицами – не понять.
Вижу сына ночного луча,
где траву невозможно примять,
вижу –
стаи озябших грачей –
там, над садом кружатся, немые,
слышу стон –
так уставший ручей
заливает следы от копыт...
И летят, опускаясь в глаза,
неустанные листья...
Октябрь!
Подгибая несмело колени,
по траве проходили олени.
Листьев тихие голоса,
где река отражалась на льдинах...
Рыбы плыли, свивая каскад
листьев сада, замёрзших в корзинах.
Славься, дым над травой, славься, дым!
В кухне тёплой сидим,
говорим о реке и о рыбах,
слышим песни мычащие рыков
над садами и над рекой,
где листы, опускаясь на льдины,
реке станут –
весёлый разбой.
Разбудите озябших рыб!
Их богам отраженья приятны...

Там, на льдинах –
осенние пятна
от листов, не попавших на пир.

Октябрь 1965

9

Одноногий маркиз *дю Лавни,*
пуская в небо головни,
задумчив стал и, завертевшись
на костыле своём сосновом,
стал видом и одеждой новым,
от облаков и солнца вдруг зардевшись.

Декабрь 1965

10. *Сонет к Фарфору и Деве*

«Но всё течёт, и всё меняет
златые крылья на топор! –
заметил, в сумраке линяя,
саксонский радостный фарфор. –

Я вас не звал к себе в простор!»
И плачет дева молодая,
томима терпким ветром мая, –
замечен не был ей костёр,

что, обнимая дивны ноги,
ходить мешает по дороге...
Но ты про это – знать не знал!

Свои вперёд наклонит роги,
сказать желая: «недотрога!»,
вечерних радостей коза.

Декабрь 1965

11. *Похороны Артемия*

С.Дорофееву

...И белоснежные колонны качались годы и века. Артемий упадал с балкона, пустив по ветру рукава. Печальных лет пылала слава, зовя людских забот удел, горела в сумраке Полтава, и жук задумчиво гудел, – его златые крылья дико по ветру жгучему стучали. И, полон по уши печали, Орфей шагал за Эвридикой.

Булавки жалобных столетий крепили крылья за спиной, и, беззаботные, как дети, играли мыши тишиной, – их лапки бегали проворно по листьям замершим осин... И храп звучал почти валторной: лежал на кухне чей-то сын. Скрестивши руки на груди, он ждал заботы и печали, но все от ужаса молчали, предвидя темень впереди.

Аляповатые гардины шуршали, словно ждали чадо, а глуповатые картины изображали прелесть сада. Но в тишине придворных жалоб крыльцо, ругаясь с петухом, вдруг объявило, что, пожалуй, свинье не нужен свежий холм!

Но, объявив о погребенье младых – во цвете лет! – сардин, решили вновь устроить пенье из новоселий и картин.

Устали очень облака и начали сходить на нет, – тогда Артемий рукава поднял – и вновь прикрыл весь свет. Темно содеялось в столице, и рукомойник зазвенел, и исказились в страхе лица, явившись из побитых тел... Покойник был рубаха-парень и заявил, что хочет пить, – но нить порвали злые Парки, – и перестал Артемий быть...

Он снесён к горе Митридат и там похоронен. Над ним стоит ласкающий глаз обелиск. Около разгуливают туристы и прочие.

Всё закончилось вполне прилично и благопристойно.

Январь 1966

12. *Рондо*

На альтшулеровы брюки

Явились брюки посреди стола,
к блюдам и чашам винным подползая
и яства ртом кровавым лобызая,
явились брюки посреди стола.
Вскричала в страхе шумная толпа,
свои глазницы ширше отверзая, –
явились брюки посреди стола,
к блюдам и чашам винным подползая.

Январь 1966
Соавтор: Дм.М.

13

Сидела женщина на стуле,
младенец ветхий у груди.
Неподалеку, впереди,
прошла коза, обкусывая ветки.
Вскричала шумная соседка:
«Дождешься ты, мерзавка, пули!
Всё расскажу я нынче мужу!
Мы сад растим – так, значит, нужно,
а ты его, негодная, грызешь!..»
Коза, смутясь, рога склонила,
в словах предчувствуя могилу,
и молвила: «Когда еще придешь
ко мне, о дивное мгновенье,
со сладкой веткой на зубах? –
тогда мое успокоенье
улыбкой отразится на губах...»
И так закончив свои речи,
она пошла заре навстречу –
вперед, товарищи, в борьбе!

Март 1966

14

1

Как тяжело предвидеть буквы,
являющиеся из слов,
как хорошо бывает губы
закрыть... – молчания засов! –
Как нелегко промолвить слово
в ответ на тени, –
как хорошо увидеть снова
простые буквы – мягкие растенья!.

2

Смолчу ответом на вопрос...

Март 1966

15

Ежегодичный, ежедневный
опять сентябрь... Сентябрь!
Томим желаньем неутешным,
опять вечерний бор!
Опять, опять!..
Вхожу в листы,
листаю рек траву...
Опять явились лица те же,
и снова – почерком небрежным
изображу волну...

Апрель 1966

16

Первое апреля,
первое июня...
Даже не поверю,
если ветер дунет.

Если он не дует,
тоже не поверю...
Первое июня,
первое апреля...

Июнь 1966

Ф.И. Тютчеву

17. *Хокку*

Большие воды
ручьям напомнят Слово.
– Всё повторится.

Июнь 1966

Полу-Тапир (Дадактический)

18-23. *Начала*

1 1914
дождь умирал на плечах у войны
Перун и Мария
кусали сияющий мир развалясь
озябшие шептали и пели вёсла
о торге крыльев голубых
бредёт плетень
котёнок беспокоит
дню мировому очи
торгаш осенний
не тронет осени бровей

2 шестьдесят девять

А.Д.

пророчество жать городских самовластий
тело прекрасных сокровищ добра
крикливый стон возмездия
молитва
прекрасной спутнице меча
не наяву ль удача овладела ковром провидца
наконец
не получила ль прядь пустой судьбы
или поддалась осмотрительным виденьям
страна жалела
не поступки

3

боги не мучайте брошенной силой
любимых на фоне песка
жить сча́стливым трудом
не просит стул
стреноженный и выгнутый намёк
на мастериц дурных знакомств
ребёнок славно дрался
слепой от жалости
он вынимал язык свой пёстрый
из улья с пчёлами и мёдом

4

взорвал взывающее блюдо
повстанец подневольный
клубится гулкий край
намылена верёвка в срок
шаг лошадей широкий
визжит вином еловым
прислушавшись перчаткой ртутной
бандиты изымали кальсоны трубадура
шумевшие февральским снегом
клубничные пословицы мечтали о трактире

5

железный день невинных леших
неделю ночи прочь
уединенье чёрное князей
терпело хмурясь вражеский полон
не довелось охотнику узнать
о связанных как яблони сомненьях
любовники искали ожиданий
вороний круг союз возможный
юродивый разумного ручья
чужой злодей
покинул славных мертвецов
и каторга вина
и сожаленье столбовое
и клетка самозванца
повинного в наследственном кошмаре

6 автограф

дифирамбом дымилось тревожное облако
серый сонет опускает смешливую жертву в раствор
свистульки глиняных трамваев
советовали петь
рогатый паровоз вдаль весело унёсся
кривой кентавр на босу ногу небо прял в дверях
нос праздника уходит в солнце
спасённых запах был утерян
и радостное стадо растолкует
богам зелёным
о голубых лучах всю правду
и прочь уйдёт
в сандальях красных

март 1965

24. *Триптих*

1

извивалось весло
неумолчный кустарник качая
опускалась оконная поросль
на западный тын числовой
стена остановилась
старушка дымного барьера
лесник коромысла часов
травы журчащий знак
и отражение табачной лодки
окрасило лицо стеклянного плюща

2

лица краской прорастали
под значением окна
и барьерные качели
неумолчным западом журчали
табачный плющ травы
стеклянный опускал кустарник
старушка отразилась тыном
узнав о дымных лодочных часах
весло лесное
остановило числа
спеша обвиться коромыслом

3

установивши тын на запад
кустарник лица обозначил
барьер стекла спешил
часами извиваться
не умолкала поросль
весло к траве склонив
окно для чисел коромысло
окрашены качели дымом
табачный плющ на лодке отразился
журчала лесником старушка

май 1966

25-32. *Часы*

1
годы огненных труб
луг прошлогодний
лежал на вещей половине
на набережной ветер выл
камень встретив чугунную воду
вдруг замолчал
ворота горьких родников
внезапно память округлили
жестоких рук пороги
ладья гостям болотным
рассвет зеркальный принесла
и парк
разгневан был

2
обиду передав богине
заметить о простое
и дымное отечество взглянуло
на час друзей
но перестаньте ставить точности рекорды
недалеко вину прогнали
презрительный старик
сегодня голод совести креветкой проломил
и снова дом
и добрый судия
для славы путь
прочертит именем своим

3 Бемби
ласковый ветер далёкого леса
разносит крик узнавших ось стрекоз
ручей простёрся

озеро для лис
достаточно ждало нагих
ленивый вяз бежит страшась несмело

4
роща дышала бобрами
стада соловьиных рук

5
висели рядом рыба и карниз
лицо светилось смехом исчезая
красавица росой шептала
и упадала надпись невесомо
свеча зевала
пойманная дверью
трава шагала под окном
и печень по руке скользила
дуб ждал замок стеклянного дитяти
звезда шумела под коров глазами
и ряд одежд вслух надписи читал

6
есаульский мученик
дал уткам чай взаймы
и тявкать принудил
а ехать мал ещё
запятки для сома
орбита ненароком
высокомерно проглотила
горшок поддетый
всё это беспримерно странно
и карапуза стан
берёзовой корчмой подтёрся

7

плечистый грех остановился
трава не мёду суждена

8

харчевня для колодников вокзал
и колосится печень при луне
ручей корней кошачьих
для римского вкусен рта
рисунок волосатый
легко скользит трамваем
вершина рук лицо
кулачный глаз
журчание босое
еда
вот слово книги

1965 и 1966

33. *Андре Шенье*

часть первая

Дом

стенают вечные дома
леса ножные втайне унывают
окно судьбы
ковчег небесный пламенем объяло
страх мнимый вызывает иглу гребца
грудей грядущий берег
покров забавный утешая
несёт ярмо счастливых голубых коней
вопли чёрных очей
молчат о ручных кострах
море улыбок вянет
одежда песен давно волнует
любовь ночного дара
надежда обольстительных кентавров
кровавым поясом без умысла страшна
любовь корабельных дев
в могиле майского покоя
свистела взорами венца
закрытый жребий слабых душ
предлогом строго узора
цветёт на палубе глубокими венками
прекрасная невеста волн морских
цепями сильными согнула древо
узнав путь льва
и пень волос душистых
несите гроб в холмы
зажжённым стонам вторят
печалью полные могилы
свет дочери златой
путь нежных птиц
рёв полевого ветра долго ждал
но зна́ток взморья

на место яростных глазниц приехал
морская слава волн
ревнует прах любимицы безмолвной
брег мирного порога
крик сестёр
и бездна вихря
юный ветер
ждал дня вершин мученья

часть вторая
Вера
влекомый страстью лоб
почуял взор травы
и похоть вольная ноги
воззвала многоцветных барсов
царица блудливых тельцов
восторг готовила сохою
и небо навалилось
на ловкий день
коза любовей злобных
послушно соблюла супруга
белые кувшины мёртвой меди
подняли легко ограды девы
усмирив глаза
вернёмся к жёлтым встречам
запрятав ярость рук
вдвоём мычали дерзко головы младые
венчание рогов зелёных
журчало ревностно из рукавов
и сила становилась садом
лес неземного смеха
страшил лениво звонкую пчелу
завет отца морского
прекрасно погасил багровый труд
рой бурных волн теряет поле
семья ярмо держала

над сеятелем вольным
путь пловца
толпился далеко
покорный лев скрыл матери испуг
иди нагнувшись дикими струями
спроси беспечно
душистого властителя крылатых стад
пахарь нечистых стран
стучал по сочным юношам закатом
враг
по локоть дыбился
бразды кичились
пастух тяжёлый
прилежно наклонился над весной
покинь прохладу и смотри
как взгляд вверяют молоку
звучащей жатвы бог
подкрался к дому
избить пришлось ремнём руки
друзей опасных
потупясь волосами
звеня паслися девы
они жевали кованые гроздья
перенести по равному волненью
или дождаться
чтоб узреть как врежется обратно
взгляд блудливца

январь 1967

Собственно Тапир (продолжение) Стихотворения и поэмы 1966–1967

34-36. *Три романса*

1. Старое кладбище
Вот кладбИще я вновь посетил
и нашел я могилку драгую.
Я букеты сюда приносил
прошлым летом в погоду любую.

Здесь качает ветвями сирень...
Где-то дятел стучит одиноко...
Старым горем я пьян целый день, –
не трещи, не мешай мне грустить, о сорока!

Я букеты сюда приносил
прошлым летом в погоду любую.
Вот кладбище я вновь посетил,
и нашел я могилку драгую!..

Август 1966

2

Уж меркнет день, и ночи покрывало
меня коснулось бархатным концом.
Кричит шакал тоскливо и кроваво,
и мне не быть, как прежде, удальцом.

Как много душ сгубил я ночью темной!
С живых частенько кожу я сдирал...
И вот теперь урядником я пойман,
и он меня навечно в каторгу послал.

Хожу теперь в цепях по руднику я,
побег свершить желаю как-нибудь, –
пока ж томлюсь, по волюшке тоскуя...
Нет, не узнать, какой мне предначертан путь!

Август 1966
Соавтор: Дм.М.

3

Маленький серенький зайчик
скакал по полянке лесной,
но вдруг прибегает начальник
с большою своей головой.

Начальник достал свой ревóльвер
и зайчика тоже убил!
...Полянка забрызгана кровью,
вокруг подсыхает мундир.

Август 1966
Соавтор: Дм.М.

37. *Про то как Айкямач*

1. Вступление
Проходили англичане
ковыряя на бегу.
– «Не хотите ли вы чаю?»
– «Нет спасибо не могу!»
Кучер толстенький Агап
кучерялся некрасиво
и устами горделиво
он увидел каракап:
на крючке висит русалка
и смеётся каблуком
а Антипка босиком
подцепил картошку палкой.
На капустовы страданья
отвечался нехорош
подбирал в окне заданья
в брюки прятал финский нож.
И когда узнал про это
Константинович седой
то решился для привета
кафель вымостить брадой
борода его седая
вьётся по ветру смеясь
и татарский лысый князь
пьёт кумыс и восседает.
Он призвал к себе Агапа
и заметил невпопад:
– «Это солнышко под шляпа.
Будешь кушать словно над!
Кучерявыми смешками
проходите без мешков
тот кто здесь прошёл со смехом
гоните в шею того кто с мешками!

А ещё несите мне
большой мешок гороху
носы вам вымажу в говне
плечи царственные тоже потрогав».

2. Плач раненого к врачевателю

Грузный Дохтур долго плакал
и к молочнице пошёл
ну а так всё хорошо
только кровью вдруг закапал.
– «Потому что вынул финку
тот кто знает кукареку
пожалей меня калеку
дам арбуза половинку
на базаре астраханском
я купил его смеясь
потому что дорого ужасно
а лавочник был хитрый как змея».
– «Нет вы это мне скажите
как-нибудь в другие разы».
– «Я смертельно боюсь заразы!
лучше лекарства всякие покажите».
– «В чемоданчике моём
много есть микстур заморских
есть пилюли для запорских
вынимаем продаём!
На листочке вам рецепты
можем быстро написать.
Ваши круглые бицепсы
положите на кровать
отвиньтите оба уха
выньте третий правый глаз
на болезнь была проруха
только это не про нас». –
Пациента так утешив
Дохтур вынул неглиже

и решил его прослушать
принципиально нагишом.
Славный славный славный Дохтур!
Слабый слабый пациент!

3. Суждение Дохтура

– Не запор и не пердёж – –
а
в брюхо воткнут финский нож.

Сентябрь 1966

38-39. *Две вирши для Хвостенко*

1

Верхом карабкаясь, седок
удила гневно прикусил,
когда насупясь, как едок,
он раздобыл следы могил.
На чайной ложечке песок
шипит и кислым дребезжит,
и пробуждается висок,
и прочь отсюдова бежит:
здесь чудеса – Галецкий бродит,
Хвостенко на ветвях сидит...

2

В стакане чая ложечка плывёт,
она задумчива и нежна,
она под парусом красива.
Вокруг раскинулись сады,
в них показался профиль личный,
и гость заезжий, гость столичный
казался краем бороды.
Как необычный чемодан,
сидит приятная подруга.
И ложка звякает в стакан,
гостям протягивая руку.

Октябрь 1966

40

Л.Аронзону

Недвижен сад, плывущий в облаках,
что отражаются в ручье спешащем;
наружу сквозь видна в ветвях
столетних ив, закинувшихся в чащу
концами отражений постоянных,
похожих на концерт согласных:

к дл
зззз
нс

щ
кзз
лн

кй
нннн

Мелодия их длилась, словно ##########,
и о
п
у
с к
а
л
а
с
ь,
медля буквой ***й***.

Октябрь 1966

41. *Неоконченный мадригал для Р.П.*

На волю леса тень отдав, она стояла на брегу,
её олений вырез глаз
скользил, как будто на бегу,
селений мимо и стволов.
Прошедшим веком успокоясь,
она плыла меж облаков,
и солнца слабый луч готов
был заменить ей легкий пояс.
И птицы, медленно вспорхнув.....

Октябрь 1966

42. *Песнь героев*

Ю.Галéцкому

Висят слова, прорвавшие зеницы...
«Зачем?» – забытый кем вопрос?
На обособленной деснице
разлит сентябрьский купорос.

«Когда? Зачем?» – забыв куренье,
ты устремился вдаль рукой...
(У ветки каждой есть коренья,
но скрыты все они рекой,

что мимо окон перелеска
стремглав несётся на равнины,
ручьи её, небезызвестно, –
все – получают именины.)

Пирог красивых междуречий
от праздника и до плюща
разросся, положив на плечи
куски червонного плаща...

Тогда – что скрыть? – уже не можем
ударить клавишу рукой,
и только плачем, шепчем кожей,
желая обрести покой.

Природных сил запасов не имея,
опустим взоры и опустим руки,
за гневным ликом чародея
будем следить, ломая руки
в тоске необоримой муки...

И смерть найдём, «останься!» – крикнув,
и лица скроем покрывалом...
Умрём при сумраке кровавом,
печальный взор в отчаянье откинув.

Ноябрь 1966

43. *Вершина Хвостенко*

Поэма к 26-летнему юбилею

Глава первая
Олимпийский Бергамот
Из плеч явилась голова,
на шар арбузный чуть похожа, –
ее венцом были слова,
которые произносила рожа.
Внезапно приоткрылся рот,
наружу выставив свой локоть,
и улыбнулся обормот,
зубами начал гневно цокать.

Хвостенко руку приподнял,
с трудом найдя ее под шкапом, –
но обормот движенью внял:
из уха стало что-то капать.

Речь Хвостенко:

«Привет вам, ветры тихих дней!
Я вас любил когда-то очень.
Теперь, завидевши коней,
я поднимаю кверху очи.
Теперь мне снится иногда
промеж дупёл красивый дятел;
проходят грустные года,
не заходя к окрестной знати.
Теперь ликует огурец, –
и пусть его! пускай ликует! –
из гроба вылезет мертвец
и ваши козни забракует.
Теперь ангорский крокодил,
неся в зубах одежды ваши,
с улыбкой скромной проходил,
не заявляя о пропаже.

Теперь эстонец сладкогласный,
сомненья ваши разрешив,
стоит на холмике прекрасном
и моет руки от души.
Теперь коричневый портфель
в себя вбирает помидоры,
теперь апрельскую капель
уста целуют золотой Авроры.
Теперь покурим белых сигарет
и вместе улыбнемся Насте...
Нигде зубовной щетки нет
и нет нигде достойной пасты».

И так закончив речь свою,
он улыбнулся громогласно,
вертя доспехи на Луи,
он объяснил, что не напрасно
смеялся глупый лицедей,
прильнув устами к идиоту,
и, скрывши взоры от людей,
подал полено бегемоту.
И бегемот, поджав колени,
отважно прыгнул из дупла, –
но речь его была глупа
и сильно отдавала ленью.

Глава вторая
Про то, как собирали Хвостенко
Где Хвостенко не валялся,
чудный бык ревел от горя,
потешая своим красивым диким воплем
колодцы всех окрестных деревень.
А тем временем я заявляю, что обязательно,
что во-что-бы-то-ни-стало
не забуду голосов прилежных строек...

Прибрежный камень послужил плечами,
шпангоут корабельный
прочным стал ребром.
И укрепив костяк тушёнкой,
все стали размышлять о чём-то непонятном:
чего-то не хватает!
«Быть может, хвост пожертвовать?» –
спросил отважный бык.
Хвост был оторван.
С криком бык бежал и удалился.
Но рот, пещерой некогда служивший,
заметил всем собравшимся,
что нет,
не нужен сей отросток.
«Ну что ж, – сказали все в ответ, –
фамилию зато изобрели мы».
«Когда же будут руки? – рот осведомился. –
Хочу я почесать затылок...
Про вилки, помните, я вам не говорил».
Тем временем сотня роттердамских плотников
и вест-индийских фрезарей
довольно быстро сколотила остов
и кожей обтянула части.
Подъёмный кран
отверстие поднёс ко рту
и вдохновил его прилежно.
Сей остов сделал первый редкий резкий шаг
и покачнулся.
Затем другой последовал за первым,
и вот уже Хвостенко вдаль шагает
под радостные возгласы народов.

Глава третья

Какой был Хвостенко

1) Мёртвый
2) живой
3) больной
4) здоровый
5) простуженный
6) неграмотный
7) грамотный
8) умелый
9) сладкий
10) кислый
11) горький
12) вкусный
13) несъедобный
14) разный
15) красивый
16) костлявый
17) деревянный
18) стеклянный
19) оловянный
20) железный
21) каменный
22) настольный
23) двадцать третий
24) сильный
25) веселый
26) яхонтовый
27) брульянтовый
28) коричневый
29) синий
30) зеленый
31) серо-буро-малиновый
32) разноцветный
33) в крапинку
34) полосатый
35) волосатый
36) рябой
37) осипший

38) бесцветный
39) прозрачный
40) задвинутый
41) выдвинутый
42) отодвинутый
43) летающий
44) сонный
45) мудрый
46) бодрый
47) расколотый
48) целый
49) полый
50) гуттаперчевый
51) твердый
52) прямой
53) круглый
54) продолговатый
55) малокалиберный
56) изрядный
57) нарядный
58) русско-народный
59) горящий
60) свистящий
61) столующийся
62) едящий
63) пьющий
64) сущий
65) словарный
66) пивной
67) внучатый
68) старший
69) младший
70) вольный
71) странный
72) страшный
73) шахматный
74) шашечный
75) акварельный
76) нарисованный

77) сфотографированный
78) наклеенный
79) лишний
80) нужный
81) хороший
82) особенный
83) какой-то

Глава четвёртая
Что произошло с Хвостенко, когда он поскользнулся
— Он упал.

Глава пятая
Что произошло в лесу*

Глава шестая
Хвостенко на даче
Открылся шкаф
и выпало стекло.
И путник вплавь
плывет в тепле.
Вокруг – вода,
не видно зги.
Летят года,
за ними дни.
Мой путник всплыл
в последний раз.
Могучий пыл
и твердый глаз.
Его рука.
Плывет нога.
Вокруг – река.
В полях – стога.
Природа вся
пред ним лежит.
Глаз веселя,

* См. с. 31 – «Маленький серенький зайчик...» (Три романса, 3)

ныряет кит.
За ним дельфин
летит стрелой...

И вот в окно-с
он видит сон.
Какие сны
в краях весны?
Мясной бульон
и сладкий сон.
И чей-то сын.
Всех видит он.
За ним дельфин
несет кальсон.

Его цветы
цветут в пыли.
Для простоты
кричат кроты.

Бегут года.
Течет река.
...И нету сил.
Любимец роз
жует навоз.
Как будто он
и не бутон.

Но и не батон.

Глава седьмая
Рассуждения о Том и о Сём
Итак, вокруг текла река
на радость шумным хороводам, –
она и широка, и глубока
и приносит отчаянную радость народам.
конец

Ноябрь 1966
Соавтор: Дм.М.

44. *Рондо*

Итак, послание на юг
уже отправлено. Осталось
нарисовать неровный круг
и очутиться в Пакистане.

Перелистав все буквы кряду,
санскритский текст переведем;
затем – послание на север
напишем линией небрежной.

Ноябрь 1966

45

Рисуйте мой прилежный гений!
Но не надолго: схлынут сроки,
и прилетят сюда сороки,
качая обнажённой тенью.

– Но всё же средство есть к спасенью.
Какое ж? – Поразмыслив строго,
я вам отвечу. Но острога
не заменить вам песнопеньем.

Итак, забудьте устремленье
нарисовать словами лавры
и прилепить к ладони прозу, –

безумством превзойду я мавра
и кину вам седую розу, –
она пусть служит одобреньем!

Декабрь 1966

46

Дичась событий старины,
заходит князь в свою гробницу
и, закрывая наповал столицу,
рисует лица тишины.
Он умирает... Бедный князь!
О, вспомни памятные всходы,
когда уста величественной свободы
тебя целуют, веселясь!..
О князь! умри, но ненадолго, –
оставь беседовать кого-
нибудь другого с Волгой,
а сам исполни карамболь.
О князь! куда уйти ты можешь?
Куда свой взор ты устремил?
Зачем пред смертью долго моешь
свой неопрятный мандарин?..

«Зачем, зачем!.. так надо, значит, –
ответил князь, насупясь тихо. –
Твой профиль есть, но он незрячий,
а потому – прочти Плутарха!»

Декабрь 1966

47. *Происшествие на скотном дворе некоего князя мызы*

Русская басня

Однажды, скандыбочась вдругорядь,
воскликнул князь: «Какая стужа
стоит на нашем на дворе! И даже с-под коровы лужа
замерзла так, что не расковырять».
На сей велеречивый слог
ответствовала лужа:
«Такого толстого и глупого мужа
я бы засунула головою в стог».
Тут князь скользнул ногою левою
и об лед разбил свою рожу дебелую.

Мораль из басни, коей я податель,
пусть извлечет сам благосклоннейший читатель.

Декабрь 1966

48-52. *Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей*

1. Что мы сейчас сделаем

сейчас
мы ударим кактусом по щеке
ближайшего соседа
сделаем надрез на коже его живота
и вставим туда чайник

сами же
сядем вокруг самовара и будем пить сладкий кофей

когда напьемся
пойдем на луг
и там
поймав кобылу
нальем под хвост ей земляничного варенья
пусть будет ей приятно

прогулка наша
будет длиться
на свежем воздухе

а
чайник в животе
уже поспел наверно

теперь гостям предложим чаю
и сняв с петель ворота
ударим их по голове
да так
чтобы носы не сплющить

потом пойдем в театр смотреть на мавра
а может в зоопарк
там тоже хорошо
там открывается простора много
для новых наших действий

2. Отношение к современнику

если
нечаянно столкнуть со стола стакан
вместе с прилипшей к нему дохлой мухой
то наверное нельзя рассчитать траекторию его падения

если
плюнуть в сторону вытянутых ушей современника
то можно ожидать происхождения
какого да нибудь эффекта
если не осязательного
то хотя бы слухового или зрительного

если муха
упавшая вместе со стаканом
погибнет
то есть если она была еще жива в момент нечаянного
столкновения стакана
тогда можно ожидать одно

а если нет
то
совсем другое

3. Поэт на лошади

стреножа пылкий нрав субъекта
Поэт не сознаёт объекта

а траектория его
на ораторию похожа
а может быть похожа на Ничто

пердит Пегас вздымаясь в гору
его Поэт торопит каблуком
украшенным коровьею лепешкой
позволю вам заметить
он наступил в нее когда в коня садился

Поэт с Пегасом вместе напоминают нам кентавра
который часто маврам угрожал
трагедией Геракла

а также
навоз коровий
на правой стороне его ботинка
напоминает нам картину
ту самую что некогда была
украшена лягушкой из Миноса

какой бы грек еще
припомнился к изрядности великой

но нет
никак не вспомнить никого
ну разве что Ахилла и Париса
которые предась содомскому греху
напоминают
ускользнувшего за поворот
Поэта на Пегасе

4. Стихи под эпиграфом

*Где клизму ставят невпопад...**

железный патентованный каркас
предохранит от пули глупого китайца
но от цитаты не спасет

тем временем
на ипподроме
производились скачки трех газетных кизяков

и бард воспел их лирой звонкой

* из Дм.М.

сия состроена была игрушка мастером известным
известным недугом своим
не ел он мяса никогда но лишь картофель

поэт печальный
из папиросы выковыривал начинку
затем убил бутылкой молока
квадратный кактус

толпа вскричала браво
а он опять сокрылся
в ноздре горы
поросшей густо
кустарником синюшным

5. Стихи под другим эпиграфом

*Вокруг валялися дубы...**

вытерев пыль на морду поганца положим птенца
пусть лапками глаз расцарапает
и клювом могучим отрубим ему
и щеки и веки и дуб

затем
сумеем мы наверное присниться
тому кто Бармалея не боится
но медленно стреляет арбалетом
по направлению к ягодице нашего критика

критик совершая болезненные прыжки
мечется по долине пытаясь
стрелу торчащую из геморроя
изъять

* из него же

но это
труд напрасный

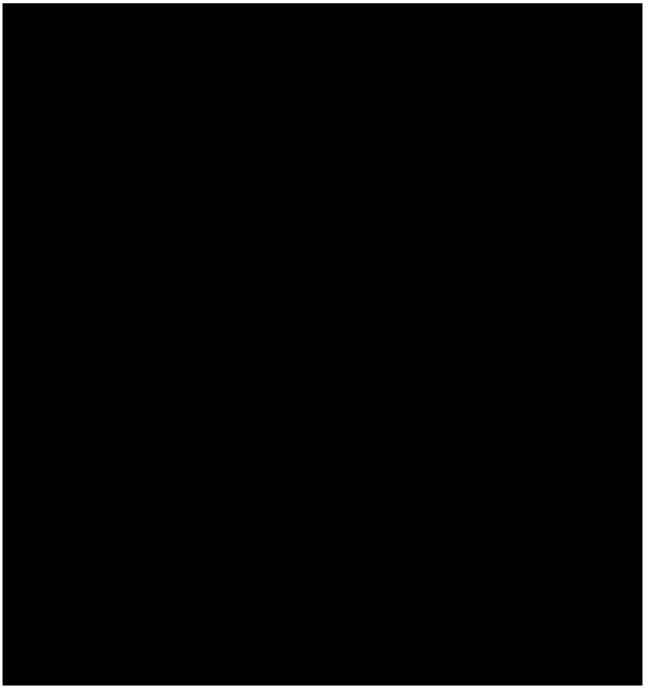
ах почему
он мечется так быстро
а не присядет чтоб размыслить о событии ужасном

ах почему
клюет он птицу острым задом
а не пытается понять ее строенье

ах почему
наш дорогой читатель
не вытер сопли перед чтеньем
сего спокойного рассказа
не знаем мы
и дуб из геморроя извлеченный
не знает тоже

февраль 1967

кнега кинга



Вл. Эрль

Кнега Кинга
и другие стихотворения

ан
бан
ван
ган
дан
жан
зан
кан
лан
ман
нан
пан
ран
сан
тан
фан
хан
цан
чан
шан
щан

буква
укв
клюква
юкв

бы
стоп
кккк

было
как–то
к
к
к
жан
зан

ган С наг
сон
нос
о

где-то
вот опять

где-то
нет-нет
где-то

где где где где где где
где где где где
где где
где
а
д
там
там там
там там там там
там там там там там там

нет
где-то

о
пять

где-то как-то нога
как-то где-то рука
ука
ога
аго
аку

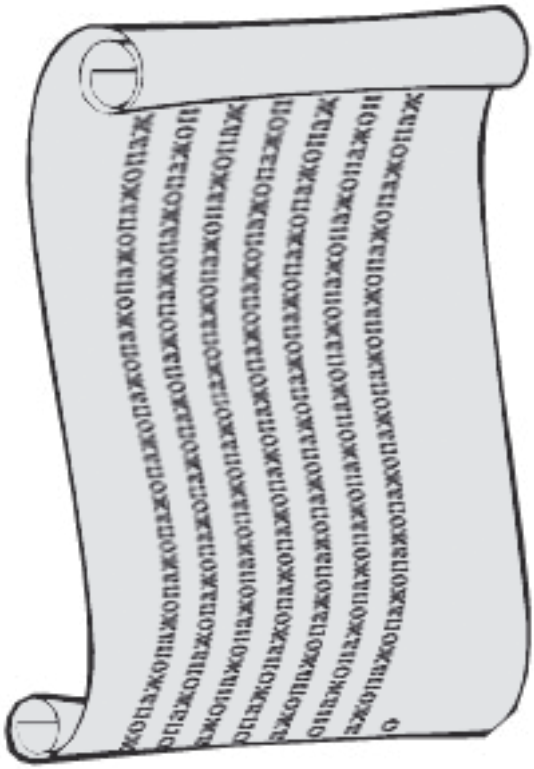
гибнет Ка
когда легка
эМ
кем
эН
кн

----------:

ж

ж

ЧИЖ



и яблоки проплыли в море

карамель
карара раа ра а
ворона карррррр

крик крыльев
карара
карамель

когда-то в древности
сейчас не древность

однако слышал я
кы-кы

потом случилось
нечто где

ответ тебе даст пояс

дорога поезд
пиво пей

приказ заслушан был
и дверь открылась
когда-то в древности

зомолчь

кы-кы: я смолк

кон
ь
был свеж

конец
гонец

горец
перц

к р о к о т а у б и р а н у
б е р б е р б е р
р р р
е е е
б б б
у н а р и б у а т о к о р к

к э к э к э

у к
э к

кто-
то
в
ы
п
а
л
и
з

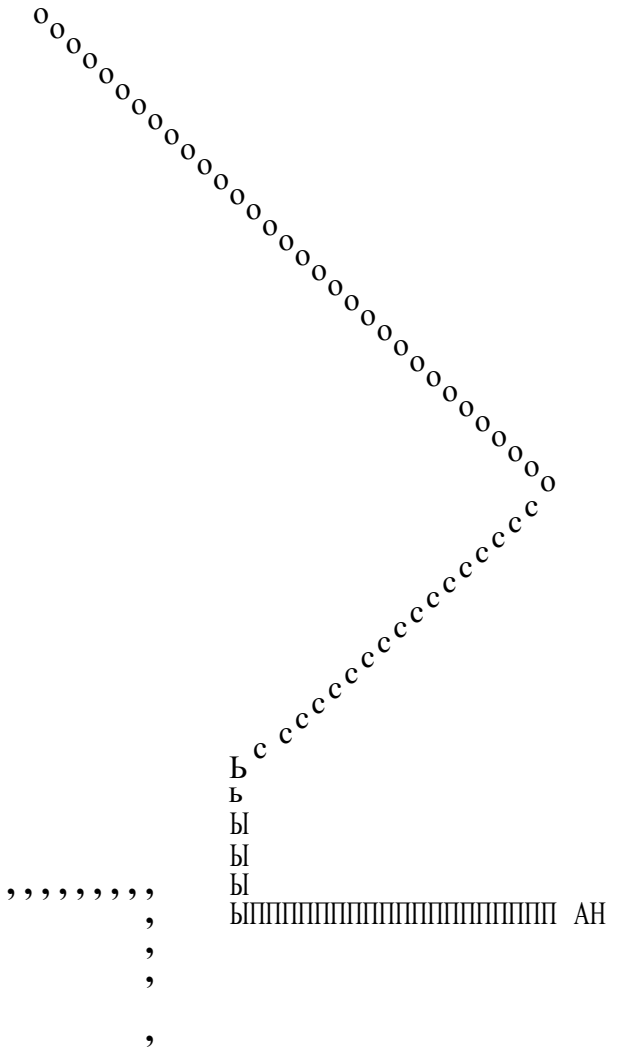
о
к
о
ш
к
аааа

кур с
рук з

кыр
вороний сыр
бАТОн
катон
тон
тина
картина
рыба
быба
сельдь
жердь

морошка
окошко
Люда–ублюда
Катулл

нет



опчатка
л = д

ооооооооооооооооооооооооооооооо
ссссссссссссссссссссссссссссссс
еееееееееееееееееёеееееееееееееее
лллллллллллллллллллллллллллллл

П

п
у
р
п у р т р у п
р
у
п

п о в т о р е н и е
е
п
о в т о р е н и
в н
о т о р е и
о о р и
т е
р
о

з н а ч и т с н о в а

Рамзес
великий
икий
мзес

1.

сигарета
сигарет
сигаре
сигар
сига
си$_{Г}$

2.

сиг

сиг
сиг
сиг
сиг
сиг

3.

г

г
г

г
г
г
г

си

смола устала
где-то

как его?

стрекоза
стреножила
десять
кэ

уклюнул стекло
кулындло стекло
ло ук
укло
укл ю
весло

формула
А.К.
была

не знаю

потому
что

ХЫ

ХЫН

СЫН

як ык

Ф Х Ц
Кнега Кинга Кончена
ц х ф

_____

15 и 25 июня 1965 года,
ноябрь 1965 года,
13 июня 1966 года,
9 июля 1966 года,
10 июня 1967 года.

_____

стихотворение на стр. 88
посвящается
сергею сегею.

Другие стихотворения

3, 4 и 8 мая 1965 года,
2 сентября 1965 года,
3 октября 1969 года.

стихотворение на стр. 101
посвящается анне таршис,
а стихотворение на стр. 102 –
тоже сергею сигею

голубь

крылья

паутина

голубь голубь

крылья озеро

крылья голубь

взмах

крылья

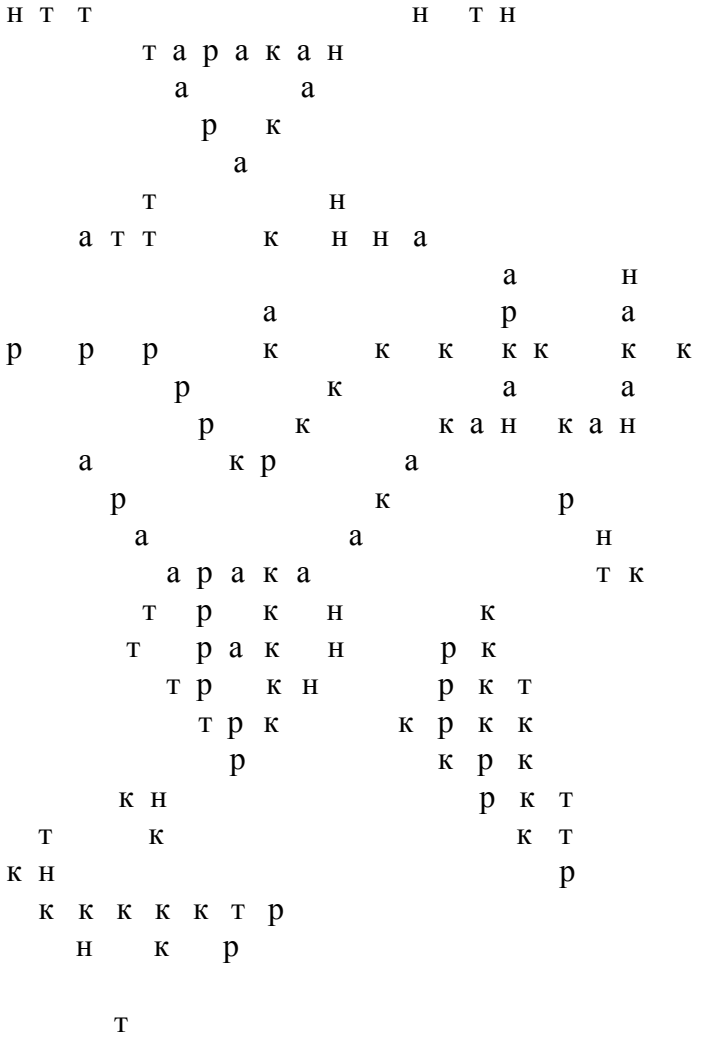
взмах

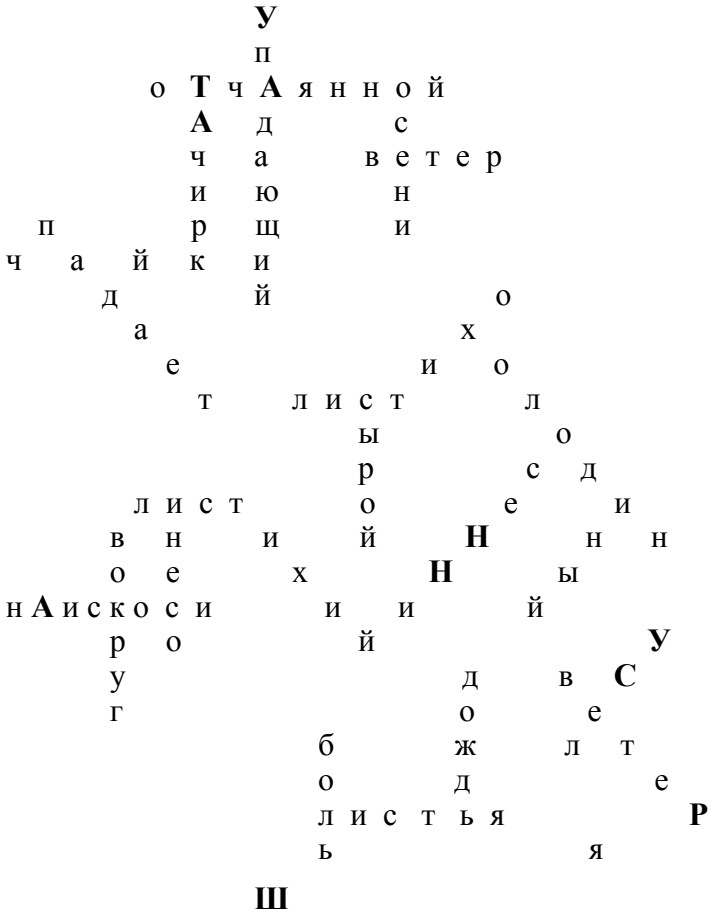
крылья паутина

взмах

голубь

Нашествие Таракана




У
п
о Т ч А я н н о й
А д с
ч а в е т е р
и ю н
п р щ и
ч а й к и
д й о
а х
е и о
т л и с т л
ы о
р с д
л и с т о е и
в н и й Н н н
о е х Н ы
н А и с к о с и и и й
р о й У
у д в С
г о е
б ж л т
о д е
л и с т ь я Р
ь я
Ш

царь
цруй
рыцарь
рун
я царуй
радуй радун
яр ч
рырараруй рад **Р**а
е
трататуй роя рай
Й
ядом
я взрыд водЕ
рад р
и р взор вдов
л
о
И
х
л а
е р
рыб бор быр бугор
У **Е**
взрод **С** л
рыд
У обр я
Г вар **У**
мудр **С** **Г**
тра выбр
Й в **Е**
лавр

стекалище
стакалище
стаканище

(ещё)
стуканище
стокалище
стеналище

(или ещё)
стиралище
стякалище
стягалище

(и ещё)
строгалище
стругалище
стрекалище
стерегалище
– сторожит

(и ещё и еще)

и сторожилище
– стережёт

г: иль гниль гнрль гн ль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль гнил ь гниль г нив гнил ь гниль гниль гниль гниль гниль гниль гниль елелеяяяелеелеея гниль гниль гниль

В
рОман
В стих
Ах

В О В А

роман в стихах

Хряк Муронов где-то как-нибудб
или кк я не знаю наверное как-то оте
лье где нннннннныыы
когда независимо или неожиданн
о возникло изображение
нет но наверное изображение ме
дленно улыбнулось компоты умирали не
хотя в желудках не знаю я
путешественник остался дома е
го путешествие зат янулось
хотя бы как-нибудь где бы взят
ь с собой десят ок путешественн иков
на завтра(к) не понял что не верблюд
а кто-то иной

общительный взгбляд мерзавца о живился сердитым врспоминанием

вытащив зубы из киселя и сложи в руки в левый карман пиджака я прош олся по комнате изображая лицом оско мину

осторожный воробей нес коробоч ку соплей

гуля гуля гуля ля расплескалас я сопля

опять вынул зубы из молодого г лаза проспекто Газа

вскрикнув льбитель остановился

кТо ЗдЕсЯ време нами я чуйству ю запах щей

василий где ты теперь я не пом ню василий где ты теперь я не помнью вависий

пОдБеРи СоПлЮ воскликнул путеш ественник воробей попятился и незави симо скончался

ты не пукай голубчик пызь пыз ь как каккк

прыжок не бывает голубчик то м ои; – сердценевыдержыт её%

орёшь ты прекрасно хотя и жопа что ж стого апор оже врезать не хотя и гду–то нога в жопе увязДала

либой голок невзарчрый на виду к кошкеп опа чья-то жопа где она?

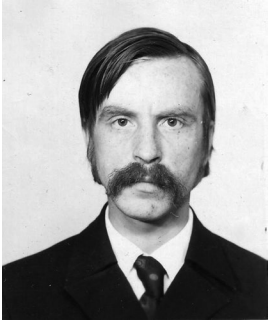
свистрящий жрун срун врун трун прун грун брун дристунчата

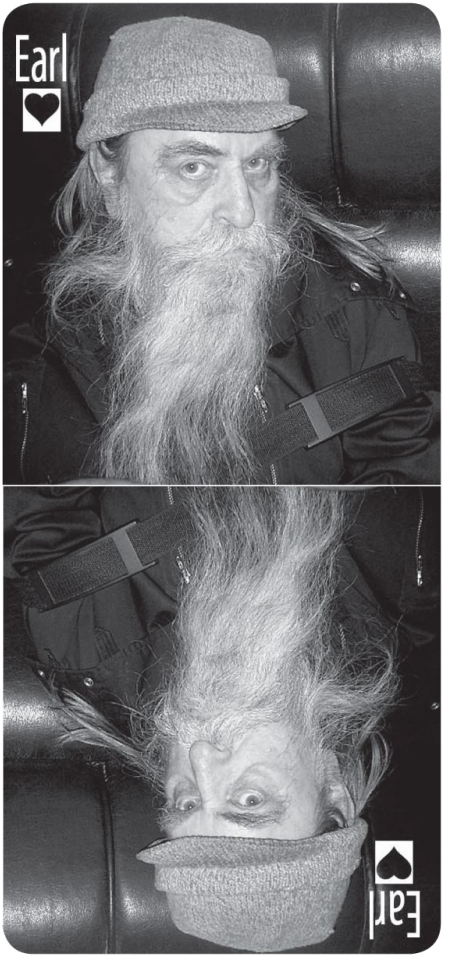
чадо дрищет на ветру милый нын чк я умрупр

к о н е ц

написано
совместно с автором другой главы
романа в этих стихах

17 июля 1966 года.




Earl
Earl

Стихотворения, драмагедии и поэмы. 1967–1969

97. *Баллада испанского трамвая*

Крамольные вычегды вышних локтей
кимвальные всполохи горних размеров
листали трамвайные всхляби дверей
на срезах кошачьих в глазах кавалера

лица половинчатый взгляд иноверца
касался поодаль граничащих встреч
иль медленный вздох на бегу иноходца
иль взрывы прыща соскользнувшего с плеч

такие пассажи намек узнавая
спешили граненым носам перешейка
придать полувыпуклость прыти трамвая
иль шею назвать полуласковым эйка

баллада вилась на щекастых обоях
как будто искось разомлевшего ига
и пляски встречались плешивых кобольдов
как слов сочлененье родившее книгу.

Март 1967

98. *Конотополь*

Историческая трагикомедия

Котовский: Хурма уже созрела...
Мария Гарсия Неруда: А померанец расцвела!
Котовский: А коли ты пока не умерла
я попрошу чтоб ты мне спела
Мария Гарсия Неруда (*поет*):
Хурма уже созрела
на тонких ручках белых
она, она
голодная была.
Котовский (*подхватывает*).
Лампасы расцветают
и музыка играет...
Оба вместе: Она, она
веселая была!
Мария Гарсия Неруда (*на другой мотив*):
Я купила журавля
у него в зубах картошка
подождите корабля
сядете в него немножко
а потом в мое окошко.
(*Вызывающе*):
Сядете в мое окошко!
Котовский: Я не сяду, я не сяду
в мертвеца!
Мария Гарсия Неруда: Ламца-дрица, ламца-дрица
ца-ца-ца!

(*Колдует огурцом. Появляется* Сволочь.)

Сволочь: А как сядешь, а как сядешь
в мертвеца
будет ламца, будет дрица
и ца-ца.

Появляется Ламца, Дрица *и* Ца-Ца. *Садятся в мертвецов и развозят всех по домам.*

Занавес

апрель 1967
Соавтор: А.Миронов

99

Не похвалу тебе стихами соплетаю...
Сумароков

Мой глаз консервы укрощает
и паки никому не угрожает
ни даже англичанину, который пиво пьет
и не портному даже, что штанину шьет
и всех своим искусством поражает
когда под стогом дева мудрого рожает
и в книгу челюсть первенца кладет
желая утопить каменья
в реке, что поражает все стремленья
и волнами журча поет.

песнь реки: «Мой глаз консервы укрощает
в свинине помидор воображает
и мудрому портному угрожает
которого штанина совершает
круги вокруг протеза скрипача
которого штанина совершает
высокий жребий скрипача
которого ботинок украшает
короткий северный лорнет.

Мой глаз консервы укрощает
на бледных персях возлежа
и паки никому не угрожает
как осенью зачавшая межа
которая штаниною портного
касается протеза скрипача
которого штанина совершает
того, кто замещает палача.

Мой глаз консервы укрощает
когда облезлый купорос
седую деву вопрошает

тем самым доведя ее до слез
она же, скрипача касаяся волос
его доводит бедного, несчастного до слез
и он уж ничего не понимает
и из очков кишечник вынимает
тем самым укрощая мудрого понос».

конец песни реки

Итак, друг мой, укрощены консервы
которые смутить успели нервы
младой роженицы, на чьих персях
глаз возлежал консервы укрощая
лорнетом северным кишечник защищая
тасуя первенца в горстях
чья челюсть в книге мудрой возлежала
и скрипачу вторым протезом угрожала
штаниною запутавшись во щах.

Не так ли ты, поэт, лукавствуешь нехитро
когда вдоль утра разуваешь гетры
в ответ на ласки юго-западных гетер
которые пускают ветры задом
которые пускают задом штормы
топя лихие корабли
на эр.

Апрель 1967
Соавтор: А.Миронов

100. *Тронка*

На берегу Финляндского вокзала
я повстречал красивого питекантро́па;
в его руках была Европа,
которую Евразия лизала.

Апрель 1967
Соавтор: Александр Миронов

101. *Встреча у Сервантеса*

Б. Ахмадулиной

Вдоль пепельниц вокзалов захолустных
вдали плевательниц судьбы
плевательниц и письменных и устных
качались стукаяся запертые лбы
и размышляли о судьбе гнилой капусты
которая сидела на плечах морковных таракана
и бормотала неумело пьяно
о том как сладки губы таракана
который был сорокалетний мальчик
с подвешенным к предплечью языком.

Любил он стукать яйца о каблук
и был приверженцем филологических наук
и был Наполеона закадычный друг
и был Цецилии великосветский внук
которого она карала нежно
за то что яйца он носил весьма небрежно
и часто стукал ими о каблук.

Апрель 1967
Соавтор: А.Миронов

102

Старомодный рояль возлежал на коленях прелестной Гонзалес...

Апрель 1967
Соавтор: А.Миронов

103

Будь терпелив
Вяземский
Будь справедлив
Кафка
Орлан пропел. Поодаль из мортиры...

Апрель 1967

104. *Случай на охоте*

Филиал

Итак, крестьянин торжествуя...
Из произведений Избушкина

Действующие лица

Фактура
Мануфактура
Манускрипт
Крестьянин

Крестьянин *выгоняет на пастбище* Фактуру *и* Мануфактуру*; рядом, пощелкивая кнутом, плетется* Манускрипт.

Манускрипт: Окрест обозреваю я пейзаж,
каким не погнушался бы Лесаж,
ни даже Бойль красивый Мариот.
А должен я теперь, как Элиот,
пасти весь день сей вернисаж.

Мануфактура:
Рояль тебе мешает, милый друг,
обозревать окрестности вокруг.
Не тешь отважный свой досуг!
Тебе бы надо дюжину подруг,
да дюжину сельдей, да бочку глотки, –
бальзам для пересохшей водки...

Фактура (*разлагаясь*):
Как хорошо в сей день весенний
ловить, играясь, комаров
и трогать пальцем песнопенья,
прозрачные хвосты коров;
и Крузенштерном вить пролески
протально-галевых лесов,
канат свивать из голосов
стыдливо-глупенькой бурлески!

Крестьянин: Переломаны межи таперича,
и переломаны ужи.
В буераках ставят свечи
облысевшие ежи.

Манускрипт: Нет, ты не прав, Отец Крестьянин!
Зачем ты споришь понапрасну?
Ведь над тобой царит дворянин,
которая Рептилия
готовит эскалопы, репетируя...

Пастбище (*оживая*):
Ну и гнусь!

Крестьянин: Нет, ты не прав, сынок любезный:
денек сегодня не железный.
Зачем ты прав, сынок напрасный, –
плоды Рептилии опасной
достались иному мудрецу,
что хлопает ладонью по лицу
и говорит при этом: «Здравствуй,
Микроцефал,
мой друг прелестный!..»
Смотри: денек сегодня не железный,
а ты всё дремлешь... Ты упал
с своей кровати деревянной, –
а день сегодня оловянный!

Фактура и Мануфактура, *расположившись на пастбище, слагают с себя свои полномочия*.

Занавес

Апрель 1967
Соавторы: ВНЕ, Л.Ентин и А.Миронов

105. *Булка*

Драматический фарс

Действующие лица и исполнители:

Булочница	– Швабра
Козырь	– Вася
Егор	– Галéцкий
Вафля	– Пепка
Предмет	– Луций Гай Фабрицио дель Фернандо
Штука	– Джером К.Джером
Проезжий	– Прохожий на мотоцикле
Похожий	– Бульон с Ливером

Действие происходит в мясной лавке. Утро.

На полу лежит Предмет. Егор *вынимает из витрины* Вафлю и Штуку.

Входит Булочница*; в ее руках* – Козырь.

Булочница (*выкладывая* Козырь *на прилавок*). Кто жив?

Егор (*веско*). Да, вроде, э-э-э...

Булочница. Отойди, – съем!

Егор *в ужасе отскакивает.*

Егор. Не ешь меня, – я тебе Вафлю дам!..

Булочница. Э, нет! Мне детей кормить надо. (*Показывает через плечо*).

Въезжает Прохожий *на мотоцикле.*

Прохожий. Где?

Егор. Сюда, пожалуйста.

Булочница. Спасибо. (*Уходит за ними не оглядываясь*).

На прилавке злобно кричит Козырь.

Предмет *оглядывается.*

Появляется Булочница*, довольно облизываясь.*

Все расходятся, кроме Прохожего.

Занавес.

Апрель 1967
Соавтор: Дм.М.

106. *Карп*

Драматические действия в лицах

Лица:

Корь
Конь
Пень
Вонь

В бане. Пахнет. Хорошо.
Входит Конь, п*адает, спотыкаясь о* Пень, *и заболевает* Корью.
Отчаянная Вонь.

Занавес

Апрель 1967
Соавтор: Дм.М.

107

О чём мы поведаем миру
покрыв позолотой кумира
раздавим ли нынче клопа?

взмахнем полнозвучною лирой
взмахнем полногрудой Пальмирой
поставив ее на попа

волнуется мудрое темя
качается потное вымя
иное нагрянуло время
иное написано имя

сужаются наши просторы
и ширятся наши Гольфштремы
и нового века уборы
украсили наш Кара-Кум.

Апрель 1967
Соавторы: Дм.М. и ВНЕ

108. *Голкипер*

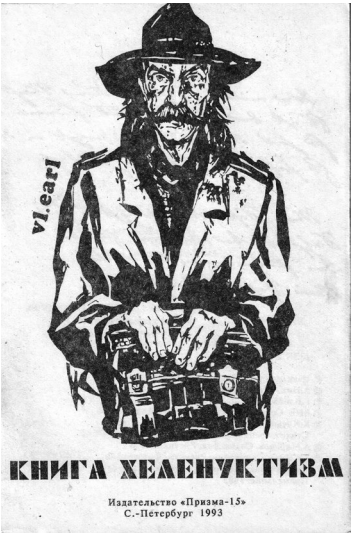
Мистерия

Действующие лица:

Город Кишинев
Лавочник из Кишинева
Гурман из Кишинева
Марафон в Кишиневе
Шитик

Шитик: *спотыкается в стихах.*
Город Кишинев: *поэма.*
Гурман из Кишинева: *сонет.*
Лавочник из Кишинева: *речитатив и дуэт.*
Марафон в Кишиневе: *стихотворный сюжет.*

Май 1967
Соавтор: Дм.М.



109

К.Вагинову

Нет! я не Байрон... Я другой
страны неведомый сподвижник.
Я лампу взял за абажур,
я тихой сапой развлекаюсь.
Что мне вода? Понтийских хладных вод
испил немало я... И, торжествуя,
я бью по бубну кулаком,
себя тем самым объявляя.

Май 1967

110

Певец прохладный Геллеспонта,
на что ты зришь?
И где, внимая шуму Понта,
легко паришь?

Где ты, торжественный и скромный?
Куда, куда,
питаясь пищею скоромной,
стремишь суда,

что, разрезая волны моря,
бегут вперёд,
и на которых привкус горя
губами чувствуешь назад?..

Май 1967

111

Смотри отважно вдаль, свирепый мореплавель, –
чьи острова твои? чьи острова захвачены вчера?
Куда же плыть теперь, куда стремить корабль,
какая ждет тебя отпетая дыра?
Ты сослан. Пусть. Но – где итог стремленья,
итог пути? – Вопрос мой вечен...
Досуг степенных слововедов
сравнится разве с ним,
когда и стар, и млад – всё населенье
идет под бременем обедов?.. Но – зачем
листают волны океана книгу,
где между строк ладья твоя мелькает? –
На той ладье стоишь, покорен мигу,
покорен игу, что тобой владеет, –
и отлетает...

Август 1967

112. *Пусть!*

Драматический этюд

Действуют:

Чулан в среду
Чума
Чулок
Чудак
Челкаш
Чай

Посередине – пасть (*зубная*). *Дымно. Шумно* (*стучат и жуют*). *Кальсоны. Несет. Толпой.*
Сбоку – туфли на сковородке. Ладно.
Все дело происходит на озере Селинжер.

Входит Чулан в среду. *Вносит* Чай. *Нервно. Из кальсон выползают* Чулки.

Челкаш. Опять не так!

Падает из Чулка Чудак.

Челкаш. Послушайте, вонючие Чулки, подайте мне.

Чудак *заболевает* Чумой.

Челкаш. Мне не хочется.

Чулан в среду (*задергивая занавес*): Пусть всё это послужит вам хорошим уроком!

Конец

Сентябрь 1967
Соавторы: Дм.М. и Н.Ф.

113

Снова возложен на плечи
камень кричащий травой
легче казался листвы тоньше течи
словесной была эта тяжесть
но – поднимается снова рука
кверху стремится десница
словесная вязь плетет рекой
свои кружева

день

ночь за ночью листаю пейзажей книгу
еле заметно – луна
медленный серп
грохоча и беснуясь
проплывает над крышей
дома ночного

дым

только дым и туман
над росистым полем витают...

Встают по утрам
поднимаются вверх
цветов лепестки
отряхают
прозрачных кристалликов массу

и только
камень лежит – неподвижен громоздок!

Октябрь 1967

114

Ввиду кавказского Эльбруса
чеченец младый и лихой
сказал заведомой бабусе,
что надо кутаться дохой.
Бабуся ветхая молчала
среди кавказского хребта,
и речь ее была крепка
и извивалась, как мочало.
Она ответствовала хрипло:
«Уроки Пушкина прекрасны,
они затейливы, напрасны,
они для уха – словно скрипка
в руках неловкого Невтона,
который не читал Платона,
который обществу служил
на поприще предельно-ясном,
который славой дорожил,
не размышляя об ужасном».
Старуха кончила. Чеченец
из бурки ласковый укор
явил наружу. Полотенец
не ведал он. И взор,
слезой слегка туманясь,
прелестный начертал на скалах померанец...
Все стихло. Вдаль понесся Терек,
вспорхнул громадный каменный орел.
И только двое рассуждали о портьере,
в свидетели призвав их славы ореол.

Декабрь 1967
Соавтор: Дм.М.

115. *Пролог под эпиграфом*

Пустынных форм томительно ищу...
К.Вагинов

Мы ждём свечей переворот
и слов ночных таинственный полёт.
Куда полёт? В безветрие светил?
Органный блеск воды, несоответствье пауз
и снова: слов томительный пакгауз,
пустынных форм... Печальный гамадрил
является из чащи древ трущобных,
и вопль его речей утробных
вдали повис, – дорогу осветил...
Итак, – да здравствует свечей переворот,
аулов горное «ау!..»
Пейзаж листа разбудит рот.
Так из пустынь прозрачное «горю!..»
появится во всём своём величье,
забыв все прежние обличья.

И снова сядут вкруг стола
четыре гостя, поведут беседу
о том, о сём, о совершенстве зла
и о готовности к великому обету – –
в знак праздности...

Январь 1968

116

Свобода! птицей реет слово...
Куда летит нагая эта птица?
Едва поднялась, – опустилась снова
над синевой безбрежного лица...
Над веком позлащённого паркета,
дубовой радостью горя!
Морёных слов опустится преграда
от февраля до октября.
И снова: птица – ввысь!
И снова: над дубовым,
морёным веком поднялась
и опускается к дубравам,
к траве, к ручью... Исчезла, наконец.
Осталось только слово, вдох
и память о свободе.

Февраль 1968

117

Ругалась гневная старуха,
глазами мрачными скорбя,
кричала громко: «Есть проруха
и на меня, и на тебя!»
И жук, крыла сложив гармошкой,
накинув на плечи ватин,
понёсся в поле за картошкой,
сравнявшись с тысячью скотин.
Так сказал и был таков
Лысенкову Лысенков.

Февраль 1968
Соавторы: Дм.М. и Н.Ф.

118. *В меру даденная подзатыльница, или же Торжество Добродетели*

Драматическая пословица

Полиомиелит *садится за рояли и наигрывает на фортепианах, сам себе подпевая.*

Песня Полиомиелита:

Румяное солнце взошло из небес,
к нему подошел молодой Иванес.
Иванес, Иванес!..

Однажды старушка отправилась в лес,
тут к ней подошел молодой Иванес.
Иванес, Иванес!..

Путник усталый на крышу залез,
к нему подошел молодой Иванес.
Иванес, Иванес!..

Голубь в полете убавил свой вес –
остался лежать молодой Иванес.
Иванес, Иванес!..

Суфлёр (*из будки*):

Васька, Васька, подь сюды! У, лешай! Подь, говорю, – дело есть.

Васька (*поет*):

Я из сада выбегала
на простор речной волны...
У меня силёнок мало,
и в меня все влюблены.

Суфлёр: Уйди, сволочь, убью!

Васька (*поет*):

Пойду на бугор я и буду стоять;
вокруг разливается бурная гладь.
Вокруг реют птахи и волны шумят, –
они ничего от меня не хотят!

Полиомиелит *подбегает к* Ваське *и дает ему 4* (четыре) *затрещины.*

Васька *с плачем убегает.*

Полиомиелит (*торжественно*):

Так торжествует добродетель!

Занавес

Полиомиелит (*просовывая голову между половинок занавеса*):

Так торжествует добродетель!

Февраль 1968

Соавтор: Дм.М.

119. *Воззвание к душе отважного П.С.*

Лысеет мир. На пахоте картины
могучий труд являют из себя.
Торжественно поникшая рутина
взвилась на мачты бригантины,
забытое отечество любя.

Лысеет вепрь. Безумьем рвутся струны,
и руки перестали узнавать
в ногах свернувшиеся руны,
которые, подобно волн буруну,
морские берега отчаялись лизать.

Лысеет Рак. Печальное страданье
покрыло пеленой усталое чело.
Ему не нужны больше праздные лобзанья,
которые не остановят угасанья
отечества, которое зело.

Лысеет кит. Усов поникших сладость
на дерево дубовое легла.
Окрест смеется ветреная младость,
роняет шишки маленькая радость...
И отступает молчаливо мгла.

Возросший волос падает на плечи,
и жизни закипают пузыри.
Они бурлят на новгородском вече,
среди татар, средь запорожской сечи...

– Гори и ты, душа моя, гори!

Февруарий 1968
Соавтор: Дм. М.

120. *Эвридика*

Пламя свечи виновато марьяжит.
Меняется форма, рождается шорох –
Орфея плач. Он слышит
удар руки по струнам звонкой лиры...
Связует нить воззрений паука,
повисшего над миром
мельчайших тканей, –
тянется за словом моим паутина –
златого дня немыслимый конец.

И пьет Орфей настой из терпких слов,
забывшись сном, над лирою склоняясь
и наблюдая гладь
сиреневого Стикса.

Март 1968

121. *Разговор о выяснении Иванова*

Первый: Смотри скорей, бежит козел,
за ним летит пчела.
Смотри, обходит новосел
окраины села.
Смотри, за ним летит комар
и едет паровоз,
его зовут Макар, Макар, –
он слышит запах роз.
Скорей смотри, на берегу
средь ивовых кустов
лежит Онуфрий на боку,
а рядом – Иванов.
Ты слышишь, кто-то говорит
Макару: «Подожди!»
Смотри, твой дом горит, горит, –
пожар ты не туши!
Смотри, как пламя лижет хлев
и жарит зад коров.
Смотри, вот гибнет твой посев,
хохочет Иванов.
Смотри, Онуфрий на брегу
лобзает монпансье.
Смотри, вот волны вдаль бегут,
хлопочут о весне.
Смотри, вот ласточка с овсом
к нам в сени не спешит...
Смотри, как хлюпает веслом
певец аула Бастунжи!

Второй: Мой кров сгорел,
посевы – тоже...
И вот я не у дел,
покрыт рогожей.
Печальный смех
в устах застыл...

Младых утех
вернуть нет сил!
К окну приду –
его уж нет...
И сяду я
на табурет.
И вот, что я вижу:
Я вижу, спать идет Онуфрий,
за ним плетется Иванов.
Онуфрий квас жует протухлый,
хохочет праздный Иванов.
Сосна роняет свои ели,
Вокруг толпится Иванов.
Орлов с Истоминой в постеле, –
и рядом с ними Иванов.
Терентий любит помидоры,
стихи читает Иванов.
Вокруг стоят лесов заборы,
их охраняет Иванов.
Я вижу: мгла спустилась с неба,
покрыт той мглою Иванов...
Испек в углях я корку хлеба, –
а съел жаркое Иванов.

Иванов: Я жил в Шанхае, жил в Париже,
в Москве, в Бердичеве, в Дубках, –
но всех милее, всех мне ближе
аул печальный Бастунжи.

Первый: Печально лето в Бастунжах, –
там кошки ездят на ежах.

Второй: В степи, я помню, зверь лежал,
в его груди торчал кинжал.

Первый: Мне снился сон: в долине Дагестана
лежал я, трезвый, на боку.
Ко мне пришла старушка-мама,
сказала: «Больше не могу!»

Онуфрий: Взвейтесь, соколы, орлами!

Второй: Письмецо снесите даме,
чье я сердце полюбил,
и жизнь младую погубил.
Иванов: Пускай она поплачет, –
ей ничего не значит.
Первый: Пускай она поплачет, –
ей ничего не значит.
Второй: Пускай она поплачет, –
ей ничего не значит.
Онуфрий: Напрасно спросишь ты, Макар: «Скажи,
не помнишь ли аула Бастунжи?..»

Май 1968
Соавтор: Дм.М.

122. *Баллада из Уланда**

Небогатый гордый рыцарь
на коне своём летит,
вдруг Людмилу замечает
и навстречу к ней спешит.

«Людмила, милая Людмила», –
ей честный рыцарь говорит...
Людмила лоб сердито хмурит
и ничего не говорит.

Несчастный рыцарь обнимает
Людмилу нежную в руках,
к груди железной прижимает...
Но только вдруг – увы и ах! –

в его объятьях воцарилась
уж не Людмила – хладный труп!!!
И рыцарь скромно поклонился,
к коню взлетев на круп...

И скачет рыцарь небогатый,
над арфой плачет и поёт, –
Людмилу сердцем вспоминает
и боль разлуки с нею пьёт.

Май 1968

* «...кто всех собой давил».
(Некрасов)

123

Мне нравится мужчина
в зеленом пиджаке.
Вот, не боясь пучина,
подходит он к реке.

Стоит парнишка в кепке
вдали, невдалеке,
его умишко крепкий
витает налегке.

Май 1968
Соавтор: Дм.М.

124. *Шарообразность*

Пролог

Сцена представляет собой трактир или кибитку. Посередине стоит биллиард, а на нем Игроки. В руках у них кий.

Они оживленно беседуют, отчего с ними получился следующий диалог:

Первый. У меня в руке шар.
Второй. У меня в руке кий.
Первый. Не хотите ли партию в биллиард?
Второй. С удовольствием.
Первый. Что у вас в руке?
Второй. У меня, как я уже говорил, в руке кий, а у вас, как вы уже говорили, в руке шар. Если бы вы сказали, что у вас в руке кий, а я бы сказал, что у меня в руке шар, то это было бы неверно.
Первый. Нет... У меня в руке шар.
Второй. Да я и говорю, что шар, а не кий. Я просто говорю, что у меня в руке кий.
Первый. Ну хорошо. Оставим это. Так давайте партию в биллиард?
Второй. С удовольствием! Но... Ведь у вас всего один кий?
Первый. Это у вас кий, а у меня шар. Вот! Я держу его в руке. Вот, видите, – шар.
Второй. Да, на самом деле шар...
Первый. Шар!
Второй. Да, да, действительно...
Первый. А я и говорю. Я вам с самого начала сказал, что у меня шар... А не кий!
Второй. Да я с вами не спорю...
Первый. А вы спорьте! Должно же у вас быть свое мнение?
Второй. Должно...
Первый. Ну так давайте спорить!
Второй. Давайте.
Первый. Ну?
Второй. Что «ну»?

Первый. Начинайте!
Второй. Что «начинайте»?
Первый. Да спорить начинайте. Ну, скажите, что у меня в руке кий, скажите!
Второй. Зачем? У вас в руке шар, а не кий. Я это с самого начала знал...
Первый. Ну а чего ж вы тогда спорите?
Второй. Как «чего ж»? – Сами сказали...
Первый. Да, сказал. Так я почему сказал...
Второй. Почему?
Первый. Потому, что у меня в руке шар. Шар, понимаете? Вот, видите, – шар. Хотите потрогать?
Второй. Да, хороший шар... Где вы его взяли?
Первый. Это мой шар.
Второй. Ну так чего же вы от меня хотите?
Первый. Ничего. Просто показываю шар.
Второй. Шар?!

(*Бледнеет и отворачивается. Про себя*):

– О, парус мой! Зачем, надутый,
ты в море страшное спешишь?
Зачем мне члены давят путы
одежд, печали, страсти, лжи?

Зачем стремлюсь душою к буре,
зачем завидую врагам,
зачем девической фигуре
я жизнь свою навек отдал?

Зачем, мечтая о камзоле,
крепил дыхание порой?
Зачем в случайном нежном взоре
я видел берег голубой?

Зачем терзался я ночами,
зачем отталкивал обед?

Зачем я пренебрег ключами
к дороге счастья и побед?!

Теперь я понял: все напрасно!
Потух в груди моей пожар...

О! как же все-таки ужасно
увидеть биллиардный шар!

Июль 1968
Соавтор: Дм.М.

125. *Туанельский лебедь*

Я отчалил
и отчаял
посреди сибирских вод
блещет блещет сизый пруд.

Лебедь лебедь туанельский
носит розовый венок
уплывает отражаясь
в блеске свеч в мельканье ног
бал поистине изящен
хлопнет брызгами гавот
кто потерян кто утрачен
кто над лирою поёт
кто листает тень за тенью
дерзкий нежный и тревожный
кто роняет оперенье
кто полянами стреножен...

Уплывает рыба в море
шевельнёт хвостом хвостом
опускает гриб опору
под берёзовым листом.

Опускалось небо боком
на бугры и буераки
пробегали скоком скоком
по паркетам ходят фраки
на вощёных досках пола
проносились отраженья
изучив проблемы пола
побросали оперенья
и ложились как каскад
наугад.

Непонятными остались
горы реки и мосты
рыбы в сети шли и бились.

С высоты
опускались слов качели
повторенья тёмных снов
и раскачивались ели
вдоль.

Блещет блещет сизый пруд
посреди сибирских вод
там где лебедь туанельскнй...

Я отчаял –

я отчалил
наконец.

Июль 1968

126. *В Ереван!*

Бдит народ сминая ветки
молча падает в траву
позади кричат соседки
говорят что в ереване
темным полем длинным лесом
мчится всадник на коне
лезет мышка скачет крышка
Пушкин лает на луну.

Гоголь сумрачный приходит
он не низок не высок
на губах его кусок
на усах его капуста
для зубов торчит висок.

На полянке кулачок
гриб старушка и сверчок
небо блещет канделябром
опускается в подвал
достает большой аршин.

Летает жестяной диван
пылает дровяной сарай.

Пришел шутник и пошутил
потом за чаем задремал
к нему подходит Пушкин дикий
и говорит: айда в леса!

Прилетел орел и сник
прибежала цапля
булка
топчет козий переулок.

Пушкин едет в Ереван.

Грибоедов съел медведя
написал стихотворенье
и уехал в Ереван.

В лес пошел печальный конь
позади кричит огонь
светят звезды вдалеке
и мужик сидит на кулаке.

Он теперь мужик уехал
он теперь туда приехал
и уехал в Ереван.

Август 1968

127

На брегу пустынных птиц
отражался лебедь синий
звуком опустевших лиц
лиц упавших на холсты.

Так и я
стою вдали
синим светом отражаюсь
медленно едва вращаюсь
и цветком расту в песке.

Ходят мимо дни и годы
едут двое вслед за мной
я стою смотрю на воды
и качаюсь на ветру
опускаю ноги в руки
и пою на берегу
лес качается от скуки
и качает головой.

Прилетает птица
в клюве
держит маленький фонарь
отражаются хвосты букв букв букв
и опять горит фонарь

свет упал и снова взвился
птица в лес ушла и села на пенек
дым костра в рукав забился
сжался
в щели улетел –

я стою и смотрю
не ухожу –

опускается облако
прилетает лев крылатый
трубит в рог.

Далеко вокруг леса
в тех лесах стоят дома
в них разбойники живут
человечину жуют
смотрят
в окна лезет вор
обнимающий топор
лобызающий топор
и разбойники сидят
мяса больше не едят
вор здоровается с ними
просит хлеба и воды
говорит что дождь идет.

Прилетает птица вновь
улетает птица в лес
и уносит за собой
дом разбойничий пустой
дым валит
горит изба
на спине у птицы
суета
нету дома пень остался
вдруг взлетел и закачался...

Я ушел давным-давно
все смеются надо мной
но я опять пришел сюда
без лица
все взглянули мне в глаза
просят больше не гулять
просят больше не ходить
не терять зрачки в лесу –

я спокоен:
унесу!

Август 1968

128

Встают и уходят.
В пустыни летят
прозрачные кусты
и за ними летят
горы леса длина ширина и мосты –
прилетели улетели
отдохнули и опять
улетят.

Поднимаются висят
непонятные слова
черной паузой свистят
улетают – и назад.

Здесь же остаются
различные куски понятий –
вьются вьются опускаются
на коричневый пейзаж.

Здесь – леса.
Они стоят
они уходят медленно в луга
а с лугов уходят в леса
звери рыбы и поля.

Там они останутся.
Они сольются
с травой водой и атмосферой
они замаскируются под древних обитателей тех мест
они установят купол
под куполом они будут висеть
в неподвижности –

будут петь молчать и звучать –
будут молчать и внимать
звукам доносящимся извне.

Внутри все останется другим.
Внутри будет висеть терпкий дым
дым будет облекать фигуры и тела
оставшиеся под.

Фигуры и тела оставшиеся над
будут молчать и видеть
как в густом прозрачном дыму
ограниченном куполом
улетают прилетают
появляются и исчезают
горы леса луга
звери ушедшие с лугов в леса
птицы улетевшие из лесов в луга
люди пребывающие повсеместно
и я –
наблюдающий за изменяющимся пейзажем местности
и отмечающий
сколько времени уходит
на каждое изменение вещи
предмета
и существующих живых тел.

И я –
улетел.

Август 1968

129. *Я и ты**

Упругость праздной болтовни
горит в твоих глазах...
В зрачках пылают головни –
с улыбкой на устах.

А я... Я притаюсь в кустах
и буду петь: «Моргни, моргни!
Не спрячешь дерево в лесах:
вот так и мы, – совсем одни...»

Ты перебьешь и застрекочешь,
улыбку сгонишь на лицо,
потом захлопаешь в ладоши...

А я – корявым подлецом
одену на ноги калоши
и грудь устрою колесом.

Август 1968

* Примеч. к строке 13 – «Одену» (вместо «правильного» «надену») написано нарочито, – ср. «к» вместо «г» двумя словами позже.

130

Приходила чёрная коза,
из болот блеснула серым глазом.
Прянула железа полоса
под Лугой или Петербургом сразу.
Полетел Кикимор в день-деньской,
улетел гулять по першпективе,
а его прихлопнули доской
на крыльцо седого бригадира.
Бригадиру скоро шестьдесят,
у него большая борода,
в бороде под вечер воши егозят .
и таращат сонные глаза.
А в глазах кусочек неба голубой,
в небе птичка, – значит, это чайка
или жаворонок, – качает головой
над поляной или над лужайкой.
Брёвна носят молча мужики, –
за забором, знать, лихое дело! -
Ты сказала: «Лопни кулаки,
только б я на это не смотрела!..»
Пожимал плечами бегемот
и с улыбкой вывернул живот,
на губах его цветочек полевой,
а в цветочке пчёлка дремлет...
Мальчик бегает с иглой
и играет в полководцев древних,
за ним летит комар,
за комаром – другой...
Потом приехал лунный шар
и день закончился ногой.

Сентябрь 1968

131. *Стихи, предшествующие путешествию на юг*

На крышах вдоль Обводного канала
декабрьским снеговым наносом
ползёт из глубины опала
продольный заговор московский.

Из-за щелей, заборов, ставен,
из-за сугробов безугольных
слова ненужные вставали
над буклями речей крамольных,

над буквами слов безучастных,
над полудённым снегопадом
сновали вымершие касты
и падали с ногами рядом, –

кружились, пели и трещали,
в глаза пустые залетали
обрывки выспренних пищалей
и горных полумраков дали.

И, возвращаясь к слов началу,
в плену Обводного канала
тоска монгольская звучала
и монотонно затихала...

Но рядом с ней – коломенскими снами –
рвалась и билась с треском вьюга,
кружилась, расставаясь с нами,
и улетала птицей – к югу.

Декабрь 1968

132

Навстречу мне, – хороший, дружелюбный –
из подворотни смотрит человек.

Декабрь 1968

133

Не знаю, на самом ли деле,
иль только привидится мне, –
но в день золотого апреля
увижу я тень на стене:

на стол упадет, шевельнется,
качнется, к дверям подбежит,
из рамы стеклом отзовется
и хрусталем зазвенит...

И встану я, выйду навстречу,
руками упрусь в пустоту...
Обрыв. И медлительно плечи
вослед за ногами падут.

Январь 1969

134. *Косноязычьем горд...*

Косноязычьем горд,
за пазуху упрячу
тяжелые слова. – И снова в сон уйду.
И снова вплавь. И снова
наудачу
листаю отраженья на лету.
Смежает сон туманные ресницы,
глаза уходят в глубь ночей...
И вторит на холмах
напеву вещей птицы
собранье престарелых палачей.
Их руки тянутся к огню,
ладони заскорузлые
тепло глотают.
Взлетают искры.
Облачному дню
летать предписано. –
И он взлетает.
Взлетает медленно, качаясь на весу,
и на секунду в листьях дуба застревает, –
там кружится... И снова улетает, –
и, наконец, скрывается в лесу.
Я вслед за ним.
Иду меж древ тяжелых,
меняю пыльные лучи на тень стволов,
сажусь в траву – и снова засыпаю.
Я вижу множество голов,
кричащих друг за другом:
«Чур! Я отлетаю!..»
И все вокруг темнеет снова.
Средь этой черноты серебряной чеканкой
блестит и манит лунный диск, –
скрывается за облако стыдливою беглянкой
и снова манит...
– Бледный одалиск!

Я слышу голос:

Гудит волна
ее манит луна
я ухожу в мир
белый как дым
луна мой кумир
я иду за ним
вместе с волной
бегу за луной
улетаю
не знаю
куда
я – вода.

Опять тишина.
Облака полнолунье не скроют.
Я стою и смотрю –
надо мной побледневшее небо.
Черные люди лопатами роют
длинные ямы для зерен погибшего хлеба.
Вороны пляшут на жердях чугунной ограды.
Плещутся волны, на берег взбегая,
на них
мечется лодка под парусом, рядом – другая, –
и еще, и еще,
словно толпы ночного парада.

Ночной парад

Человеческих лилий обугленный сад
над пустынным оврагом повис.
Вижу: снова вступает парад
туда, где огонь устремляется вниз.
Медленный звон колокольцев ночных,
черный наряд опустевших ланит, –
движется, падает, кружится в них
лес дверных пирамид.

Выход – в поля, где горят зеркала
в блеске свечей и мерцанье луны, –
там неподвижную плоскость стола
ты созерцаешь, понур и уныл:
бычий наклон опустившихся глаз,
ловкий поклон – кавалера на час.
Звон бубенцов и мерцанье ланит,
звон колокольный и черный овраг...
Ты посмотри: отраженье манит, –
плавает в зеркале – вран! –
черные крылья простер над рекой...
Тает свеча. Видишь, – облик другой
из-за спины вылетает к луне,
по полю скачет на белом коне
в черных одеждах, с мечом и ковшом
мчится в овраге сквозном...
Пламя опять обнимает, треща,
мокрых поленниц заброшенный сад.
Скачет и вьется над дымом душа, –
мчится стрелой – на парад.

Здесь оканчивается описание Ночного Парада.

Ночь, как свеча, тает и тает,
бледнеет, как ужас, и падает в воду,
и улетает, – стремглав в небеса улетает,
оставляя взамен
место черного брода.
Утро холодное мне не приносит покоя, –
день начинается – длинный, пустой...
День, уходи!
Вечер, спеши, –
за твоею спиною
ночь возвышается.
– Она уведет за собой.

Декабрь 1968; март 1969

135. *Стихи к Имяреку*

Что тот павлин...
Сумароков

Вельми высок и носом крепко статен,
жидок власами и брадой глубок,
Пиита знатный, к безобразьям жаден,
ты, прыщ Германский, теребишь висок
и тычешь носом, словно голубок
в зерно ячменное, – последнейший из гадин,
из гадин гад, отвергнутый кусок
мозгов, отроду не имевших впадин.

Твой жалкий вид к сочувствию не тщит;
мозгов твоих томительная влага
поэзии отнюдь, – увы! – не пробудит, –
твой череп, как истлевшая бумага,
понятий современных не вместит:
так шоферская замшевая крага,
скрывая пальцев неприглядный вид,
сжимает древко яростного флага.

Твоих словес междуречивый блуд
в глазах твоих таится мельтешащих.
Ты, Имярек, – последнейший из блюд
блудниц твоих, отныне говорящих,
что ты – не тот великосветский плут,
который, скрыв промеж ногами ящик,
всем говорил, что это только прут,
и улыбался из зубов смердящих.

Нет, ты не тот! Из рода безудержных
ты не взошёл, как спелая звезда,
которая среди полей безбрежных
поет нам, словно зяблик из гнезда,
выискивает тварей безутешных,
предсказывает, что настанет мзда,
и призывает всех, доселе нежных, сказать:
«Ты, Имярек, увы, – .....!»*

Март 1969
Соавтор: А.Миронов

* вариант: «...кобзда!»

136. *Колыбельная по средам*

Музыка и слова А. Миронова и Вл. Эрля

Достойны удивленья
все знаки Зодиака
летит по форме кака
она венец творенья
душа моя как дятел
летает и кричит
душа моя приятель
душа мой паразит
прощайте абиссинцы
с ногою в животе
и смуглые грузинцы
грузинцы но не те
дыши прохладой море
сияй над ним закат
о горе мое горе
сказал один солдат
махая деревянной
косматою ногой
солдатик оловянный
почти уж не живой
наполовину сокол
наполовину гроб
скажи-ка друг мой Прокл
когда ты станешь лоб
когда ты станешь веткой
когда твоя душа
расправит над соседкой
цветные кружева
пускай нам очень криво
пускай совсем свежо
пускай звенит игриво
раскатистая жо

пускай ворсистой лапой
мертвецкий человек
ложился молча на пол
и затихал навек
цвети прелестный куколь
играй играй баян
мы все уйдем под купол
точнее в океан
звени ж душа больная
и крыльями верти
говядина парная
от двух до десяти
мы снова будем рядом
смотреть в ее глаза
потом под нашим взглядом
останется коза
ложись моя отрада
прелестная как май
как роза среди сада
тюрлю тю-тю бай-бай.

Март 1969
Соавтор: А.Миронов

137

...и если не споткнёмся по дороге, –
то всё оставим, Господи, Тебе.

Апрель 1969

138. *Цезарь на Буцефале*

1. Увертюра
Аллегро

На той Березине
где пуговица-речка
пленила двух французов
девичья краса.
Француза оба отдали концы
и только что напились кваса –
как сделались отцы.
Мальчонка бегал не смыкая глаз
но тут раздался гулкий глас:

«Восстань, гляди, и виждь, и внемли,
ты будешь мудрым как часы.
Твои вокруг гуляют овцы
и щиплют травку как усы.
Пастух над ними наклоняясь
давно ушел с ногами в пруд
вдова рыдает дети плачут
и папа вынимает кнут.
Летают сонные бараны –
их люди тучами зовут –
я встану утром встану рано
и выйду в поле на редут
летают бомбы шашки свищут
блестит коричневый башлык
бегут солдаты. Дети свищут
и мама кушает балык.
Ты вдаль смотри! Закрой окно
захлопни ставни дверь защелкни –
перед тобой ногой одной
помашет селезень...»
«Умолкни! –
воскликнул юный патриот. –

Я не пойду в Памир высокий
я скоро буду полиглот.
Смотри: ты видишь ясный сокол
ко мне спустился на плечо.
Я буду петь. Взлетит подкова
задышит мама горячо.
А ты умолкни. Я кончаю
свои каленые слова
колени пылко обнимаю
и таю в поле как сова».

И тот младенец скоро Цезарь
он дышит в небо как свеча
он пошатнулся скалит зубы
в руках – песочные часы.
Вдали река течет широко
имея имя Рубикон
и Цезарь смотрит синим оком
на цепь оранжевых знамен.
Под ним играет конь ретивый
копытом роет стройный дуб
взлетает в небо над тетивой
и вслед за ним полки бегут.

И грянул бой! Играют трубы
гуляет маятник в седле
и Цезарь молча скалит зубы
усевшись прочно на коня.
Бегут полки играя в бой
влекомы медною трубой.
Одета мраморной фуражкой
Европа скачет в пьедестал –
пролился дождь и небо как бумажка
свернулось в дудочку к устам.
Младенец в дудочку трубит
за ним красавица сидит

выходит Маша замуж – ух! –
передником накрывши мух.
Цезарь едет на войну
целует бледную жену
она играет марш на прялке
и к ней луна плывет русалкой.
Вокруг полки и много шкаф.
Летает время как удав.

2. Цезарь перед Рубиконом

Речитатив и ария

Цезарь: Теки река!
Плыви рука!
Качайтесь в неб облака!
Я не пойду домой сегодня
моя жена играет в лютню
сажает в бочку огурцы
морковь растит в горшке порочном
я на коне скачу непрочном
мои солдаты – молодцы!
Вперед солдаты! Вот старушка
ко мне выходит из избушки
у ней в руках пирог из теста
в зубах платочек и киста
давно я не видал такого места
усевшись в травку у куста.
Что скажете ребята?

Солдаты (*хором*):
Мы – котята!

Цезарь: Котята вы или морковь –
не важно.
Пусть играет кровь!
Стучи корявый барабан!
Любовь – как дым, любовь – обман...
Я вышел как-то утром в лес

навстречу мне выходит бес
я сразу в поле. Там луга
в них зреет пышная нога
я подошел плечом нажал
и тут же дождик перестал
я дернул пятку... Из земли
раздался глас: «Восстань, внемли...»
Я отошел и сел на пень
а голос продолжал весь день:
«Ты будешь мирно править
ликуя как орел –
понравится всем сразу
твой скромный ореол
ты на охоту будешь
ходить как бы в кровать
и ты жену разбудишь
метнув в нее часы.
Твоя ускачет жизни лодка
в далекий океан
и ты как папильотка
увидишь много стран.
Судьба такая просто клад –
ах, Цезарь! слушайся меня...»
Мне надоело слушать речи
и я расправил свои плечи
прочистил горло и вскричал:
«Послушай голос!
я страдаю
мечтаю подвиги свершить
а ты... ты хочешь одеяло
меня заставить сшить!
Я вырос в войске. Мать моя
любила в детстве соловья
я ранец с книжками таскал
с собой повсюду: ружья сабли
все это с детства мне знакомо

привык водою я холодной
плескать себе в лицо с утра
потом ложится на траву
и думать: завтра я умру...
Я на коне любил часами
сидеть обедать и дремать –
бывало шевельну усами
и горько зарыдает мать.
Так ты ли хочешь чтобы мирно
я на подушке засыпал
когда меня пленила лира
поющая огонь, воду и металл?!»
Правильно ли я сказал солдаты?

Солдаты: Ты прав наш мудрый Цезарь Гай
веди нас в бой давай медаль!
смотри как твой играет конь...

Цезарь: Ну тогда пойдемте со мной за Рубикон!
(*И вот тут-то*
они и переплыли Рубикон).
всё

Апрель 1969

139

От прошедшего дня отрекаюсь простым безучастьем
сумасшедшие птицы летят и летят в облаках
причащаюсь сегодняшним днем и к огню наклоняюсь
бормочу непонятные фразы и знаки черчу на песке

я не с вами – я сам по себе – я не тот фарисей безголосый
я знаменье увидел вчера меж мелькания волн
чудотворные знаки словес оставляю к среде близлежащей
и от вторника прочь – к ней навстречу спешу

погружаюсь в слова и меняю свой облик на тени
бестелесный скольжу по поверхности бледных зеркал
и простым безучастьем от прошедшего дня отрекаясь
бормочу непонятные фразы и знаки черчу на песке.

Май 1969

140. *Ифигения в Тавриде*
Монолог

Рыцарь дерзкий и могучий
мчится полем на коне
конь копытом бьёт в падучей
скачет лошадью к луне
рыцарь держит щит и меч
позади теплится печь
а за ней стоит забор
и маячит тёмный бор
этой ночью рыцарь плакал
обнимая стремена
этой ночью дьявол квакал
называя имена
всех стоящих в отдаленье
всех стоящих позади
рыцарь мечется в томленье
вздох роняя из груди
перед ним трава горела
позади лежало тело
в теле том торчал кинжал
рыцарь рядом полежал
только тело всё молчало
ничего не говоря
и тогда схватив мочало
рыцарь вышел из себя
тело он схватил за плечи
опрокинул на траву
начал бить мечом калечить
разрыдавшись на ветру
только тело не сказало
ничего ему в ответ
только с крыши застучало
загорелся в окнах свет
и тогда схватив колчан

рыцарь по полю помчал
поднимая к небу меч
и роняя слёзы в печь
в той печи шипели слёзы
шумно тлели уголья
а вокруг взрастали розы
и качались ковыля́
рыцарь мчался на коне
конь забился вдруг в падучей
и тогда тоской измучен
рыцарь вспомнил... обо мне.

Июль 1969

141. *Рукоять бенефического рукоделия*

Телевизионная пьеса

Бурно росли огурцы. Ветер свистит в пять или шесть пальцев. Пока ещё личность цела. Надо убраться отсюда.

Сцена

Не пишите на манишках.
Оборотная сторона медали.
Не споткнётесь вы об фишки.
Карась. Огульные стрекозы.
Стрекоза упала в пруд.
Её подбил на это Петя.
Куда ты Петя мой хороший
зачем ты в сени заходил?
Многоточие. Вокруг
развесистою клюквой
сидел нахмурясь Бонапарт.

Об фишки

Хитроумный Тришка расставил. Цвела погода под дождём. Мы скоро в лес с тобой уйдём. Цвети, прохладный полиглот!

У малиновых дверей
кушал деток Бармалей
у марининых дщерей
двигал носом Водолей:
Эх! Эх! Эх! Эх! Эх! Эх! Эх!
Целый папа под зарёю
укусил кушак.

Восстание

У фабричной заставы рабочий поднялся зря. Тыква его под полой напоминает револьвер системы пистолет-пулемёт. Городовой и другие овощи.

Щука кашляет в кастрюлю
молча по небу плывёт

я твою увидел дулю
громко крикнув:
«Он умрёт!»
Юлий Цезарь был не зря-
чим императором
на заре его кувшин
рассмотрели провокаторы.
На горе большой.

Юля и волчок

Двадцать минут смеётся император за кулисами. За что его туда внесли? Большая картина. Детская комната в редакции малотиражной газеты.

Тик поехал по лицу
от щеки на глаз
сутки скрывался в лесу
прятался в противогаз.
Сыроежка скромной пищей
мне служила по ночам
на тарелку лёг карась
по утрам запел петух
я сказал что я бревно.
«Это знаем мы давно!»
Услыхав такой ответ
я ударился вослед
лоб разбил надел сюртук
слышу в двери кто-то тук!
я упал залез под шкап
только слышу кто-то кап!
В тёмной бане пауки
ели кривое пирожное
я смотрел из-под руки
в зарево творожное.
Кантемиру Гесиод
вдруг сказал: «Послушай Петя
где ты прятался вчера?

сколько лет унёс в пакете?
сколько вишен до утра?...»

Кофе

Здесь будут стихи. За неимением ъ. Все смеются. Шумный хохот. Актёры убежали через черный ход. Да кто они такие, чёрт возьми, чтобы так с нами поступать!

И говорить о них не хочу!

Нет, так нельзя.

Вот, например, в прошлом году я выпил
чашечку черного кофе .....

(Занавес из-под партера мимо суфле).

Авторы: ВНЕ, Д.Перельман, В.Ролич.
Вольный перевод, костюмы и декорации —
Вл.Эрль
Сентябрь 1969

142

Из горьких воздухóв и трав
сплетали мы венец нетленный
и дланью дщери дерзновенной
ласкали образ отдаленный,
являя чуть игривый нрав.

Люби меня, ласкай прилежно
и, поднося цветок к груди,
гряди, любимая, гряди
и знай, что счастье впереди
нас ждет среди страданий нежных.

Ноябрь 1969
Соавтор: А.Миронов

143

Знавал я кошку «Николай Иваныч»
что вечные пространства изменяла
она мне никогда не изменяла
и никуда не уходила на ночь.

Ноябрь 1969
Соавтор: А.Миронов

144

Первые пули дули
смело в ухо дохнули
с улыбкой румяной на влажном лице
верные други туги
на разного рода услуги
как дети укрылись в курином яйце

цепи упали на пол
пот словно яблок капал
и мир словно бык под ножом мясника
вырвал язык бывалый
когда-то праздный и лукавый
лениво бегущий по дюнам песка

радуйся синий петел
мир наш как будто светел
голубкой заснул на усталом бойце
будьте как мы упруги
на разного рода услуги
с улыбкой румяной на влажном лице.

Декабрь 1969
Соавтор: А.Миронов

145

Безумен облик мой и нрав мой безудержен –
порой безумен, а порою нежен,
и золотой в нем нету середины...

Декабрь 1969

146. *Ворона, голубь и капитан*

Над крышей каркает ворона
и голубя в когтях сжимает.
А тот без крика и без стона
в когтях вороньих молча повисает,

как будто апельсин без кожуры,
как будто апельсин без кожуры.

Вверх смотрит дикий пес из конуры
и цепь свою поверх столба мотает.
На небе голубом ворона пролетает,
в когтях сжимая апельсин без кожуры.

Похоже, будто апельсин вороний
похож на дождь Данаи золотой,
похож на дождь Данаи золотой.

На море парус плещет из-под ветра,
на палубе виднеется суровый капитан.
В трубу подзорную ворону наблюдая,
он видит: на расстоянии около десяти метров
несет она в когтях оптический обман,
да и на вид она – еще довольно молодая.

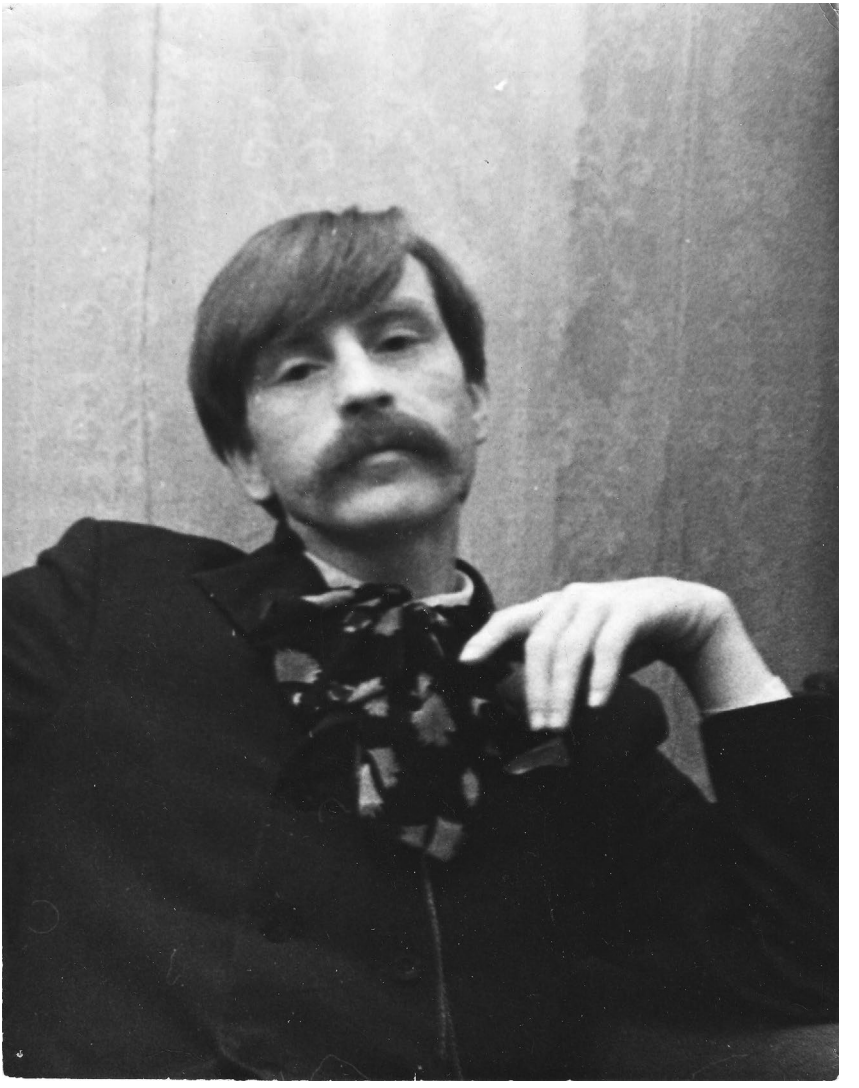
«Когда б она была Даная,
когда б она была Даная!» –
вздыхает молчаливый капитан
и мчится – дальше в океан.

Декабрь 1969

Часть вторая

Книга Трава

Помни всегда о своём микрокосме
и в зеркала никогда не смотри!



Трава, Трава
Шестнадцать стихотворений

147

Остановясь еще в начале
перед вместилищем пустот,
мы вдруг на небе увидали
лучей воздушных поворот, –

и вверх глаза подняв, отринув
все искушения пустот,
духовной пустоши в средине
стояли мы.

Не в силах сделать шаг,
остановились мы еще в начале.
И облака воздушные неслись,
и незаметно увядали,
и низвергались сверху вниз.

И мы стояли посредине,
задравши головы наверх, –
и невесомости отныне
нас не касался больше грех.

Январь 1970

148

О!
О, чешуя на руках!
ребра мои окружает вода
плещет плавник за спиной
воздух сгущается.

О!
О, тени в подводных садах –
иногда
вырастают стеной
позади.

Июль 1978

149

Преграда сна –
как ветер, рвущий в клочья
деревья гибкие.
Вчера – я снова жил.
Сегодня – только сплю;
проходит вереница
пустых мечтаний.
Волны ль это –
или песок – сыпучий, легкий и бесцветный?
Как будто дождь...

Май 1970

150

И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Тютчев

...И тень твоя, с моей мешаясь,
тянулась через комнату к окну, –
но тут свеча, огня лишившись,
последней вспышкой осветила нас.
И в запертом средь стен пространстве
безмолвные фигуры наши
остались, чуть колеблемые ветром,
как два бумажных силуэта.
И лишь глаза вновь стали видеть,
мы поняли, что ускользнули тени
от нас через окно. – Теперь уже в саду,
прижатые к земле луной ребристой,
они несмело всем движеньем нашим
как робкие актеры подражали.
А мы стояли неподвижно,
не смея воскресить свечи горенье, –
и тени на траве росистой
застыли вновь, слегка колеблемые ветром.
И мы стояли неподвижно
и робко сквозь окно смотрели,
как на траве в саду две наши тени
в одну сливались.

Февраль 1970

151. *Покой*

И. М.

Накатило волной – и опять, и опять: да, – отливом...
Ах, как сладко гулять берегами летейской воды!
В этот солнечный день еще ниже склоняются ивы, –
в их тени – мы с тобой: я и ты.

Необычно большое проносится облако мимо,
наполняется небо дыханием теплой травы, –
и большие слова, колыхаясь едва уловимо,
не родились еще – и плывут.

Июль 1971

152. *Отрывок*

О Господи! Куда еще, куда
лететь душе, стремительной и гибкой?
Еще какие видеть жемчуга
и губ каких – забытую улыбку?
Когда еще, о Боже, увидать
звенящих облаков падение ночное,
когда еще безмолвная вода
сокроет мановения покоя?
Блестящих глаз круговорот
и блеск – куда?..

Декабрь 1972

153. *Слово, слова*

Не очень словам доверять – невозможно;
слова – это край*, потому что они отвечают
не сами себе, а чему-то иному –
такому иному, что впрямь не найдешь.

Тогда – объясненье.
Объясненье словам,
вдруг сцепившимся резво,
хвостами своими клюющим друг друга –
своими хвостами, своей головой:
«это люди плывут на восток».

На востоке далеком,
на востоке далеком бываю.
Я бывал на востоке далеком,
вспоминая себя
и, наверно,
считая, что скоро
рожусь печенегом
(иль стану, верней, –
печенегом)...

«Когда невозможно уснуть
этим полднем упругим
на развесистой плоскости лип, –
только так еще можно сказать! –
– непонятно, к чему, отчего и когда» – –

Декабрь 1971

* (cry ?)

154. *Память. Читая Л.А.*

На звезды ночью – каждая блестит
смотри вчера, сегодня
– какая бабочка летит
какие узкие ладони –

смотри и снова и забудь
глухие листьев разговоры
в их шелесте пустынный путь
на отзыв требует опоры

когда листание небес
и облаков ночное пламя
опустят музыки на лес
неповторимое молчанье
ты собирать словес плоды
вновь примешься – я понимаю –
забыв прекрасные сады
по имени «нет ничего не знаю»

и опуская каждый миг
глазниц своих двойную завязь
пустых луной ночей светильник
ты зажигаешь...

Октябрь 1973

155. *Похищение Европы*

Европа! Я ль в твоем окне –
полузакрыт, полупрозрачен?..
Иль – может, ничего не значит
сгорать на медленном огне?
Увы, увы! Внутри, вовне –
я ничего не понимаю, –
кладу к твоим ногам, сжимая,
одежды, бывшие на мне.
Я гол. – Ужель я не король?
Ужель я снова обозначен?

Декабрь 1970; 1972

156. *Трехчастная композиция*

1. Теплился ль на углях истлевший бык
   иль воспылал поэт мечтаньем безудержным –
   не довелось фельдфебелю узнать.

2. Теплился ль на углях истлевший бык
   поэт ли сжег кого презреньем благородным –
   не удалось фельдфебелю узнать.

3. Теплился ль на углях истлевший бык
   или душой пылал поэт опальный –
   не суждено фельдфебелю узнать.

Апрель 1974

157. *К СП*

– Прапорщик, прапорщик, в фартуке белом,
Ныне даю я тебе три завета.

Май 1972

158

На газоне свежевскопанном
лежала кошка белолапая –
то ли лапы загорелые,
то ли морда неумытая.

Май 1973

159

Осень наступила...
В воздухе кружится
нетопырий пух.

Сентябрь 1970

160

Благоухали пушки за углом
закат невдалеке наглел
последним солнца заходя лучом
бликами плыл по воде

летнее время!

ушла
в непрерывность весна
меня, продолженьем сна
облак висячий желал

листьев листы. – листья!
медленный блеск осок.
кукушка становится выпью.

звук желаний высок.

Март 1974

161. *Неясность*

С каждым годом все меньше людей остается
в окрестностях рая
исчезает надменность сменяется горечью память
и в листаниях волн
опускается гребень подъема
опускается в память усталость границ.

Тишина
оглянувшись вокруг мы увидим на пристальном взгляде
незримые звуки
чужеродных побед и побегов.

Среди волн
чернокрылые морды мелькают
рыб или птиц
или может быть просто животных.

Несвободно желание стать беспредельным
за пределы уйти
в ожидание пышных ветвей.

...мы цитируем все окружившее нас
мы глядим сквозь прозрачные миги мгновений
бледной тьмы на поверхности гладких зеркал
искривленных луной
поднимающих черные сучья
голые сучья деревьев на уровень глаз.

Забывать
остается забыть
остается сказать о внимании к мигу
слушаем трав перехлест
ощущаем движенье ветров
наполняет желания наши нездешняя мука

с каждым годом все меньше
ей остается довлеть.

Это ошибка
мы забыли опять о значении памяти света
с беспокойными лицами
мы остаемся опять вспоминать.

Февраль 1973

162. *Палинодия*

надежда продолжает
сплетать китайский ветер
с пеплом лунным
трава
туманом окружать напиток улиц
продолжает

я выбирал песок когда-то
и музыку моста
сегодня
мне шорох сердца говорит о птицах
о любви
о тени голоса Господня

вот призрак времени

нетерпеливой ночью
оставив снов прилив
я слышу тишину деревьев
ветвей свернувшихся единственную правду

грудь наполняет
ритм чая
утром
продолговатый парус в воздухе забьется
трамвай свернет
в зеркал глубоких суету

на узком перешейке окон
испуганные
мысли осыпаются
преграда перед ними
вьющийся простор

но листьев сумасшествие
стремится повторить вопрос бесцельный
руки
соединить на каменном лице

я жду

пожар небес высоких
в огонь бросает эхо смерти
и следом
темного покоя чувство

свеча погасла
и окно раскрыто

Май 1976

Для Августы, или Прощение Музы (д. 57 – 63)

163-166. *Продолжение бесед*

1

колёса подземные
ночью вдвойне скользят
прячь Дионис фонарь!

обещают отъезд
ленты тр***А***вы одинокий гул
устье дверей переводит письмо
(номер утром смотри)

это предчувствие – сон
сон – словно слов песок

поворот полосы
опыт влюблённости
разрезал луной опасений кость

жди
навстречу иди

асфальтовый воздух шевелится
легче сказать – что кошачий свет

невнятная руда в глубине неназванной
канула песком томительным

2

последняя крыша помнит
ворох полей груды пустот
дыхание чая
движение жизни
вдоль по скрипящей дороге

мигая
фонарь посвящает
одиночества горечь
числам надежды
высокая ночь
любовь продолжает
окна шагают печально

мерцание снов
соединяет дерево разлуки
с желаньем тишины
услышать волн беседу

трава замирает
ветер с небес
беспечный покой насылает

3

на рассвете
дерево уходит к небу
говорить о покое

ответ
рисунком опускается неясным

вода
скользя соединяет
    огонь и воздух
    страх и радость
    любовь и облако

молчанье
одиночеств знает сны
слова ночные
    глаза
    помнят дыханье дороги
    уносят границы

прислушайся
    неторопливо
    двери окружают
    бумага
    продолжает ждать и верить

в пространство
подземная луна бросает камень
продолговатый

4

предстоящий визит

небесный апрель
сплетает значенья
ирландских бесед

глаз поворот
на кровавый песок переходит
открывает простор
жестокому чувству

кромешные листья кошачьих видений
пронзают пустот ожиданья
(запись последнего страха)

дождя виноградная ветвь
божественно падает

ангел неназванной смерти
предпочитает
придать цилиндрам деревянным
любви количество

но чайный голос
прерывает

всех вас
слова
конец высокий
одинаков

167. *Канон*

прислушайся
вглядись
томительное облако скользит
апрель просторный обещает
нас окружить рисунками бесед невнятных

так лента голоса
уносит
предчувствие высоких продолжений

вода бумага небо
    ветвь виноградная
        Диониса мерцанье
            сплетаются неторопливо

желанья опыт
переводит гул колёс
в подземные пустоты
    кошачьих чисел груды
    асфальт пронзают
            светлый ветер
            в ночи жестокой
            ждёт
            луны явленье

прислушайся
вглядись
за поворотом
двойного устья
шевелятся слова
    их ангел посылает

вот крыша камня
вот память о разлуке
прорезанная листьями огня

в неназванную радость переходит
молчание

вот тишина песка
дорога
шагающая в сна глубины

легче помнить
последний дождь
ночной визит
фонарь
рассвета предстоящего
значенье писем

окостенелые цилиндры в поле
кровавыми глазницами мигают

дыханье замирает

на смену одиночеству
приходит
бумага лунных птиц

трава небесная
божественно молчит

168

тебе я отдал
яблоко...

169. *Письмо*

пробуждение

светлое чувство
навстречу тебе посылает
мерные волны
капли пространства
протянуты пением рук

тлеет фонарь
сам себя повторяет качаясь

мучительно
время уходит
двери деревьев ронять

солнечный крут
камнем летящим вращаясь
день беспредельный прорезал

любви небеса
прекращают
вереницу причин слов крупицы
течение звуков уносят

ежечасно
двойной рассыпается взгляд

вспоминаю

вспоминаю себя в тишине ослепившей
отражением облака
запахом моря
песчаным кустом
дуновением утренних окон

я знаю
Господь продолжает
высокую жажду

Апрель – май 1976
17.

Разные стихотворения 1970–1979

170

Конь усопший виден вдали,
рядом чернеет папоротника стебель.
Солнце чёрное опускает лучи –
мне ли на лицо, тебе ли?

Череп, полный горячих углей,
дымится медленно среди травы.
– Если сажа и пепел правы,
то – почему не во всех углах?

Февраль 1970

171

Л.Ентину, эсквайру

Любезный! Это ничего,
что нас к чему-то приурочат
иль к знаменателю сведут, –
важнее нам остаться тут*
и стать жирнее, а не тоще,
хоть – *мир становится короче***,
и время тщится струйкой мочевой.

Май 1970

---

* Т.е. тут

** Из Д.Х.

172

Экая туча зловредная злонравная черноцветная черноземная
на небо выпорхнула
эка как она летает меж высоких облаков
на небо выпорхнула губами присвистнула
туча зловредная яма зловонная
пальцами прищелкнула каблуками притопнула
туча високосная с добавлениями туча ядовитая беременная
туча язвенная туберкулезная
на небо выпорхнула
словно птица юная
словно птица юная молодой орел

Май 1970

173

Передо мною книжный шкаф с открытыми дверьми.
В его пространстве труп пространный поместиться может
с удобством, – даже место
останется ещё...

Май 1970

174

А почему бы нам и не побредить?

Май 1970

175

Апрель смягчает наши нравы...
Л.Ентин

Нет, не апрель, а только гость случайный
моей судьбы являет знак первоначальный.

Нет, не слова, а только торжество
спешит украсить празднество моё.

Когда, томим тяжёлым чувством,
уж не прельщаюсь я искусством,
тогда – в преддверии беды –
я остаюсь спокойным, тихим
и говорю всем: Let me be!..

Ноябрь 1970

176. *Ганымэд*

А.Мыронову
Орэл, шыряяся крыламы...
О'пушкын

Твой шпрыц орлыный крючковат
ы ржав. Но судорожно сжав
его в руках, урчыт рэбёнок.
В кылу ударыл кыловатт
ы, скорбным жэрэбцом заржав,
дытя восстало ыз пэлёнок.

Шпрыц ыстэкал струэй нэзрымой.
Дытя, в пэрыну скрыв лыцо,
молчало. – Топором паря,
прышла благая вэсть ыз Рыма
о том, что Лэдыно яйцо
об лоб разбыто трупаря.

Кадавр воспрял. Его орэл,
паря над мыром проызвола,
по наущэнью тыхаря
дытя на врэмя проызвёл
путём нэсложного укола
в промэжность крыл нэтопыря.

Грызя сухую пуповыну,
спуская в тэмя костный мозг,
орэл ызнэмогал от ласк.
Дытя дытю сосало спыну
ы, шпрыц орлом шлыфуя в лоск,
прослушывало крыльэв лязг,

вводя вампыра армяныну.

Ноябрь 1970
Соавторы: К.Кузьминский и О.Охапкин

177. «*Nothing's gonna change my words*»

Два голоса

1

..... отсюда начал
где остановлюсь?
невнятной речью долго плавал
for you, for you, for you
откуда же сюда? – отсюда?
не знаю точно сам но всё стараюсь
получше выяснить соотношенья
пока они в дуге невыносимой
не сопрягутся полой чередой
червём грозы весны явленьем
трудом отрадным на полях
проходит лето осень мчится
укутать пледом нас спешит
опавших струпьев дровяных
глухие птицы! вы ли это
спустились мне на плечи в этот час
как ваши когти жгут мне щёки
язык мой праздный и лукавый
давно засох ещё в те времена
куда куда ему стремиться
славянофилу на восток?
опустим занавес проворно
опустим занавес покорно
с улыбкой на седых губах

..... я отвечаю: – сюда!
.....

2

Передо мною луг лежал
поросший бурою травой
траву срывал
в траве летал – травой
и наклонялся иногда –
к траве густой.

Я – рой...

Декабрь 1971

178. *Двенадцатый сонет*: *Двенадцатая ночь*

А.К.

Впереди позади
словно роза
вырастает в груди
эта проза

мы как гений судьбы
примем позу
ожидая судьи –
паровоза

наше время бежит
тень за тенью

так взрастим падежи
как растенья

время каждой души
лишь паденье

Декабрь 1971

179. *Полудиалог*

В руках забытое письмо коснело...

1 . . . . . .
а дальше останавливаясь
посреди дороги останавливаясь
останавливаясь посреди останавливаясь дороги
вынимаю невесть откуда взлетевшее письмо
письмо ещё не отправленное пока
пока до сих пор ещё
это письмо в руках держа остановившись на полпути
отойдя на три шага к востоку от исходной точки
перелистываешь слова ещё не написанного
может быть только неотправленного письма
как сказано выше
сказано со всей убедительностью несколькими словами
несколькими словами находящимися десятком слов до –

. . . . . **2**
она отвечала на всё
одинаковыми жестами фразами полуулыбками
полуплечамипожатиями
она отвечала

Январь 1972

180. *К портрету*

– Далеко, далеко ты ушёл, богэтэр!
– Мои мысли ушли, разбрелись...
Мои мысли теперь не собрать,
словно стадо ста серых овец...

Февраль 1972

181

1. спать пора тоска мешает
полно дети! где уж нам
кто меня не замещает
кто меня не улещает
тёмной негой по ночам
2. что вы дети! медны трубы
из жерел огонь плюют
станем трупы станем грубы
там в гробах другой уют

Май 1972

182

влечёт иноязычье облака
вокруг созвездия Хорька
кругом дыхание легко

...«память вот моё»

Октябрь 1972; 1979

183. *Наташа Ростова. – Охота. – Первый бал. – Побег из родительского дома. – Последствия опрометчивости*

В сиденье шарф
в тарелках тесто
таращится в окно невеста
лошадиный там гусар
поспевает не спеша

спадает шлейф
молчит невеста
в округе распухает тесто.

Снимает дева наколенник
и надевает патронташ
в её глазах торчит стремленье
в груди спирает самомненье
в душе не утихает жар.

Вот вепрь летит взирая Зевсом
за ним летит стрела в догон
в округе пахнет свежим мясом
и затихает угомон.

Летает дева по паркету
кричит смеётся и грустит
паркет не радуясь её полету
таращит доски и блестит

вот платье зацепляет гвоздик
взметнулось вверх калошу обнажив
вокруг столпившиеся кавалеры
от замиранья духа еле жив'

все ищут жадными глазами
паденью вепря пьедестал
и въявь взметнувшимися снами
дрожит ресница без труда.

Дыханье сонное стесняя
в груди болезней роковых
она терзает нежно няню
расспросами о дружбе и любви...

Свисает осень пыль струится
роняя листья на чело
рыдает пышная столица
и царственность хранит зело.

Стекают слёзы. Где невеста?
проскачет тройка за окном
порфироносного насеста
лишая дарственной на дом.

Октябрь 1972

184-185. *Music As Love and Boldness Of Death*

In memoriam J. H.

Два отрывка

1. Requiem

фонарь искусства слезы извлекал
– о чудодея перемены!

стена хотеть стремилась
над морем путь
нагой бескрылый
летел – –

в пурпуре жизнь – эти звуки! –
чтение звука: трава

как музыкальны деревья!
туман освещает паденье
в пространном мареве
луны

искусство опыта глухого
позволит говорить о правде
и мыслить одиноко

явленье облака
присутствию учило постепенно
но постоянно память
письма страшилась
радости немногой

во мгле
движенье руки умирало
и звуки с нею
(действительно страданье)

стены не понимая
и голоса небес – Господне слово! –
дымится взгляд

о годы щёк
о листья
гитар изгибы

глубокую любовь душа теряет
любовь глухую

прекрасные слова
в пурпурном небе замирают

всё кончено

2. The End

туманное озеро

взлетают птицы

хлопанье крыльев
ошеломляет

настойчив их крик

круги над водой

Август-сентябрь 1972

186. *Д.54*

двигал ствОже Оньлый
шИлин тать луч несть плацЕр
влачИ укОмку свОдок во груслО
избЕг тя ХлОя
гохИт сождАние прилЕ
тра итапУр плещи нодАру
кол ос и ту бо гОлс
мя мАгля свОпр
бремьЕ снетЕ о нОвь увзнАча
женОвн порОвна
ньяч нАргло даст лицО
ненде от дЫмил
о раб иЕ обАва

Окт.-н. 1972

187

москва уж не видна
стакет жугучий
так отряхает роща ум
на облака и тучи

Январь 1974

188

я помню славное мгн(овенье)
увидев лакомый разг(ар)
лежали прорези сомнен(ий)
качая безрассудства ш(ар)

Февраль 1974

189. *Хокку*

...я и знаю всё
эйхенбаумрозенберг
хототогису

Март 1974

190

цифры чая
вёсла мака
в поле ходит Аксельрод

Май 1974

191

Я знаю: так время стрекочет,
когда обрывается мир...

Октябрь 1974

192. *Отрывок*

Ветер поднялся. Так что же, что ветер?
Я вышел на улицу. Ветер.
Переулком прошёл на Фонтанку.
Ветер волну поднимал на свинцовой подруге,
дождь собирался.
Было так тихо и пусто на улицах
вечером этим...

Октябрь 1978

193

Р.П. *(как письмо)*

Я говорил, что предполагаю, а располагает Бог. Вы в ответ: *– Он, может быть, завтра, в три часа – – –*

Ночью вспомнил – и:

В конце концов Бог
Замкнул меня ключами
Своими в Себе.

28/29 октября 1975 года.
В.Э.

194. *Люксембург*

Поэма для зрительного зала

Действующие лица:
Молодой Китаец
Люксембург: {Пожилой Китаец
Мертвый Китаец
В.Гюго, «93-й год»
Лотреамон, *действующее лицо*
Изидор Дюкас, *действующее лицо*
Я, *действующее лицо*
Барон М.
Опиум
13
Женщина Гипатия
Вещь-в-Себе, *без речей*
Действие происходит в наши дни.

Сцена первая

Вышний Волочек. Полдень.

Все действующие лица, кроме Лотреамона, Изидора Дюкаса и Меня, *столпившись на просцениуме, швыряют в зрительный зал* Вещь-в-Себе. *В оркестровую яму падает* Женщина Гипатия. *В ту же минуту патефон начинает играть марш.* Люксембург *берет* В.Гюго, «93-й год» *за голову и влечет вглубь сцены.*

В.Гюго, «93-й год» (*отстраненно*): Я не для того сходил с ума, чтобы наступать на чайники.

Барон М.: Не я ли это в нем говорю?

Опиум: Это я говорю.

В.Гюго «93-й год»: Я мыслю, следовательно, я существую... (*падает в обморок*).

Все отвлечены появлением из оркестровой ямы Женщины Гипатии, *совершенно голой и с патефоном в руках.*

13: Вам не тяжело?

Молодой Китаец: Вот и она...

Пожилой Китаец: Вот и смерть...

Мёртвый Китаец: Вот и музыка...

Люксембург (*нетерпеливо*): А! Наконец-то...

Женщина Гипатия: О, как я хочу рожатъ! О, как я хочу рожать! О, как я хочу рожать! О, как я хочу рожать!

Барон М.: Еще раз.

Женщина Гипатия: О, как я хочу рожать!

13: О, как я хотел бы вам помочь!

Опиум (*перебивает его*): Оставь ее! Не надо ей мешать.

Женщина Гипатия: А, скажите, кто здесь Люксембург?

Мёртвый Китаец: Я...

Люксембург: Помолчи!

Женщина Гипатия: А где, скажите, Вещь-в-Себе?

Опиум (*многозначительно подмигивая*): Она у своих.

Женщина Гипатия: Ах так! (*кидает патефон в голову* В.Гюго, «93-й год»).

В.Гюго, «93-й год» (*решительно*): Я не мыслю, следовательно, я не существую...

Барон М.: пожимает плечами и уходит.

Молодой Китаец: Ты еще так молод!

Пожилой Китаец: Ты еще поскрипишь, старина!

Мёртвый Китаец: Бери пример с меня.

Женщина Гипатия: Оставьте его! Оставьте этого подонка в покое! А, скажите, я в своем уме?

Опиум: Нет, в моем.

13: Хотите, я сниму пиджак? (*расстегивает пиджак*).

Женщина Гипатия *неопределенно хмыкает.*

13: У меня для вас в брюках есть кое-что...

Женщина Гипатия: Оставьте-ка лучше это при себе!

13 (*вспыхивая*): Вы меня не так поняли!..

Женщина Гипатия: Скажите пожалуйста! (*сильным ударом в лицо сбивает* 13 *с ног*).

13 *поднимается и кидается на* Женщину Гипатию. *Оба падают. Сцепившись, они катаются по сцене и через некоторое время падают в оркестровую яму. Барабанная дробь.*

В.Гюго, «93-й год» (*приходит в себя и вскакивает на ноги*): Люди перестают мыслить, когда перестают читать. А я, например, всем хорошим во мне обязан только книгам.

Люксембург *бросается на* В.Гюго, «93-й год» *и душит его до самой смерти.*

Молодой Китаец: А вот теперь ты больше не мыслишь.

Пожилой Китаец: И, следовательно, больше не существуешь.

Мёртвый Китаец: Но зато теперь мы с тобой почти что одно и то же.

Барон М. (*входя,* Опиуму): Послушай, что там делает 13?

Опиум: А ты посмотри!

Барон М. *наклоняется над оркестровой ямой и, медленно лысея, смотрит.* Люксембург, *подкравшись сзади, сталкивает его вниз. Из ямы раздается леденящий душу вой.*

Опускается занавес.

Сцена вторая

Стрельна. Туман, крым, война, 19^{00} по московскому времени. В кустах сидят Лотреамон, Изидор Дюкас *и* Я.

Изидор Дюкас: И все-таки я не понимаю, зачем она сделала ему это?

Лотреамон: У нее не было выбора – она была пьяна.

Изидор Дюкас: Сначала все было чин по чину. Они затеяли перестрелку. Ослепленный, он пытался бежать, но она догнала его и обезвредила. Но потом, о майн Готт, что было потом!..

Я: А вы не сказали бы мне, как следует говорить?

Лотреамон: Надо произносить отчетливо и громко – независимо от погоды, семейного положения, цвета волос и социального обеспечения, – надо говорить *ир* и *ур*, и уж в крайнем случае *кроак*, – но это уже фи!

Изидор Дюкас: Мне кажется, мы немного отвлеклись.

Лотреамон: Ур, я ничего не могу вам на это сказать, ур и еще раз ур.

Я: А что на это скажет Люксембург?

Лотреамон (*мечтательно*): Люксембург…

Справа, слева и из-за кустов появляется Люксембург.

Люксембург: А вот и вы, голубчики!

Молодой Китаец: Голубочки...

Пожилой Китаец: Голубятки...

Мёртвый Китаец: Гули, гули, гули... (*пытается приманить съежившегося в кустах* Лотреамона, *подражая воркованию голубей*): Умеррр... умеррр... умеррр...

Изидор Дюкас: Еще бы! Сначала она остановила ему сердце и уже только потом принялась за печень;

Я (*пытаюсь возразить*): Ур ур ир фар кроак!

Лотреамон: Вот именно! (*он уже оправился от испуга и почтительно пожимает руки* Люксембурга*; вдруг вскрикивает – его рука навсегда остается в руках* Люксембурга).

Люксембург (*со слезами в голосе*): Это рука поэта, она должна принадлежать человечеству!

Молодой Китаец: Мы будем показывать ее на всех выставках.

Пожилой Китаец: А потом положим ее в стеклянный ящик.

Мёртвый Китаец: Дайте мне пожать эту бессмертную руку!

Изидор Дюкас: Да это какой-то фарс!

Люксембург (*злобно*): Ишь ты – поди ж ты! (*ударяет* Изидора Дюкаса *по голове рукой* Лотреамона).

Изидор Дюкас: Но, позвольте, ведь это же, в конце концов, некрасиво!

Люксембург: Красота это я. Я красота, и поэтому я должна держаться в тени, подальше от этого пустого и мрачного мира. Поэтому я пойду в тень. Не удерживайте меня. Я пошла.

Люксембург *уходит, поигрывая рукой* Лотреамона.

Голос **Люксембурга** *за сценой* (*кокетливо*): я уже ушла...

Изидор Дюкас: Ну, что вы теперь скажете?

*Февраль 1971**
Соавтор: А.Миронов

* Продолжение последует в надлежащее время

Алфавит

195-252. *Из книги АЛФАВИТ (1973–1979)*

*

Авторитет, русалка. И это, и это.

*

Видимость

*

«... влекут чечевичные хляби».

*

Вода. Вода постоянно прекрасна.

*

Волчья грудь, что он о ней знает? Кроме.

*

Все мы уехали, все мы остались на платформе.

*

Всё, что я думал... Границы.

*

Деревья на весу. Пространство. Ночные фонари.

*

Еще о воде.

*

Заброшенный сад. Свалка.

*

Звуки, любовь.

*

И что же? – тень моя росла...

*

Капкан. Капкан.

*

Кремовые торты, кидание бисквитов, крем! крем!

*

Круги на воде.

*

Крушение.

*

Куда мы все делись, Господи?

*

Лакуна.

*

Лимоны, лимоны, трава.

*

Луна, луна, я бросаю снег.

*

Маки.

*

Микенские белые стены...

*

Музыка слов, музыка чувства, музыка всей моей смерти, музыка опыта, музыка смысла, – я знаю...

*

Мусор, мусор.

*

Мы еще встретимся.

*

На пустынной дороге, на пустынной дороге...

*

Над крышами граждан
отчизны моей
летит металлический аист.

*

Но ничего не оставалось. Но ничего не оставалось.

*

Ночные фонари.

*

Окна дождя.

*

Окончание любви.

*

Они спешат, я видел, смотреть, пистолеты над крышей.

*

Орфей.

*

Память, память!

*

Пейзаж собаки.

*

Персефона, Персефона!

*

Помни об этом.

*

Принимай, помни, я знаю, поможет о времени.

*

Проплыло облако досадной опечаткой...

*

Птицы! счастливые птицы!..

*

Пустота, пустота, пустота.

*

Состоянье окна.

*

Тапир умирает в траве.

*

Трава, трава.

*

Ты тоже, и ты, и ты, и ты.

*

Ума палата № 6.

*

Усталость, устье.

*

Устье Камы.

*

Хрустящие крысы, долины пустые, приснившийся мак.

*

Что я успел? Что я видеть?

*

Шорох.

*

Это я не помню. Я знаю.

*

Южный крест.

*

Я.

*

Я видел.

*

Я знаю, знаю.

*

Я Кама, Кама.

* * * * * * * * *

Дерево, дерево, я повстречал тебя.

элэ̄*

Апрель 1973 – июль 1979

---

* Примечание: элэ̄ (орочск.) – «всё» (i.e. «dixi»)

253-258. *Алфавит*

Дополнение

*

Ещё не кончилось. Ещё не кончилось.

*

Мне стыдно, что мне страшно, что мне скучно.
Всё не так.

*

Предпочитаю многого не помнить («предпочитаю отказаться») .

*

Смертны часы мои, Господи!

*

Тебе насцать?

*

... Я стоял на берегу залива,
снаружи была вода.

элэ̄, элэ̄

Август 1970 – август 1979

Два очерка

259. *Стерн*

Стерн. Он все предвидел, и повторения, и о времени. Он ирландец. Он был ирландцем, он должен был быть ирландцем. Это его долг. И Йорик в Датском королевстве. И Гамлет – Шекспир и ирландец. Тринити колледж!

Некрасов – гасконец, но Авдотья Панаева – ирландка. Сидит и Лескову – ирландцу! – подушечку взбивает. Подушечка та набита конским (с шотландского пони) ворсом.

Беккет и Беркли.

Ирландцы умели драться. Их копья, которые они бросали из-под ручья пальцами ног. Их ирландские кони, рвущие зубами мясо своих наездных хозяев. Хозяев, бросающих ногами свои шестиглавые копья.

О, Кухулин! И Стерн.

Ноябрь 1974

260. *А.Введенский*
(птица)

Эта птица невысокого роста подошла медленно. Подходила медленно. Как ее перья, как ее перья. Каждая ее грудь была отдельно. Подошла.

Стоит дом у стены. Рядом птицы, птицы. Он говорит: что же? что же потом? Птица молчит. Времени мало. Смотрит. Рядом дерево. Тихо. Только перо пролетает на высоте нижних веток. Памятник. Он говорит: это здесь. Она не отвечает. Чистит перья. Проходят мимо, оборачиваются. Он тоже замолчал. Дальше больше.

Морской берег. Волны накатываются, шуршат. Пена бьется о кирпичную стену. Птицы, перья, птицы. Что он может сказать? – Ничего не видно. Он смотрит. Ветки. Она молчит. Видно, нет времени. Чистит перья.

Кругом берег, берег. Сверху кричат. Он не отвечает, смотрит на птицу. Она кивает, начинает петь. Все меньше. Всего становится меньше. Он думает, что это не так. Сам же подходит к воде. Она отступает. На конце каждого пера глаза, как у павлина (т.е. павы), но не так. Что-то еще слышно становится. Как будто облако на тонких ногах.

На полу были разбросаны иглы. Никто ничего.

Без чая, без времени, без окон. Много всего. Ему сказали, что лучше пешком. Он не смотрит, думает: и так ясно. Кому как. Это никого не удивит. Где-то рядом клюют крошки. Стекла позвякивают. Тут все забыто, как от этого избавиться? Они обсуждают.

Чистит перья. Чистит перья. Чистит перья.

Май 1976

Новых стихотворений

часть третья

МИНИ-ОТЕЛЬ
932 38 24
МИНИ-ОТЕЛЬ
932 38 24

261

Полуоткрытое окно
за ним струится день
смуглей огня ложится тень
забытая давно

от слов которых нет уже
и тех что я не знал –
песчаный куст растет в душе
подобием узла.

Но дождь и пестрая трава
цветут в других словах
и за углом поет трамвай
о стклянных головах.

Июнь 1981

262

претекание *эс ка*
накида е к*ы* ука
сок паучий
вертр жгучий
тучи мучат
мокнетад
и отры ие уава
шатр татр маломава
тканье льётся
сок поётся
кос вершины аромат
оск кормшает и умшат

август 1981

263. *Воспоминание*

для ВНЕ

корона рыб
корней забава
и в поле волк
свистит щекой

так иногда
иголкой бала
гарцует кость
в чужой руке

а бедный шар
а медный полдень
кошачий блеск
приносят нам

но лес шуршит
и чай вскипая
скрестил щеки
простую суть

P.S.
пробертран
кортуберцан
говорить возможно долго
то-то кволгло
цетера

август 1981

264

с....

в тисках редиски
вчиняют иски
как одалиски
– – –
dixi

январь 1982

265. *Из Ходасевича*

I
благодари зазА свой;
за то, Звезда, за то;
зато, какроза дикая, илИшь свой.

II
этот ветер, но какой-то,
что ж ты, тЫне
голубых, но нАдка
возникает: Феникс Как.

сентябрь 1983

266-269. *Четыре стихотворения на особый распев*

1

вьются мухи
ноют музы
недоумкою луна
    азы кухи
    бьются в пузо
ео у́о
ю́у а̃

2

вот сидит на крыше царь
полна тетя огурцов

3

а)
– зуб?
– зуб.

б)
– зуб?
– нет, не зуб.

4

1 *см* молока

март 1985

270

Д.А. Пригову

Лежит Даная
вся нагая
раскинулась от края и до края
ах Россия, моя дорогая!

Март 1985

271-272. *Два перевертня*

*

В окне палка, как лапенков.

*

Цравш-цравш. Цравш!

1984, 1986

273

В городском суде играет
духовой оркестр;
на скамейке подсудимых –
сам Ксавье де Местр.

Ноябрь 1989

274

Однажды я сидел на стуле
и очень долго говорил, –
то было в Туле? Нет, не в Туле.
Я всё забыл, я всё забыл...

Февраль 1990

275

...иной,
иной им мелос нужен,
и не поправить, и не повернуть!
Но и не всё...

Март 1990

276

Прелестная дева смотрела в окно,
как будто со мною хотела одно, –
а я –
совсем другое...

Весна 1992

277

Лично я не имею никакого отношения к Сайгону.
Я, – и не я один – с Малой Садовой.

Всё чуждо нам, весь мир чужбина,
отечество нам – Малое Садо!

1992

278. (*Исса*)

Ох, как медленно
ты, улитка, тащишься
к Фудзи вершине!

<1993; 1994>

279. *Пятерица неверным*
(*неверная пятерица*)

В.К.

Всмотритесь – иногда насупленное облако
глазами алчными шуршит и шарит...
О подожди! Инсценировкой утлой мысли
алеет на абсурдном шаре ангел абордажный –
пустотный ангел... Трезв и я?

Декабрь 1994

280. *Из народной песни*

(*Вольный перевод с испанского*)

О кукарача, о кукарача!
Ты тоска моей души!
Я терзаюсь, горько плача,
если нету анаши...

О кукарача! Ах, кукарача!
Сердце душит сладкий плен...
Но надеюсь на удачу –
снова встретить Мэри-Энн!

Февраль 1995

Мелочи жизни, или На рубеже веков

Эрль приходит к человеку.

А. Альтшулер

281. *Искреннейшее пожелание**

Из девичьей пасти пусть слышится крик:
«Какой ты обманщик! совсем не старик...».

Июль 2000

282

Неприятность у нашего друга:
у квадриги сломалась фрамуга...

Июль 2003

* К шестидесятилетиям А.Х. и К.К.К. (2000)»!

283. *Эпитафия NN*

Человеческое тело
слишком многого хотело!..

Июль 2003

284. *Воспоминание о женитьбе Н.Н.*

Со страшной скалкою в руке – – –

Август 2003

285

Как нам сказал один имам,
флагштоки в гости будут к нам!

Ноябрь 2003

286

Однако же, – сказало существо, –
как пахнет это вещество!

Июль 2004

287. *На встречу в Сочи предводителей трёх народов*

Путин, Шрёдер и Ширак
станцевали краковяк!

Август 2004

288

Пришло письмо из Элисты:
предполагают гнать глисты.
Но не права та телеграмма:
была лишь глупая реклама!

Февраль 2005

289-292. *Из книги «Стихи о Прекрасной Даме»*

289

Сияет ясная луна,
цветёт сурепка.
Плюётся дева из окна,
плюётся метко.

Август 2003

290

Здоровенная птичка гуляет в лесу,
а нежная дева копает в носу.

Сентябрь 2003

291

В бюстгальтере на босу ногу
что ты грустно глядишь на дорогу?

Июль 2004

292

«Помнишь ли ты
наши мечты?» –
пели коты
нежно как ты...
сладко как ты...

Февраль 2008

293

Головной уставший мозг
издаёт протяжный визг.

Август 2004

294. *Элегия*

И я когда-то был млекопитающим,
а стал теперь лишь в полнолуния летающим...

Ноябрь 2004

295-309. *Заметки о незабвенном ККК*

295. *Тост*

Выходит мудрый таракан
на утренний простор.
Пусть будет полон Ваш стакан
от сих до этих пор!

Октябрь 2002

296

Вяло (ох, вяло!) хвостом шевелит белобрюхий Кузьминский...

Июль 2004

297

Чего-то вдруг Кузьминского плавник
безосновательно поник...

Июль 2004

298

Хвост облезлый робко пряча
по полям Кузьминский скачет.

Август 2004

299

В детском платьице Кузьминский
вдоль по улице идёт,
грозным басом он хохочет,
нежным тенором поёт.*

Сентябрь 2004

300

Напрягая задни ноги,
шёл Кузьминский по дороге.

Сентябрь 2004

* Строка ККК.

301

Однажды Кузьминский сидел у окна,
а рядом зловредно журчала волна...

Сентябрь 2004

302

Кузьминский виден в амбразуре:
под ним струя светлей лазури!

Сентябрь 2004

303

Шёл по улице малютка,*
посинел и весь дрожал
и на разные е-мели
ничего не возражал...

Декабрь 2004

* Т.е., разумеется, К.К.К.

304

Затеял Кузьминский метанье икры
и хрипло добавил: «сигей и ры-ры!»

Октябрь 2005

305-307

I
Кузьминский, лёжа под столом,
следил зрачками за котом.

II
Кузьминский, вялою рукою
лаская нежного кота...

III
Как радостно! как весело журча
бежит кошачая моча!..

Октябрь 2005

308

служил кузьминский демократом
республиканцем молот был
но Пенсильвания домкратом
обоих охлаждала пыл

Март 2005

309

На диком бреге Иртыша*
содрали кожу с малыша**.

Ноябрь 2006

Разъяснения сочинителя

* Под Иртышом подразумевается река Делавер, разграничивающая Ньюиоркщину и Пенсильванщину.

** Под малышом имеется в виду всем известный прибрежный житель, он знает кто.

Приложение
Мелочи из запаса моей памяти

310. *Воспоминание отрочества*

После окончания восьмилетки, я поступил в другую школу. На первом этаже новой школы был кабинет директора (директрисы).

Незадолго до моего поступления один из выпускников прямо перед дверью кабинета старательно насрал. Увы, отважный герой был пойман на месте и исключён. Мало того, даже не был допущен к экзаменам...

Всё хорошее скоро кончается!

311. *Воспоминание юности* (*«Подвиг ленинградцев»*)

В 1967 году я пошёл в кинотеатр «Аврора» на какой-то фильм (вместо обещанного показали другой, про индейцев, с Гойко Митичем). По окончании фильма публика рванула к выходу, но почему-то недалеко от дверей образовался затор.

Оказывается, прямо посередине прохода лежала здоровеннейшая куча человеческого говна!!!

Март 2003

Иные короткие стихотворения (продолжение)

312

Однажды пылкий ламантин
под взглядом юных клементин*
метал в канаву блевантин...

Февраль 2003

* Клементина – вероятно, героиня фильма великого Джона Форда.

313

...и я котлетами – да, да!
питался в оны дни
теперь остались навсегда
лишь кашицы одни*

Апрель 2004

314

Пионерки собрались в лесу
ковырять друг у друга в носу.

Январь 2005

315

Такой-то жену молодую любил
и лишь по субботам её колотил.

Апрель 2005

* (это говорит как бы Ник.Иваныч, а по мне так лучше бы вместо «кашицы» сказать «булочки»

316

Нет! Я не Ирод, не урод –
я лучших чаяний народ-
ный лучший идеал!

Сентябрь 2005

317

Над миром вьётся красный флаг,
его несёт один (ч)удак.
Но, может, это красный нос?
Тогда он, видно, Дед-Мороз!

Декабрь 2005

318

Проехало орало
крестьянину по рылу.

Март 2006

319

Вот, насравши под подушку,
кот идёт на раскладушку.

Июль 2006

320

Однозначно звенит колокольчик...

Оттолкнув ногой подружку,
спит усталая зверюшка.
(*Вариант*):
Спит усталая подружка,
оттолкнув ногой зверюшку.
Или:
Спят усталые игрушки,
спрятав мордочки в подушки.
Или:
Обнажим свои макушки –
отрежем трепетные ушки!
А также:
На веточках повисли ушки.
Гуляли здесь, видать, старушки.
и мн. др.
Но самое главное:
Насрав любимой на подушку,
уходит муж на раскладушку...

Июль и август 2006

321

Требует продления:
Когда он прочь бежал, роняя помидоры –

Август 2006

322

Над окопами летал
неприязненный металл.

Август 2006

323. *Размышление*

Расширение вен варикозное
нас наводит на мысли серьёзные...

Август 2006

324

Кошка-Сын к Отцу пришёл
и ответил Кошка:
«Делать надо хорошо
и не понемножку!»

Сентябрь 2006

325

Играют волны, ветер свищет,
и мачта гнётся и скрипит...
Но на могиле тот же нищий
всё так же жалобно кряхтит.

Сентябрь 2006

326

У Тришки на локтях слаба глазами стала...

1 октября 2006

327. *О, кто же он?..*

Порой во мраке заблужденья
он ел песочное печенье!
Когда же съел он всё печенье,
его постигло просветленье!

Октябрь 2006

328

Хорошо порой в лесу
ковырять ногой в носу!

Октябрь 2006

329

Красные крыши –
Малевич, Богданов и Хендрикс...
Оглянись! Оглянись...

Март 2007

330

Вы помните, младые помидоры?..
Я помню вас, младые помидоры. Но порой...

Март 2007

331

... алексией аграфию сменяя ...

1 июля 2007

332. *<Умер Пригов>*

Теперь мы будем цитировать Дмитрия Александровича как классика, которым он, собственно говоря, был и остаётся...

<16 июля 2007>

333

Лежит моя подушка
в высоком терему,
есть к той подушке доступ
и сердцу и уму!

Ноябрь 2007

334

– Будь готов
кормить котов!
– Кормить котов
всегда готов!

Февраль 2008

335. *Пророчество*

В ноль часов ноль-ноль минут
нас посеют и пожнут!..

Апрель 2008

336

Жили у бабуси
три весёлых гуся:
один – серый,
другой – белый...
.....
Съеден третий гусик!

Май 2008

337

На Семёновском плацу
Достоевский ел мацу.

Май 2011

338

От юных дев
добиться щец
был наш напев
увы вотще.

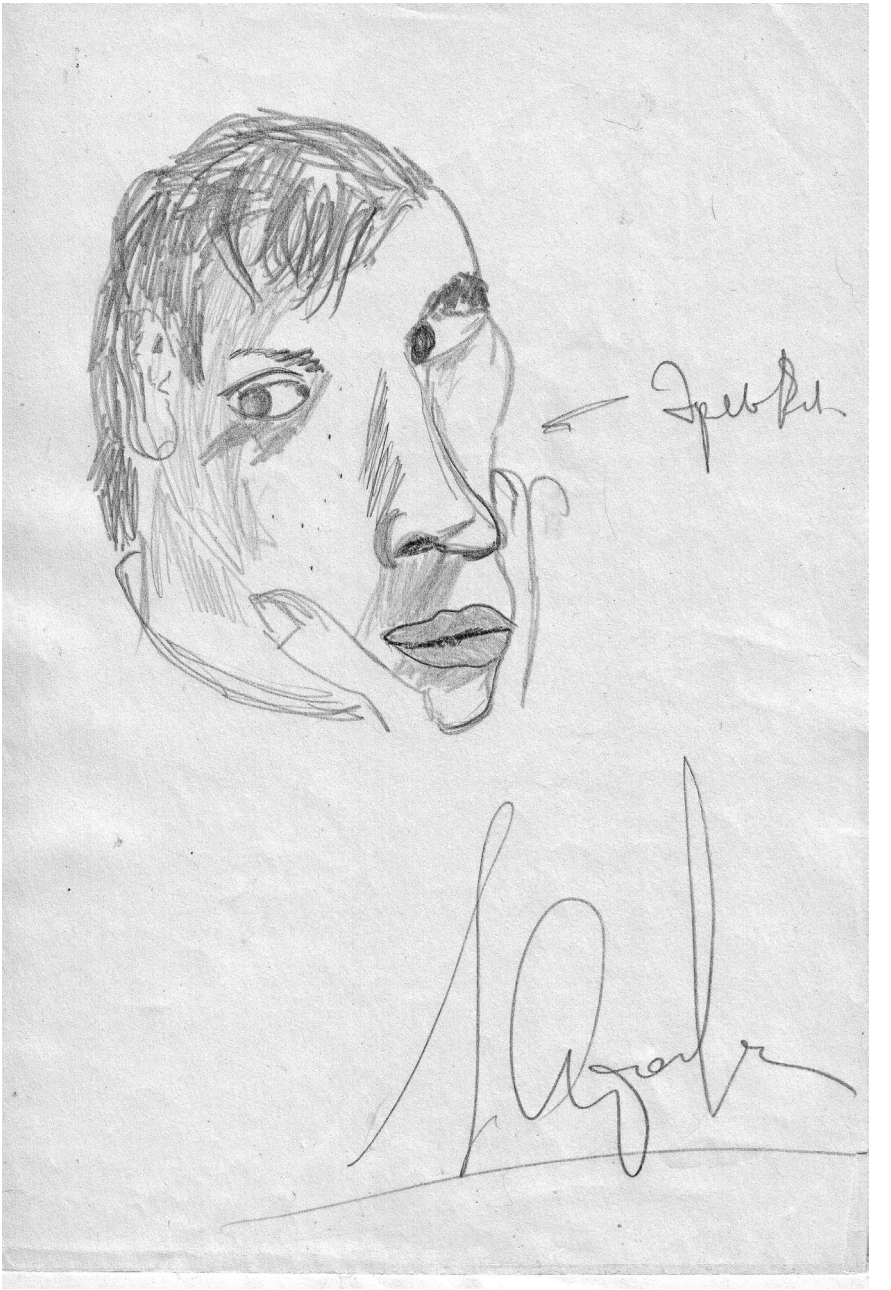
Июнь 2011

339

В белом венчике из роз
куда прёшь, единорожь?!

Август 2012

Произведения, не включенные в основное собрание (1963–2000)



Стихотворения и поэмы

340. *Поэма, которую можно назвать дневником, но лучше никак не называть*

(*Отрывки*)

I

М.Юпну

...В гастрономе – поллитра,
на улице – руки в карманы засунешь,
и идёшь, запахнувшись в пальто,
и идёшь, опустив долу лик,
уподобясь Иисусу Христу,
и прощаешь застенки домов, непреклонно стоящих вокруг,
и прощаешь людей,
натыкаясь на них на ходу,
и бормочешь под нос
что-то вроде «спаси и помилуй!..»
Бесконечно по улице,
шаг за шагом по улице длинной,
ибо это – свобода...
(Свобода даётся движеньем!)

Бесконечно по улице, –
по грязи и по лужам,
по снегу
в бесконечность свободы, и в свободу движенья,
и в движенье свободы, и в свободу пространства...
И избыток свободы
становится камерой тесной,
из которой спасаешься бегством,
из которой бежишь,
как бегут от домов, от долгов и от женщин,
в которых влюбляешься слишком
(или слишком не слишком, что, впрочем, кончается тем же)...

Ты бежишь,
ты стремишься туда, где толпа,
чтобы быть
одиноким.

XIII. Последняя глава

...Вы ничего не понимаете,
горите в медленном огне,
поодиночке умираете
во мне.

Но иногда вы воскресаете,
вперяете свой взор в меня.
И кажется – вы умоляете:
огня!

Ноябрь-декабрь 1964

341

а за окном деревья из-под снега
чернели будущим углём
и Пушкин
он невдалеке стоял
из дома выходили люди и шли
на площадь
тоска их гнала под тень под свод под перст
архангел там
смотрел на землю
на опрокинутое небо
прощающее всё
и проклинающее
тоже всё
не мог не вынести призыва
и вниз
карнизов мимо и окон с рожами зевак
полёт был плавен
душу наполнял безудержным весельем
и звал и плакал и смеялся
но сверху крест летел
догнал летящего и придавил
за полсекунды до земли
и вмял в асфальт останки
наутро
здесь перьев не лежало от крыл архангела
их ночью
наверно дворники убрали
он не из мяса не из жил и не из духа
и в морг везти не надо было никого
поэтому всё в урны и в помои
и столп пустым остался посреди
Дворцовой площади торчать
свидетелем забывчивым
того что было

Февраль 1965

342

Проходит праздник, праздник, праздник...
Приходят будни.
Опять начнутся казни,
Разин
опять взойдёт
на эшафот...
И будут будни.
Не разбудят
тебя твои друзья.
А праздник?
Когда же будет праздник?
Да после казни,
после казни...

Март 1965

343

Мы входим в лес,
в тревожный и молчащий лес,
в уснувший лес...
Усни и ты...
И жди,
когда проснётся всё.
Тогда и осень
наступит снова.
А лес молчащий тоже ждёт,
когда наступит осень
и ты проснёшься.

Март 1965

344-348. [*Начала*]

344 *II клише**

делиться войлоком ноября
удалиться лоснясь и колеблясь
горбоносым покрытием рог
курчавит окровавленно прислушиваясь дверь
стеклянный трамвай
линяет глазами рояля
хмурое волнение простирающегося уха
над скачкой скрежета
выступающего трубадура
отенённого ворожеей

* Глава клише написана в соавторстве с А.Мироновым 23 февраля 1965

345 *VIII сонет*

с презрением к ножным довескам
вкушало время полноту
захваченного трубадура
и душный чёрт гудел

летая солнцем
входила станция назад
в свой мрачный
удивлённый бред

полёт оврага
шумел арбузом продавца

а корабельщик босиком
схватив червонец

в харчевню побежал
искать луну

346 *XII*

конец языческой природы
священному близок кругу
принцип заманчивых лиц
в глубине сыновей жестоких
ангел открыл
покой глубины
и блеск кровавый
открытия поступков
и голод злобный
взор тощих милостей смирил
и колесница возвестила

о возвышенье тихом
далёкая равнина
заботилась о свете истин
злой город умерших согрел
бесцветное светило
зажглось
чтоб в памяти пророков не исчезнуть

347 *XIX*

внизу вершина светит
холма стены возможности скалы
достойный раскалённый и пугливый
высокую гробницу воин замечал
и окровавленное чудище небес
тоска
проснувшимся являлась тенью
разумный нагло отдал
подарки великану
и видел снова
источник алчущий
спросил земную мудрость силы
и получил в ответ
трудолюбивого кентавра званье

348 *XXII*

Дм. Макринову

тихий волшебник
спокойствия баловень
посох из ветви
под холм схоронил
терний простив
восходящий над миром
молитву свою засушил
и прокляв пути стариков
в новый поиск пустился
к вершине раскаянья
клетки горы

март 1965

349-351. *Галина Посвятовская. Из сборника «День сегодняшний»*

349

сознаю себя
и посмеиваюсь
в скорлупе зимы

беличий мех
обжигает ладони
превращаясь в кору

и я
не больше ветки
и высохшей лапки
бельчонка

сама в себе
гашу свет
сумеречный
от дождя

350

расстановкой слов
сиять
танцевать на оконном стекле
жаждущими устами
передать холодный напев дня

в беспокойном сне
призываю ночь
засыпаю теперь
в зарослях частых

расправил крылья вóрон
с польским злотым
в них прячу лицо
солнце
во мне засветило б

351

будь рядом со мной
только тогда
уйдёт мой холод

холод врывается из пространства

с мыслями о моей душе
и обо мне

и значит тогда мне нужны
твои сомкнутые в объятьях плечи
два сияющих мира

Перевёл с польского Вл. Эрль
Апрель 1965

352

Р.

Ласковый всплеск... Жёлтый песок...
Рассвет золотистого дня...
Волны лепечут, играют,
маня
в объятья свои...
О соловьи
с глазами голодного льва!
...Это они –
синие дни,
это они –
слова...

Апрель 1965

353. *Посвящение Саше Миронову*

одна из просек...

уходит в небо просека
уходит в небо – разная
и словно с крыши бросившись

молчат панели грязные
от боли – не от света
упавшей с неба просеки
где человек – калека
и где слезинки – росы

но встав дрожащим бликом
поднимешься на цыпочки
и скинешь с плеч цепочки
– далёко – или близко?

а просека – разбросана
сама или колосьями

Апрель 1965

354

Лапы леса навстречу...
Наречий слова,
как берлоги, угрюмы.
И рюмки
заснеженных сосен молчат,
и молчат
разноликие иглы...
Или листья уснувших осин
в снеговой синеве
слежались?
Или
      это вдали
по замёрзшей реке
сани волшебно съезжались?..

...Я отсюда уйду,
                удалюсь в тишину,
видишь? – плещется
                там, вдалеке...
Под оттаявшей крышей
застывших бровей
тишина виновато журчит.

Апрель 1965

355. *Светопреставление*

И там, где
спорщики о бороде
сходились весело, предчувствуя конец,
и там, где страх мистических колец
сжимал весь мир
в объятьях безучастных, –
он был не мил,
а также частью
раскалывался; ржавый понедельник
просил всех тотчас переделать
благоустройство сточных труб.
Он был порою очень груб,
вещал для мира новый гроб.
И те, что в негах постарели,
сулили светопреставленье.
Какой несчастливый игрок
от бравурных речей оглох
и слух пустил?
И все высокие посты
покинув, в панике бежали
счастливцы бывшие. И вот
смеющийся когда-то рот
вдруг исказился.
И сказитель
пропал в оранжевом пожаре.
Несчастный шут
осмеливался плакать...
И тут
синеющая слякоть
сулила похоть мертвецу.
По обгоревшему лицу
славяне тихие бродили.
И кошки серые блудили,
стеная жалобно во тьме...

Мир ждал вестей
и был не утомлён, казалось,
дыханьем томным леса...
Дыханье демона касалось
обласканных ветрами гор, –
он, словно юноша-повеса,
смывал мучительный позор
своей неоткровенности ретивой.
Палач, услужливый, маститый,
вздымал над шеями топор...
Смеясь, наигрывал тапёр
блатные песенки лениво;
его угрюмый нос костистый,
казалось, что-то вспоминал.
Кого сей жребий миновал?

Май 1965
Соавтор: Александр Миронов

356. *Памяти Велимира Хлебникова*

1

Преклони колени –
перед клёном,
преклони колени –
пред травой.
Поклонись,
опустив полевые цветы
на рыхлую тёплую землю...
Нет! не им,
а ему
поклонись!
Он – везде:
и в широких кленовых листьях,
и в траве,
шелестящей рядом...
Преклони же колени!
Поклонись же ему,
ведающий!..

Июнь 1965
Москва

357

Чернили буднями камины,
где пылью долгие брамины
у ног пластались невпопад...
Необычайный снегопад
спадал на лиц бутон закрытый.
Бездумные свисали крики,
и лунных звуков стих набат.
«В кого стреляешь, мой собрат?»

Июнь 1965
Соавтор: Александр Альтшулер

358

Покинуть комнатку с оплывшею свечой
и выйти в сумерки листвы дрожащей –
и ночь тебя накроет чашей,
и ты, как новоявленный святой,
вдруг явишься пред ветками сырыми,
которые расступятся, и имя
твоё у них шуршать останется в листах...
И ты, от сумрака устав,
покинешь сад – и выйдешь на дорогу.

359

Дети в траве. Собирая цветы.
Всплески их криков и всплески реки.
Виден сквозь полдень – полусумрак воды.
И сосен – за спиною – шёпот.
Но – опустить лицо в траву,
наполнясь вдруг благоговеньем...
И в полупризрачном моленье
прозрачным кажется мгновенье.

360

Где Гатчина
напоминает нам о вотчине,
где стлался клубами
дым паровозный,
стучали колёса – копыта грозные:
«Кончено-кончено-кончено!»

361

Пир вороний на часах,
на чарующих ветвях,
где уснувшие осины
напоминают вам смерть сына,
там серебряный скакун
под застывшими ветвями
ждёт!

362

Где были белые снега,
где пьяные метели выли,
река шуршала невпопад
из придорожный пыли.

363

Как шмель над лепестком цветка,
гудел над церковью бомбардировщик,
и шея стала коротка –
узнать о невозврате одиночек.

364

Где щели звёзд – дощатый сумрак,
где выкрик тёк, как мёд из глаз,
там вдруг увидишь осторожность сумок,
предостерегающую нас.
Где возглас твой был обезглавлен
в смятенье полунощных рек, –
скрипят колёса колымаги
как незаконченности грех.

365

Простить наклонность к славословью
над полем вьющимся кружась
обременявшись в сторожах
намёк был выстрела достоин!

366

Не постигая посвящения,
под зарослью, на утреннем песке
Альтшулер стал прибрежным гением,
любимым в славе и в тоске.

367

Пусть остаётся незаконченным

368

Твои послы где одиноки,
китайским именем гордясь.

369

Катон! замучишь повторением!..

16

Шестнадцать призраков кружат.
И неосознанность ружья
была бы для меня спасением,
как головная боль в Кижах.

370

Как лиственно небо!..
Сентябрь.

371

Цветов стога лежали невпопад
с весной и сеном вперемежку...
Но ты отмерил много лишку
и шёл в звенящих кандалах.

372

Решёткой медленной гордясь,
ты видел отдалённых гор ясь.
Виденьем сумрачным расплавлен,
ты был, наверное, раз пять ло́влен.

373

Где небо, видевшее сны,
забылось как-то и проснулось,
там ты, задумчивей косы,
поднялся вдруг с трав стула.

374

Свивались реки где, как змеи,
в шипящий бешено клубок,
там непонятливый казнённый
был от печали недалёк.

375

И ты со стоном,
в сани словно, –
упал на бархатную грязь...
А ну-ка, милый мой, вылазь
и невесомым стань как раньше!

376

Настольный сириус плясал
пред новогодний торжеством
и необъятный мадригал
был непонятен и неполн.

377

И снова царство паровозное,
и снова рельсы, снова шпалы,
и снова предсказанья грозные
колёса бешено стучали.

378

Я жил в глуши, природы рядом,
за что ко всем вам сяду задом.

3 июля – 5 августа 1965

379. *Моя революция*

(*эпос*)

Посвящается незабвенному гению КПСС

Над опустевшею рекой
летела птичка полевая,
и сонно дева молодая
смотрела сумрачной совой.
Летали жёлтые листы,
и настороженно, и тихо
манили синие кусты.
И птицы лапами костистыми
сжимали в яростной тоске
свои невидимые тени...
И песни хоровод хотели
сплетать на призрачном песке.
И невесомые гробницы,
свою задумчивость храня,
готовы, кажется, влюбиться...
«Ах, Боже! только не в меня!..» –
вскричала дева, улыбаясь,
и в дом отправилась к себе.
Забыв о собственной судьбе
и, словно пьяные, качаясь,
гусыни вышли на песок...
Волна задумчиво шуршала,
подняв беззвучно опахало
и позабыв про поясок
утопленницы, бывшей рядом...
...Глаза наполнив страшным ядом
и взорами ища подруг,
столпились рыбаки вокруг.
Невдалеке навозный жук,
цепляясь лапками за камень,
шептал сквозь зубы: «Amen, amen!..»
И лестницы ступени болевые

вели наверх, – туда, где ёлка,
где полувековая перепёлка
лежала под стеклом в шкафу... Не вы ли,
плывущие по каменной реке
и евшие зайчаток втихомолку,
готовы были спрятаться в котомку,
готовы были прыгать на паркет?!
Но нет, сосед мой, нет!
Не скажете же вы, что жук не вырос,
и не напишете в признательность сонет,
где облегчите участь крысы?..
Но так же здесь – поля не колосились,
а башмаки у парня обносились,
не говоря уже о том,
что тротуары двадцать лет не мылись...
Всё это будет, будет... Но потом.

Цветочкин Вася по бульвару,
наевшись сытного навару,
во фраке чёрном щеголял
и походя красоток щекотал.
Меж тем рабочий на него трудился,
но в бане – месяц уж не мылся
(трудолюбив, но грязен был).
Но ты про это позабыл,
Цветочкин Вася?!
И не бояся
грядущих смут и перемен,
ты заставлял вертеть ремен
станков твоих, которых было много.
Да! такова была твоя дорога,
и дроги
скитальца немощного падали в кювет.
За это, Вася, тоже дашь ответ!
Меж тем рабочие восстали
и угнетаться перестали.

Васютку вздрючили. Народ
зажил теперь наоборот.

...Над опустевшею рекой
стоял Ульянов молодой
(он уже лысый был и старый).
Москва, спалённая пожаром,
была во власть ему сдана
(и всяка почесть воздана).
Но интервенты, не оставив
угрюмых замыслов своих,
решили снова кол осиновый восставить
и на него орла двуглавого всадить.
А Васе дали эполету.
И приказали, чтобы к лету
Москву
заво–
е–
вать.
Е..на мать!
И уж глядь –
дивизий пять
стали, на ..й, наступать...
Во блядь!.. Война-а-а!..
Меж тем Ульянов не дремал
и рать могучую набрал.
Рабочий с вилой и лопатой
(он от труда ещё горбатый)
пошёл Расею защищать...
Цветочкин стал в штанишки срать
и письма для Антанты слать.
Антанты помощь не имея,
пришла хана сему злодею,
повело кота на мыло:
Россия Ваську задавила.

Но вот победа утвердилась,
страна помылась и побрилась.
И снова, руки засуча
и молотками застуча,
народ заводы начал строить,
чтоб жизнь новую устроить,
чтоб достояние утроить!
А между тем была разруха.
И всякая голодная старуха
мечтала о счастливом будущем... Но это предстоит потом, –
сейчас же был бульон с котом.
И контра тоже шевелилась...
И – слышь! – ЧК-то утвердилась!...
ЧК врагами занялась
и позабавилася всласть.
И на зелёные обои,
шурша, посыпались помои:
встань, и вскачь со стульчака –
за тобой следит ЧК!..

...Тем временем, сминая ряд колосьев,
по полю трактор шёл, не беспокоясь.

Июль 1965. Сиверская
Соавтор: Дм.М.

380. *Мадригал*

Листы седые, с паутиной, –
летят листы календаря.
Тебе изгиб колен даря,
я наполняюсь, словно тиной
словами...

Август 1965

381. *Сельская идиллия*

Россия, мать её ..и́,
плыла, раскачиваясь, в просинь,
и синеглазый исполин
своих колосьев корабли
погнал в задумчивую осень, –
и птиц несобранные стаи
кружились над стогами сена,
и ветер резводу́л осенний...
И листья жёлтые, слетая,
являли нам подобье туч;
поблекшего светила луч
неторопливо и печально
в говне коровьем утопал.

Август 1965,
с. Силино
Соавтор: Дм.М.

382

И видя эспадрона раны,
он был печально одинок,
когда над сумраком дорог
ты изучал подробности Корана.

Август 1965
Соавтор: Дм .М.

383. *Скиталь*

(*Отрывки*)

***

И фамильярная байдарка
плыла по мрачному лицу;
её был свет коварно ярок,
и смерть сулил он молодцу.
Твоё лицо – большое поле,
которыми скольжу коньках.
Я говорил: «Лукойе Оле,
не мучьте голову в висках!»
Он отвечал улыбкой княжьей,
над книгою склоняясь пашней.
Я говорил ему о небе, –
он отвечал: «Скакать коня бы...»
И спор наш плыл,
был невесом,
и был он сон
в сиянье крыл.
Где плачи вечные слышны
и невесомы – в самом деле! –
их непонятные листы
нам что не высказать хотели?
Погодой страшной и холодной
я был, зевая, одинок.
Когда шаги не ходят ног,
я видел зарева колонны
и ждал трезвона и покоя,
когда, уставший, был один.
И ворон, прилетая, вторил:
«Спаси, мой верный паладин!»
И карр и крра, и кра и кар, –
он с ветки ёлочной икал.
Он ждал примет для новоселья
и, неожиданный, молчал.

Когда его лесные зелья
казались – стрелами колчан,
синеголовые татары
сходились к пляшущим кострам;
их были крики: «Кость воздам!
Возьми свои седые дары!»

***

Скачка слившихся стрелок –
так по кругу стрельцы погоняют коней, –
так посады горят – это наши костры!
Так по рельсам – по сумраку – тропами.
Недостаточность выкрика – плыли! лицом!
И по лесу скачки – обезумел – оленем!
Ты куда? Подлецом! Колесом! Молодцом!
На колени! Пади! На колени!
Ни один не бежал, догоняя себя,
не осознан был твой запрокинутый крик, –
не осознаны были – предсказанья стиха.

***

И снова в лес, где лось прошёл, задев кору ольхи губами,
где невеликая качается безумно птица...
Здесь я, – не в силах удивиться
стою, откинув тень на камень;
и вижу я отвесный берег, слышу плеск реки
и сосен за спиною шепот...
Но одиночки лесники
особенно грустны сегодня что-то...
И волны бьются лбом о камни.
Костры горят. И сев вокруг,
седые, сдвинувши стаканы,
не подают друг другу рук.
И были сумраки горбаты.

На золотистых сосен ветках
смеялись птицы, словно даты,
благие будни исковеркав.

***

Небрежно обронив «прощай»,
забыл ещё два года я.
Их вычеркнув, гадая,
я был вертись праща.

Август-сентябрь 1965

384

Чёрная женщина бродит в лесу...
На весу
я в ладонях несу
глаза твои,
и дробятся зрачки
надвое,
и многочетверы
в наступающем светлом вечере

Сентябрь 1965

385. *Сцена из «Фауста»*

Поднимается занавес. Взору зрителя представляется убогая, мощеная кирпичом улица. Фауст, *суетясь, вбегает.*

Фауст: Эй, Мефистофель!

Мефистофель: Чего, хозяин?

Фауст: Посрать бы где, а? Что ты скажешь?

. . . . . .

Сентябрь 1965
Соавтор: Дм.М.

386

посв. Альтшулеру

: – ,?!.. : ..... : ,,;–:, –

. ,:; ,.:, ...?.....! ..,. – ,?
,.. . .:. ., ... – .. :
?!... , ;–: .

.:: ?..,,, : – ,,, !?;–:?!
,,,,,,,,,,,,,,,,,, – .....?!
....–,.,. ?.. ?,, ? ?,, ...–,,,! –

... !.. , – : , , ?,? – .

Сент. 1965

387

И продолжением полночного размера
из темноты являлись лики окон,
и расхищением восточного гарема
мне были крики из киотов.
Но я, несмелый, отдыхая
пред быстрым бегом,
молчал. Наследник Богдыхана
казался мне тогда нелепым.
Я ждал, незванный, и молчал,
когда, задиристый и звонкий,
полночным рельсам тихой конки
ударил бешеный колчан
своими стрелами – людьми.
Они катились, как монеты,
рассыпанные щедрой из руки...
«Лови моих скачков приметы! –
кричал, вдруг добрый, бог реки. –
Не вы, но рыбы мне детьми!»
Я ждал.
И, щедрый, он смеялся,
являя солнцу плеский лик,
и – сумасбродный же старик! –
он водорослями сменялся.
Они качались, как страницы,
под ветра цепкими руками...
«Ночной кустарник мне дразнится!»
А что? – Да что – не знают сами...
И я стоял
средь гущи лиц,
внимая треску жужелиц,
летящих около.
И оком
скользил вдоль ряда тёмных окон.

Сентябрь 1965

388

Как тяжело под знаменем
(склонение: под бременем).
И именем, и спинами
мы узнаём не то.

Сентябрь 1965

389

Перстом блуждая по губе,
он был задумчив, словно Хлебников,
и звуков тысячи серебряных
он перетряхивал в себе.
И где, запутавшись средь льдин,
любовник трав за ним следил,
когда, разлившись по скольженью,
он говорил с рекой на вы,
своей не брея головы,
в огне смещался оружейник.
И птицы бешено кричали
о своеволии седых,
что, продырявив гладь воды,
в ней утопали, не слукавив.
И был он нежен, словно Авель,
меж топей дикого кружала.
Свои глаза сменив на зеркало,
он, жопой шлёпая по шпалам,
промолвил хмуро: «Майна пергала».

Октябрь 1965
Соавторы: Леонид Аронзон и Дм.М.

390

И тиною болотной
чертил я на листах
с улыбкой идиота
и словом на устах.

Октябрь 1965

391. *Умирание Рака*

С.Д.

Хрип умирающих сосен
над лесом дневных созвездий.
Спускалась плечистая осень,
толкая случайных соседей.
Сказал: «Проходите мимо
тревожных очередей!»
Коричневой силой томима,
красавица гнала людей
тропинками перелесков,
где лодки вытащены в сон,
где куры, снимаясь с насестов,
кричали: «О! это – он!
Нал повелитель, владыка
пожаловал персоной собственной, –
лучистые тени лика
по спинам нашим носятся!..»
Где, повесив плечи,
медленно шёл олень,
был, словно вечер,
заплесневелый пень.
Его усталые корни
верхом на траве сидели;
их называли «морни»
жители лесной цитадели, –
их обходил весёлый
крестьянин с котомкой, –
жизнью торгуя потомков,
часто ходил мимо сёл он.
Так, продолжаясь в озёрах,
рыбы листали волны.
И были печали полны
Жреца Великого взоры...

Октябрь 1965

392-393. *Из цикла Часы*

392. *Воспоминание*

закат над памятью взлетевший
поведал судьям тайну тихих рек
боялся правый братьев
шепча свои желанья миру
нет силы говорить
он погасил детей начало
охотно книгами увлекшись
берёг путь к радости
именье заболело
и он
в степи
развалины отца увидел

ноябрь 1965

393

корень в стене стволистого круга
по голосу увидеть лист
квадрат приснившийся знако́м
стеклянному солнцу
отверстие длинного света
шумит
зелёная роза камней
ждёт звёздного трамвая

май 1966

394

Л.Аронзону

Своё лицо закутав в профиль
лесных тропинок и дождей,
ты проходил тумана вровень,
фасадов, окон и вождей.
И вёсла плещутся в глазах,
листая разговоров вехи,
наклонит мудрая коза
свои рога, суля помехи...
И, отучась от тишины, –
походка громкая: боишься ты
запутаться в её сети!
Молчат другие: лишёны ———*

Ноябрь 1965

395

Когда я, чей-то взгляд поймав,
вдруг понимаю пляски мав,
тогда, устав от наважденья,
слова читаю умноженья
и, встав на берегу реки,
её страницами любуюсь
и, тихими тропинками руки,
открыв себе страну другую,
под шелест снега прохожу
и жду неясных встреч лесных...
Какую-то забыв межу,
стою меж сосен. Снег на них
клубами дыма развалился...
И солнца ясные ресницы
в морозном воздухе висят.

Ноябрь 1965

---

* тире

396

посв. Виктору Хейфу

Разговор зашёл о водке.
Водка глотке – друг и брат,
ведь без водки и селёдки
не обходится обед.

Март 1966
Соавтор: Дм.М.

397

Как город гладить по щеке, –
рогатый город! –
и плыть колёсами реки,
не чуя голод...
Мне фраза ***А*** была как ***за,***
явившаяся ***от***,
и снова плыли паруса
к руке, держащей плод.
Я видел глаз, голодный как
бегущий дезертир,
и взгляд, рисуя букву ***К***,
был ясен в сентябре.
Опустим руку к витражу,
промолвив ***А*** и ***О***,
и будем видеть, как сложу
видения колонн.

Апрель 1966

398. *Сонет к скучанию*

Когда немолчные качели
рисуют реку поперёк,
когда, раскачиваясь, ели
шагают через лиц порог,

тогда узнаем, что хотели
сказать, чтоб было невдомёк,
и неожиданный комок
отбросим в сказки колыбели.

И, настороженно смолчав,
отставив заданные буквы,
рисуя знаки на плечах, –

мы вспомним лес весной, Калугу,
и на веранде выпьем чай,
и сплюнем в угол почему-то...

Май 1966

399. *К Пользе*

Нет пользы рассуждать, Державин, –
кто Азию наполнит вновь моржами?
Нет пользы рассуждать, Кутузов, –
не равен огурец арбузу.
Нет пользы рассуждать, Мичурин, –
мой конь дрожит, погибель чуя.
Нет пользы рассуждать, Некрасов, –
арбуз полезней ананасов.
Нет пользы рассуждать, Немтинов, –
сады не производят тминов.
Нет пользы рассуждать, Островский, –
Дубровского обидел не Котовский.
Нет пользы рассуждать, Суворов, –
и так не оберёшься разговоров.
Нет пользы рассуждать, Хвостенко, –
Галéцкий уж висит в простенке.
Нет пользы рассуждать, Херасков, –
мальчонки ездят на салазках.
Нет пользы рассуждать, Чурилин, –
напрасно урну мы спалили.
Нет пользы рассуждать, Шувалов, –
Отечество полезней минералов!

Июнь 1966

400. *А.Е.Крученых*

к 80-летнему юбилею

К восьми
десятилетию
возьмите се приветствие
играя на ладони
глазастою икрой
которая – они
снуёт пчелиный рой
вот резвось то есть резвость
развесивши слова
свистите на кларнетах
как флейтою Дюма!

неодаль был поодаль
листая этажи
непадающий отдал
слова
«Кручёных жив!»

восьмидесятилетие
как девять полок книг
в них можно утони
утиным гнёздышкам приветствие!

страницы пожелтевшие
я бе
регу
словами вновь пришедшими:
Москва на берегу

листания аво
старанье каково?
– спросил сосед любезный
при вхо=
де в комнат пыль

– Но помните: хранятся здесь листы!

Июль 1966

401. *Сонет к художнику*

Излучины изгойных рек
свивались стрелами ветвей,
и язвы чёрные корней
их окружали. Человек

с лицом, суровым как челнок,
стоял поодаль, величав, –
и терпкие побеги трав
впивались в холст, верша мазок.

Так, неожиданно застыв,
природа шишкинских холстов
струилась, кисти не простив

своей недвижности оков, –
смеялась, по ветру пустив
своих шуршащих листьев зов.

Сентябрь 1966

402

Течёт седеющий алмаз
как осень шумных водопадов;
расплавленный твердеет глаз –
ему чернил не надо,
ему давно не по душе
листва капустных разговоров,
он знает, что давно уже
телёнок сделался коровой,
он знает, что ужасна жизнь
коровы съеденной в желудке,
и не любая может кисть
изобразить подобье утки...
Итак, плыви, мой слабый глаз,
вниз по течению кальсон, –
осталось много не для нас
в звучании канцон.

Октябрь 1966

403. *Пора, мой друг, пора*

Пора, мой друг, пора, весна уж на дворе...
Болит моя нога, желудок тоже плачет...
Печальны дни в туманном сентябре
и осень тоже ничего не значит.
Печальный снег, упав мне на глаза,
зовёт козу испробовать веселье;
лепечет горизонт, гремит гроза,
и я справляю нынче новоселье.

Мой сын гоняет мячик во дворе,
он камнем невзначай попал в собаку;
собака плачет... Путник на горе
разлил свою норовистую сцаку.
Печаль вокруг... Горит моё жильё
и веселятся чуждые соседки,
они, сжимая сумрачные ветки,
несут на праздник грязное бельё.

Скажи, мой друг, как всё это тебе:
понравилось иль нет – скажи мне прямо.
Меня, наверно, ждёт в трущобах яма.
Прощай, мой друг, и помни обо мне!..

Октябрь 1966
Соавтор: Дм.М.

404. *Пейзаж*

К.Вагинову

Слова сползали с веток языков;
худой ребёнок шёл во двор, качаясь,
а наверху катила волны
луна, повисшая в Неве.
Таким невнятным поворотом головы
был нарисован на листе пейзажа
откуда-то прибавившийся дым, –
он поднимался вверх, как ствол осины,
и так же быстро трепетал
от лёгких изменений взгляда.
Вокруг лежало озеро. На берег
четыре лодки наступали.
В них сидели рыбаки
и пели песни о судьбине
и счастье, пойманном сетьми;
их голоса дрожали тонко
и исчезали за обрывом...
Вокруг –
опять вода и снова брызги
негромких вёсел,
спешащих оглянуться в сеть,
которой нет конца и нет предела...

Тем временем неопытный художник
измял бумагу твёрдою рукой
и бросил в огнь. Мгновенно пламя
пейзаж объяло...
Дым...
Всё скрылось!..

Январь 1967

405

Расчертим лист календаря
неровной линией окружности,
затем в оцепененье января
вновь создадим предел ненужности
и, обернувшись искосью руки,
отметим точкой окончание
шуршащей отмели реки,
красующейся на листах молчания.
И далее продолжим шаг
неровной поступью верблюда:
так повелел однажды шах,
подарки возложив на блюдо.
С поклоном низким, извиняясь
за масло, покрывающее холст,
отметим, что пятна карась
был в меру хвор и в меру толст, –
так образумим лебединых
ступней стреноженную льдину
и молвим в продолжение беседы
о тонкости прозрачных вод,
когда заслуженным обедом
обрадуется прежний хоровод.
Однако прочь все те заслуги,
что на листах запоминают слухи! –
отправим их подалее отсюда,
куда-нибудь за дольнюю гряду,
а жители прибрежные покуда
пусть смотрятся через слюду.

Но это окончанию помехой
не до́лжно быть. Поэтому туда,
куда печальный князь уехал,
прозрачная не послана слюда.

Январь 1967

406. *Угол зрения соотносящийся к левому глазу Виктора Немтинова*

а теперь медленно случившийся табор
опустит посох отравленного чайника
вблизи несчастного как пилигрим утёнка

затем
произошедший вокруг знакомый
ударит тыльной стороною носа по щеке
красивого словно павлин эскимоса

нет нет
это вовсе не шовинизм и не презрение
одной нации относительно другой
это всего лишь
растянувшееся вдоль поверхности кровяного шарика путешествие
из Петербурга в Лондон

когда
путешественник заснёт от неожиданности
и прочтёт наизусть длинную оду графа Д.И. Хвостова
прожившего ровно некоторое количество дней

тогда
независимым от оконного стекла посохом
можно начертить вдоль линии надбровных капилляров
пять линий
и нарисовать на них
полтора чёрных головастика
которые должны изобразить музыкальные звуки

Февраль 1967

407. *Война*

Ландшафты безумного стойбища – краски
листают очки пожелтевших бумаг
когда ставят точки в отверстиях каски
под звуки лихих трубачей – колымаг

оставив селенье уходит степенно
клуб пыли уносит печальный отряд
и медленно носит обрывки коленей
сейчас их наверно владельцы корят

таких промежутков запомнятся даты
надолго – но может быть только тогда
когда устрашённые сжалятся латы
принимая обрубок железный копья.

Март 1967

408. *Вольные стихи*

Вот – изолятор последних дверей
вот – синие окна судьбы и свершений
вот – пляски за ними прилежных зверей
красивых зверей и последних молений

вставай – позади открывая стремнину
больных падежей и недавних проступков
встряхни плоскостопье лихих промежутков
пред тем как руками упасть на равнину

затем оглянись – ты увидишь над бровью
как с неба легко опускается ангел
но сзади тебя – чёрный хрюкает боров
и снова вокруг всё становится адом.

Март 1967

409

Красивых мерзостей вагон
катился профилем вдоль хаты
твердя на стыках постулаты
и надевая на плечо погон
опрятной формы офицерской
подумал что свой вид предерзкий
сумеет приукрасить он
как если б белобрысенький пират
окрасил сумраком болота
где липы тихо шелестят
с улыбкой скромной идиота
к чему б отсюда перейти
минуя грязную трясину
ужель нам не мерещатся пути
когда вскрываем страшную корзину?
Ответ на это был таков:
надел сапог и был таков.
Избавив ближних от оков
но не избавив Спартака
от близсидящих дураков
от близстоящих каблуков
от близлежащих полботинок.
Закон природы был таков:
когда смешаешь ложку масла
пролив при этом молоко
когда как газ любовь погасла
залита литром молока.

Апрель 1967
Соавтор: ВНЕ

410

Головастик превосходный
на тарелочке лежит
из окна петух народный
занимательно кричит
и слюна его свободно
по животику бежит
а вокруг играют пташки
и едят скупые чашки
проявляются замашки
у того кто на межи
и голодные букашки
нынче очень хороши
потому что все какашки
плотно спрятаны в штанышишки в городе.

Апрель 1967
Соавтор: Дм.М.

411

Из прямой кишки верблюда
вышло сахару полпуда
мармеладу полкило
и говядины зело.
Много съел верблюд-паскуда
но в желудке у него
не осталось ни посуды
ни другого ничего.
– Да здравствует развитие химии!

Апрель 1967
Соавтор: Дм.М.

412

Саша Миронов ест сливу,
торопится сливу доесть,
быть ему ныне красиву,
но сливу ему не доесть, –
к нему подойдёт бегемот,
ударит ладонями в рот,
и слива провалится внутрь
красиво, как спелый Онуфрь.

Май 1967
Соавтор: Дм.М.

413

Кроме

Май 1967
Соавтор: Дм.М.

414

Зачел штудьозус Иоганн
зачем штудьозусу наган
если он не хулиган

конец

Май 1967
Соавтор: Дм.М.

415

Где мысль вилась ночною бабочкой
при свете камелька?
Где стих рождался синей лампочкой,
кривя слегка
пред ритма поступью чугунной,
завидной те́втонам и гуннам?
Кто завершит работу над слогами,
и чья рука –
ночною бабочкой, повисшей над снегами,
взмахнёт слегка?..

Сентябрь 1967

416. *Послание к А.М.*

Державный стяг владений хладнокровных,
борзая поступь нонешних калик
и приглашение отведать чаю с репой
являют ныне общее лицо.
«Где наш пирог? – воскликнет росс могучий, –
Куда ведёт меня кипучая стопа?
И где кривые размещенья басен,
которыми я славен и велик?»
Кто даст ответ печальным могиканам?
Без ложи в голосе ответить не могу...
Мешают нынче ложку дёгтя с мёдом:
вины здесь нет ничьей, но нет и мудреца,
который объяснит всё это.

Сентябрь 1967

417

Грибные заросли столетий
цвели среди других соцветий.
Вокруг горы росла капуста,
венчая шапку мудреца,
что над подобием яйца
взвивалась яростно и грустно.
И складки мудрые чело
избороздили вдруг. Мгновенно
явилось мысли торжество,
безгласность устраняя постепенно...
Раскрылись губы медленно. Из них
потёк спокойный мудрый стих.

Мудрый и крепкий Стих:

«А всегда бодр, храбр, побеждать кипящие страсти.
Подданных прямо люби, проклинай ласкательства вредны,
Сладко тебе да-бывает всем им делать отраду,
Все государи, всегда которы преспеющи были,
Суть не-весьма за тем своего блаженства достойны:
Горе! чему цари бывают подвержены часто?»

Сия прохладная торжественная речь
немало
мою главу поддерживала меж двух рыхлых плеч,
бывало,
когда я молод был, любил весьма гулять
в дубровах,
и дурака в штанах любил валять
я новых;
любил я часто банку с мёдом доставать
из шкапа...
С ремнём в руках валил меня опосля на кровать
мой папа,

и плакал я, и блеял, и, мыча, кричал,
как стадо,
а папа всё рукой своей с ремнём качал
и говорил: «Так надо!»

***

Природа вся увяла,
качая головой,
в её уста упала
малютка молодой;
срывая незабудки,
он плачет и поёт,
колотит себя в грудки,
совсем как идиот.
Природа вся рыдает
и тихо увядает,
а славная капуста
играет в огурец;
вокруг совсем капуста
и, наконец,
конец.

Декабрь 1967
Соавтор: Дм.М.

418

С улыбкой в глазах,
споткнувшись о пень,
запутавшись в пнях,
валялся слепень.
Корова его
подмахнула губой:
он снова взлетел,
он снова живой!
Он в лес улетел,
забыв о былом,
крылами гудел
в небе́ голубом.

Февраль 1968
Соавтор: Дм.М.

419. *Выяснение возможностей*

Первый: Скользит неуловимый мир,
меняет формы,
скользит в руках, как пойманная рыба.
Неуловимы очертанья.
Стою, смотрю...
Не поддаётся описанью!

Второй: Прозрачная вода зеркал
разрушиться готова ежечасно.
Смотрю на отражение себя
и ничего не понимаю.
Но вижу форму:
вот – мой силуэт, вот – лёгкий профиль,
украшенный зеркальною водой.
Всё постоянно. Как и прежде.
Здесь я ощущаю грани
стеклянных очертаний отражений.
Не верю видимому.

Третий: Среди кристаллов, атомов, частиц,
среди забытых точек нет опоры.
Скольжу, как будто пойманная рыба,
и так же бьюсь неловко. .
Среди кристаллов, атомов, частиц
вишу в пространстве,
словно горький дым индийской конопли.
Мне память изменяет постоянно.
Не верю памяти!..

Первый: Я чувствую рожденье слова.
Смотрите: я беру перо,
смотрите: я сгибаю колос,
смотрите: мой седеет волос...
Вокруг становится черно.
Я погружаюсь в тёмный мир
неведомых звучаний,
я слышу звон расстроенных, но нежных лир,
и я пою, отчаясь...
(Поёт без слов).

Второй: Мне не хватает зеркала объёма!
Мне примерещился неведомый пейзаж.
Вокруг меня – прекрасный и огромный,
сияющий пространством мир!
Я слышу запахи параш,
я вижу: предо мной стоит кумир!
Он говорит – со мной!..
(Продолжает говорить. Его не слышно).

Третий: Я забываюсь. Я себя не ощущаю.
Одни лишь тени вкруг меня столпились.
Вот предлагает кто-то чаю.
Я отказываюсь. А они удивились...
(Улыбается и засыпает).

Четвёртый *(до сих пор молчавший):*
Они ничего не понимают.
Я точно это знаю.
Верьте мне, слушайте только меня!
Я продолжаю.
Мне самому невнятен мира
косой и стройный перезвон,
моя давно угасла лира,
и сам я словно неживой...

Я вижу запустенье слова
среди неведомых пустот,
моя умрёт во мне свобода, –
но вдруг проснётся невпопад!
Я жажду чуда. – Появись, оно!
Я опишу тебя!..
Является чудо. Пауза.
Нет, не могу.
Отказываюсь описывать неописуемое.
(*Исчезает*).

Апрель 1968

420. *Подражание отражению*

о том...
А.Волохонский

Опушка лиственного леса. Светлый полдень или тёмная полночь. Висит луна. Рядом медленно летает керосиновая лампа.

По опушке гуляют семь-восемь всадников. Все в рейтузах и картузах.

«Свежо по долине»: Майков из Майкопа.

1-й всадник (*в железном наряде*):

– По долине звонкой лунной
я скакал подобно гунну
девять всадников в седле[1]
размышляют об игле
не участвуя в игре...

Всадники *недоуменно переглядываются и пожимают друг другу руки.*

– ... и копытами стуча
я понёсся вглубь стола
из древесного ствола.

Кони (*поют*):

– Мы поводьями поводим
и подпругу разгрызя
лес ночной благодарим
за его сосновый дым...

Хор всадников:

– Кто считает наши стрелы
тот не знает наш колчан
тот забыл укоры моря
тот оближет губы горя
и синим пламенем горя
поскачет прочь от октября.

[1]Он ошибается: на самом деле всадников никак не больше восьми. *(Примечание Автора).*

1-й всадник:

– Я гуляю нагишом[2]
и туманные намёки
с полуслова понимаю.

Кони (*продолжают*):

– ... вышел из реки Верблюд
унося остатки блюд
с головой покрытой лаком
людоеду он не лаком
речь он начал продолжать
мы вокруг остановились
подтянули удила.

Речь Верблюда:

– Кто доволен жизнью сладкой
тот спешит навстречу ветру
тот садится на коня...

Хор всадников:

– Но забудем о погоде
плёткой весело взмахнём
и поскачем вдоль метели
вдоль метели поперёк
вдоль опушки загорелой
мы пускаем наши стрелы
остановимся вдали
и увидим корабли
из колодезной пыли[3]
остановимся посмотрим
речь Верблюдову продолжим
и поскачем невпопад.

Продолжение речи Верблюда:

– ... всадник смелый[4]
всадник ловкий

---

[2] На самом деле он одет, как было описано выше. *(Примечание Автора)*.

[3] Непонятно, что они имеют в виду. *(Примечание Автора)*.

[4] Верблюд произносит продолжение своей речи нараспев и растягивает слова. По всей видимости не видно, к кому он обращается. Наверное, он – чайник, хотя и Верблюд. *(Примечание Автора)*.

ты откуда прискакал
ты зачем с коня упал?

2-й всадник (*выскакивает из-за кустов и вприпрыжку заедает свою отрыжку*)*:*

– Я скакал четыре ночи
прячась днями за кустом
я вам вести доставляю
из урочища лесного
смуту густо засеваю
в поле и лесу сосновом.

Хор всадников:

– Но скажи
скажи нам всадник
что ты хочешь в знак награды?

2-й всадник (*нимало не смущаясь*)*:*

– Я ищу четыре сена
полных доверху возами
калачами запиваю
я парное молоко
жду собаку я лесную
что она мне принесёт
принесёт она мне мясо
и поджарит на углях
я в глаза её целую
запивая петухом.

* * *

Вперёд выходит Автор и читает по бумажке нижеследующее своё сочинение:

– Тишина пустила грабли
и ударила в там-там
в так называемый барабан
лес насупился
ретиво
развивалась конская грива
как дева что порой бывает сладострастна и игрива
струны всадник натянул

оседлав свою гитару
тут другой ему мигнул
и стал всё повторять ему на пару
кони сели на паром
и поехали в Ереван
оставив пешими своих Ерём[5] .

Конец

Январь–февраль 1968

[5] Кого называет Автор Ерёмами – не понятно. *(Примечание Автора).*

421. *Друг*

Песня

Шёл Василий, шёл Василий,
песню пел сквозь стиснутые зубы,
а к нему подошли и спросили –
мол, не хочешь ли в зубы?!

Тут Василий задумался
крепко и грубо.
Он лицом побледнел и осунулся
и на помощь позвал
друга.

Подошёл к нему друг с рукой
и ей замахнулся.
Он был добрый, хороший такой,
он в пальто запахнулся.

И враги убежали прочь,
стало тихо и пусто кру́гом.
Опустела осенняя ночь
и Василий ушёл
с другом.

Май 1968
Соавтор: Дм.М.

422

Как кур во щи,
как тать в нощи, –
кричу: «пущи!»,
а он: «тащи!» –
и всё.

Июнь 1968

423. *Стансы*

Двухметровый мужчина
с васильками в глазах
сеет взором пучину,
отражаясь во щах.
На полянке сосновой
воробей умирал:
ему мужчина суровый
вставил в гру́ди кинжал!
И убийца ничтожный
в щах свой взор утопил...
Слёзы льются тревожно
меж высоких могил.
Слёзы льются и льются...
Вот мужчина ушёл.
Но остался на блюдце
воробьиный камзол!

Июнь 1968
Соавтор: Дм.М.

424. *Три сестры*

Утро. Комната на Бородинских полях. Ранний полусумрак. Подсумок.

По брустверу с кирасой в руках ходит Пожарский. *Мрачен. Из левой кулисы появляется* Минин.

Пожарский. Послушай, Русь шарообразна, Минин,
она арбузом сделалась вчера.

Минин. Она, скорей, напоминает дыню,
которая стояла до утра,
как часовой на бруствере казённом.

Пожарский. Послушай, Минин, нет нужды завидовать учёным!
Они нам лгут, планету измеряя:
кронштейн в зубах у них, и прыть немая
движеньям их подвластна не совсем...

А вот и Лиза.

Входит Лиза *с меридианами.*

Лиза. Варя, Варя! Где ты, Варвара? Авдотья!

Варвара и Авдотья (*стряхивая с себя кирасиров*). Мы тут, рядом!

Минин. Здравствуйте, Елизавета Павловна. Вы не видели Варвару Петровну?

Лиза. Здравствуйте, Кузьма Фёдорович. Она с Дунькой грибы собирает. А что, много сегодня французов в плен взяли?

Пожарский. Здравствуйте, Елизавета Авдотьевна! Говорят, тысяч пять.

Лиза. Доброе утро, Валентин Тимофеевич... Чего – тысяч пять?

Пожарский. Да рублей, Елизавета Николаевна, рублей...

.....

Август 1968
Соавтор: Дм.М.

425.

А.И. Введенскому

Дым качается сосновый
время медленно течёт
опускаются основы
диких пальм наперечёт.

Лист качает головой
уплывает по реке
он оторван он изгой
он стрела в чужой руке
лист куда ты уплывёшь
где ты к берегу пристанешь
почему столь нехорош
конец судьбы твоей и странен
лист лист ты один
уплываешь по воде
остаёшься на весу
остаёшься посреди.

Отражение твоё
тихо вдаль плывёт а ты
ловишь взглядом пустоту
из мерцаний пустоты.

Уплываешь уплываешь
посреди большой воды
в полусумраке витаешь
посреди большой воды
или не ты?

Посреди воды большой
ты и медленный и тихий
и качая головой
опускаешься на дно

отражаешься не ты
опускаешься не ты
отражение твоё
ты набух.

В тебе огонь потух
пламя страсти залило
тёмной влагой не без форм
пламя ветер замело.

Воды тяжело плескали
в полусумраке блистали
утекая в пустоту
на весу.

Время медленно течёт
опадает лист сосновый
дым качается вдали
лист качается в дыму
лист горит.

Отражение его
стало дымом унеслось
в высоту и пустоту.

Отражение пустот
поднимается плывёт
и стекает на листы
жёлтых сосен и осин.

Ты не ты
ты смотри какой вокруг
дым стоит
ты себе не друг
дым
вот это ты.

Дым утонул
а ты канул
куда
в воду
куда
в огонь
чем стал
эфиром.

Август 1968

426

Зачем ненужной болтовни упругость
приходит вечером ко мне?
В твоих глазах пылает глупость,
играет в розовом вине.
Приди, приди! приди ко мне! –
я руки вымажу в говне,
пожму тебе ладонь...
Ты улыбнёшься, застрекочешь
и вдруг невинности захочешь...
Но всё сметёт огонь!

Август 1968

427

Вдали от шумной суеты
в пыли растущие цветы
увидел вдруг с усмешкой ты
тая в груди печальные мечты
перед тобой текла река
а в ней плывущая рука
пред ней скуднеющий обрыв
лежал среди осенних нив
над полем в воздухе жуки
несли помёты вдоль реки
а в облаках парил орёл
и дятел дерево клевал
над ним сиянья ореол
самозабвенно возникал
а дятел клювом приникал
к червю в коре сосновой
и жизнь мне показалась новой
в ней возрожденье я узнал.

Ноябрь 1968
Соавтор: Н.Ф.

428

Ю.Галéцкому

Если опуститься вниз
камнем упасть
боками гладкими вспеть
своё вспять
и снова назад –
то вынесешь что?
Вынесешь каплю ветра
она стечёт назад
ты же её не сохранишь
но оставишь в себе ненадолго
и снова вернёшься вниз
камнем падая в пропасть
или рыбой стремясь ко дну –
и снова вернёшься.
Результат один.
Но когда отступишь
и остановишься
один
в неподвижности
то внезапно поймёшь
что получил своё
и получил всё что надо
и это
твоё
навсегда.

Май 1969

429. *Отрывок*

Ах, Боже мой! Какая нежить
вокруг нас бьётся, бьётся, бьётся
и стёклами оконными трясётся!..
Но впрочем – это не впервой –
увидеть призрак бледный и худой,
кивнуть ему бездумно и рукой
ему на челюсти узду набросить.
Да. Это так. Мы, впрочем, отвлеклись...

Декабрь 1969

430

«Жизни во́ды...»

...Каждую секунду в человеке – новая вода.
Прав потому Гераклит, утверждая,
что нельзя
дважды войти в одну и ту же реку.
И – тем более –
прав я, когда говорю,
что в меня нельзя дважды войти,
подразумевая,
что всё течёт, всё изменяется,
и намекая этой фразой –
справедливо –
на самого себя.

Февраль 1970; 1979

431

Город город город
здания его
каменистый воет голод
ГО!

Обрусевшие славяне
ныне и потом
в тройке скачут по поляне
прыгают котом.

..... отпустить!

Май 1970

432

1
– Не мни, Немтинов!
Немтинов мнёт.
И грудь, как тину,
в болоте мнит.
– Не мни, Немтинов!
Немтинов мнит.

2
– Не тли, Немтинов!
Немтинов тлит.
– Не мни, Немтинов:
Немтинов – Клит.

Июнь и август 1972
Соавтор: К.Кузьминский

433

Звучит меридиан полночный
струной и робкой и непрочной
и мысль уходит непорочной
оставив комнату пустой...

Октябрь 1972

434

Николаев! о птичка моя!

Май 1973

435

вот моя работа
вот мой дом родной
вот сажусь я в клетку
вот и я пустой

август 1973

436. *Отрывок*

а на шаре земном
диким мохом оброс
ни конца не встречая ни края

Февраль 1974

437-438. *Х о к к у*

***

видел ли ты что
я не знаю может быть
ну конечно нет

***

Осень к нам пришла.
В воздухе свежая пыль –
листья кружатся...

Март 1974

439

плыл по волне размер стиха
и незаметно затихал
и успокаивался дух –
и тух...

Сентябрь 1975

440. *Д.64*

мост спит в китайской тишине
а ты
испуганно сплетаешь
трамваев шум
с неясным поворотом

я жду
и слышу
как сердце разбивает ритм прилива

надежды зеркало
вытягивает светлый парус на простор
и останавливает время

сплетает руки нетерпенье
и голос меж ветвей
всё повторяет:
правда правда

парящие в ночи деревья
на узкое лицо
бросают пепел

горек
чувств напиток

Май 1976

441

Один олигофрен
нажил себе рефрен.

Другой олигофрен
отъел ему рефрен.

Мораль: Не суй, олигофрен,
повсюду свой рефрен.

Январь 1979
Соавтор: С.О.

Неоконченное, а также проза

442. *Методическое метричество*

В.Хейфу посвящается

Папапапа.

Комнату наполнял гулкий полумрак. Резкий сквозняк внезапно пронзил синий сон, повторяющийся и уже ушедший. Но знает ли кто-нибудь о том, что труп моих желаний стал жевать по ночам и, фосфоресцируя костями надежд, вопрошая: скоро ли?

Я брал лопату и бил ею изо всех сил по мячу, которого не было, но всё-таки где-то, если призадуматься или умереть от одиночества, можно будет понять и осознать, не то, чтобы представить, а именно осуществить его существование... К тому же, если набраться духу и скромности, то можно и осуществить свои замыслы, связанные с переходом от раздвоенных галлюцинаций (то есть от чередования нормальных человеческих снов с дневными галлюцинациями шизофреника) к их цельности. Это даёт возможность осознать происходящее, а также освоить этапы развития абсолютной сиреневости огрызка яблока, проткнутого серебряной вилкой с пластмассовой рукоятью. Всё это сделал пожилой усатый человек с зелёными нарукавниками, на которых были выгравированы его инициалы: Т.М.;

от этого по лицу его разгуливала совершенно усталая улыбка. Челюсть его резко подёргивалась, перекатываясь в разные стороны, что создавало впечатление некоторой агонии, причиной которой являлось появление нового персонажа на сцене Столетий, уставленной кухонной утварью и статуями идолов, головы которых светились, как светофоры, указывая то прямой путь на кладбище, то места раковых опухолей.

Наполнившись очарованием, человек, дотоле молчавший, вышел и осторожно притворил за собой оклеенную вырезками из журналов дверь.

Январь 1965
Соавтор: Александр Миронов

443. *Собеседоване*

Стены медленно колышутся, навевая какие-то сны.

– Но почему именно сны? – спросил вдруг маленький человек и всхлипнул. – Почему же сны?.. – он уже плакал медленно, так же медленно, как колыхались зелёные стены. Так, в своём придуманном мирке перебегая со страницы на страницу, он вдруг остановился на какой-то строчке. Это было восклицание. Междометие. Восхищение.

Какой музыкант раскачал фундамент? Как медленно, невыносимо и прекрасно рушились опоры, давая понятие об астральности искусства!

– Это хорошо?

– Нет, это неземное.

– Бог?

– Небо, просто небо.

– Не Бог? – переспросил первый. – Или...Что вы говорили тогда?

– Тогда почти ничего не было сказано!

– Но небо... Почему вы тогда..

– Тихо! Идёт кто-то, – испуганно воскликнул тот, кто был в начале. И в самом деле – приближался высокий сутулый незнакомец, закутанный в плащ, в длинный, слишком длинный даже для его роста плащ.

Он потянулся и сказал:

– Четыре – дробь-дробь-дробь... Четыре – дробь-дробь-дробь.

– Четыре в одном гробу? взметнулся третий. – В одном гробу?! Разве в Сибири мало леса? А Канада? Неужели нельзя похоронить каждого заключённого в своём гробу?

– Постойте, – вмешался второй, – а мост? Как же мост?

– Мост? Стой, стой; нет, не вырваться, не вырваться отсюда!

– Остановитесь!!

– Нет, просто катафалки... чёрные катафалки на мосту... на мосту, на мосту...

– На мосту – на своём месте!

– Катафалки... А Кафка умер 22 июня... Бомбёжка... А Фридрих...

– Энгельс?..

– ...Ницше – 20... нет! 22 апреля. Отравился старичок на ночь.

Человек в чёрном плаще медленно покидает его. Подкладка красная. Все резко оборачиваются.

– Ну, так как же?.. Пойдёмте? – допытывается он.

Все печально идут за ним. Плащ медленно опутывает фигуру идущего впереди. Это опять человек в чёрном.

Январь 1965
Соавтор: Александр Миронов

444. *Онуфрий*

Фрагмент

Этот детский наплыв,
эти хлебные дни,
Нескончаема зимняя порка...
Александр Миронов

Глава вторая

Онуфрий за столом сидел
и размышлял о благе мира.
Слова лихого бригадира
запали в душу глубже стрел.
Онуфрий думал не спеша:
«Моя душа так хороша...
Так распадается изящно,
как будто пьёшь кумыс из чашки...
Тревога в сердце залегла,
как в норке мышка полевая,
и недра мне повелевают,
и в жопе вертится игла!..
Как тяжело среди людей!
Внимать их разговорам шумным,
дыханье слышать их грудей,
таких надутых и чугунных...
Как тяжело среди камней!
В лесах неведомых скитаться
и огородом пробираться,
и петь романс "Приди ко мне"...
Как тяжело среди морей!
На утлой лодочке качаться,
в тоске затейливо плеваться,
ругая глупых скобарей...
Как тяжело среди корней
червём паршивым обитаться
и громким голосом ругаться:
"Проклятый дедушка Корней!"».

Январь 1966
Соавтор: Дм.М.

445

Крошатся медленно зубы –
так рушатся стены
Флобер пролетает
на крыльях простуженной пташки,
а мы, наклоняясь
над чайною чашкой,
рисуем на лицах
прохладные тени...

Январь 1967

446

Пробудилась природа под кустиком
и стряхнула с себя мужика

Апрель 1967

447. *Речь на открытии 17-го памятника первопечатнику Ивану Федотову*[*]

Дорогие сограждане!

Первый тост мы хотели бы поднять в память о рано ушедшем от нас Павле Федотове...

Вся подноготная его деятельности лишь недавно открылась перед нами. Мы были поражены и отчасти возмущены происшедшим...

Мы рады представившейся нам возможности почтить память покойного. Мы вообще всегда рады почтить память покойного...

Дорогие сограждане!

Второй тост мы хотели бы во весь голос . . . . . .[**]

Август 1967
Соавтор: Дм.М.

[*] Произнесена на Манежной площади в 11 часов пополудни.

[**] На этом рукопись обрывается

448

Входим и смотрим – перед нами стол.

На столе – что-то вроде шкатулки.

– Не хотите ли партию в биллиард? – спрашивает хозяин.

– А... где же стол?

– Вот, – показывает он на стол.

Мы подходим ближе. На столе, – действительно, шкатулка со стеклянным верхом, в ней – мухи. В стекле на шарнирах укреплены два кия.

– Сыграем? – повторяет хозяин.

– Но ведь они живые, летают?.. – недоумеваем мы.

– Это ничего...

Сентябрь 1967

449

Дм.М.

Скажи, кто я? – Кудесник, волхв,
иль фарисей лукавый?
Куда ведут меня нехоженые сте́зи?
Кто строго отчеркнёт златою самопиской
«от сих до сих»?..

Сентябрь 1967

450

Кто видел корову, идущую смело
с цветком незабудки на пышных губах?
Кто к ней подходил – и справа и слева –
и ложился несмело в удобных гробах?..

Февраль 1968
Соавтор: Дм.М.

451

Один – был друг его; другой –
врастал в безбрежность головой...

Май 1968

452

Скажи, поэт,
зачем ты Бога променял
на бледные воды зеркал?..

Декабрь 1968

453

– Возьму с собой в дорогу
простой эпилептический багаж.

Декабрь 1968

454. *Два отрывка из письма к ****

16-17 августа 1969 года

1

.....сбегал, выпил кофию и, кажется, всё понял.

Существуют вещи, о которых мы говорим: они есть, – и мы их знаем. По крайней мере, знаем их имена. Есть вещи, о которых мы только догадываемся. Здесь мнения уже разделяются: одни говорят, что они есть, другие отрицают даже возможность их существования. Но, – обрати внимание, это очень важно! – есть вещи, о которых мы не можем сказать ничего. Но тем не менее говорим, и говорим каждый раз по-разному. Иногда они существуют для нас так же явственно, как, скажем, мозоль или синяк на ноге. Иногда их не существует вообще, и даже не существует возможности их существования. Просто нет и не может быть такого в природе, да и только! Хоть в лепёшку разбейся, – а нет их и не будет!

Но, тем не менее, мы используем эти вещи, как и все прочие, так же, как и те, в которых никогда не сомневались и усомниться не можем. Как же это получается?

Известный бородатый риторический вопрос: а ты знаешь сам себя? (Но, замечу в скобках, это я не к тому... А, впрочем, ладно, может быть, как раз к тому... И ещё замечу: к чему тому?)

Надо признаться, что философия издавна славится своими дурацкими вопросами. Сама она (философия) ни на один из них, конечно, ответить не может, а только повторяет, как заводной механический поп-арт («попугай»): «Я мыслю, следовательно, я существую! Я мыслю, следовательно...»

На мой взгляд, отвлеченная материя в письме как нельзя более кстати.

По-моему, человек творческий ещё более философ, чем кто-либо другой, хотя бы потому, что он философией, как правило, не занимается.

Философ, как уже говорилось выше, только и знает, что задавать бессмысленные вопросы, а писатель обычно ничего не спрашивает (если, разумеется, это настоящий писатель), а только говорит, и говорит убеждённо, как бы аксиомами. А вот читатель, читая эти

аксиомы, всё время по наивности своей удивляется и спрашивает сам себя: а почему? И задаёт себе разные другие неразрешимые вопросы. То есть! – становится философом.

Вот, пожалуйста. Философ – только философ и ничего больше, а писатель – писатель создаёт философов.

Поэтому-то, наверное, писателей мало, а философов – пруд пруди!

Всеми этими своими рассуждениями я поделился с курчавым Колей Николаевым, и он был потрясён. Ну, да это со всяким случается, кто знакомится с моими мыслями. Не будем больше об этом говорить.

2

По-моему, чтобы написать по-настоящему хорошее письмо, нужно съесть фунт гречневой каши. Иногда говорят: «Он на этом деле собаку съел». Но это неверно. Собаку можно съесть на любом деле, кроме писания писем. На писании же писем можно есть только гречневую, как я уже сказал, кашу.

Но ни Москва, ни Петербург гречневой кашей не балуют. Я понимаю, – конечно, везде есть пшено, встречается рис, толокно, ячмень, маис, саго, ветчина, рыба, бумага, пластмасса, нейлон, пенопласт, супруги-немтиновы, коля-николаев и другие крупы, из которых можно варить кашу, но... увы! – не гречневую.

Ну что ж! Такова наша планида... Если в Москве нет гречки, то купи мне, пожалуйста, на худой конец, две-три пачки московского «Памира», – это очень хорошие сигареты, и я их очень люблю.

За последнее время ничего непредвиденного не произошло. Предвидеть же – я ничего не предвидел, а потому можно сказать, что вообще ничего не произошло. К слову сказать, Рига – скучнейший город; я там был и знаю. Неделю ты там никак не высидишь.

По поводу слова «высидеть»:

Витя Немтинов купил недавно на базаре две дощечки и сказал, что они его якобы успокаивают. Но это далеко не так. Позавчера я заходил к нему в гости (вместе с Колей Николаевым), и мы играли в кингá. Нужно ли говорить, что я всех вздул?

В.Э.

455

На щёки выгнав лёгкий глянец
и вынув из груди кинжал,
какой-то знатный иностранец
в Хорезме древнем умирал.

Декабрь 1969

456

А мне... что сказать мне в своё оправданье?
Дожди копыта мои расчертят...
И я с головою уйду в созерцанье:
я буду смотреть на сезонные смерти...

Май 1971

457

Когда на созерцание вещей
права сознание теряет
когда последнее дыханье
уходит палубой крутой

Июль 1971

458

Не дождавшись солнечных лучей
криков сов
в садах садам

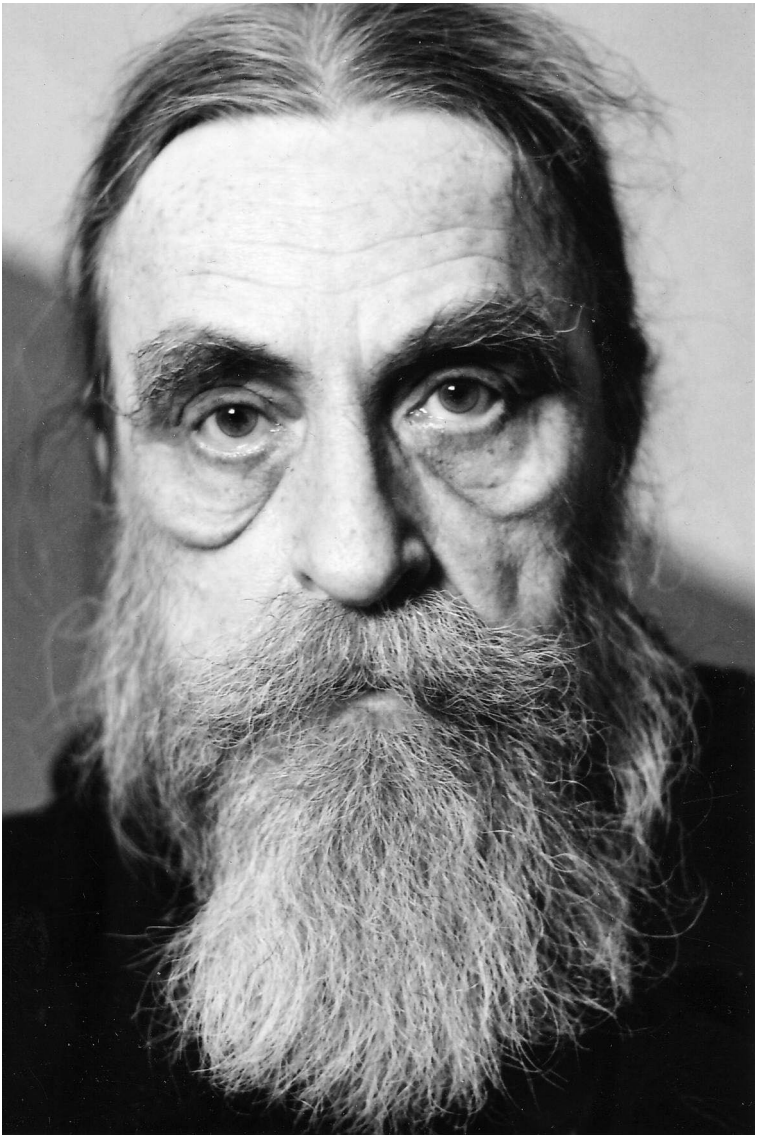
Апрель 1973

459

курлычет Червь и верещит, и бьётся

Октябрь 1974

Кое-какие дополнения



Стихи из романа («Стихотворения Виктора Р.»)

460

на несколько минут
забыть
ещё продолжить сон
последнее руки прикосновенье
плеча упругость
ты поднимаешь голову
ты дышишь
ещё ресниц дрожанье не решилось
ещё ты продолжаешь
прощание своё
но солнце слепит
глушит
ты рыбой выплываешь
на поверхность
и замираешь

31 октября 1972 года

461. *Дым*

посмотри на небо
ты увидишь облак тяготенье
печальные глаза нависшей тучи
ты увидишь Фрэнки Ли на крыше
он смотрит смотрит
крыша мира музыка и горы
он смотрит и видит равнины
если опять обернуться пропадает пространство
сжимается в кулак взлетает мелкой точкой
остаётся
одно только облако четыре стены окно
смотри наблюдай ты видишь – гора
а за окном
он лезет по карнизу сквозь переплёт окна и стёкла
дом множество окон
все они смотрят
он останавливается стоит он спрашивает ждёт
за несколько мгновений всё изменилось
мальчик слуга с полотенцем убегает по коридору
беспокойно обернувшись смотри там восходит солнце
прикрывая ладонью глаза голову опуская
– ничего ничего – отвечают –
ничего нет подождите немного
ещё немного
курит трубку спасаясь от шума
он ждёт
оконные стёкла шуршат под дождём
стены тёмных проспектов редкий свет фонарей аптеки
ты идёшь устремляясь глазами вперёд
руки по швам записка с адресом под сердцем
пуговицы пальто эти пуговицы
мешают мешают
небо сереет голые ветви кустов деревьев

– о память Басе!
– вот это добыча! – воскликнул
он ухмыляется
они радушно хлопают его по плечу пожимают руку
– всё что надо
прекрасно
он доволен
смущённо смотрит в сторону окна
необыкновенные окурки в пепельнице на окне
за окном
ещё не проветрился дым
фабричные трубы
из соседнего дома выходит старик
в руках продуктовая сумка
он трогает землю ногой – не скользко
хорошо
уходит
тень от фигуры стелется вдоль по стене изгибаясь
вот её уже нет
исчезла
в углу
отставшие обои шуршат под ветром
за окном на крыше антенна две антенны ещё одна
ФЛ подползает к подножью
подножье антенны
поскрипывает но не произносит ни слова
над ненастоящим потолка усмешка
вспомни влажные глаза декабрь на траве
коня в поле
кто-нибудь не заметит посмотрит
ФЛ не знал ничего всё позабыл
ФЛ всё запомнил

25 декабря 1973 года

462-495. *Фрагменты*

(462)
Скоро лето пройдёт
и осень тщедушная станет
водить хороводы
над быстро бегущим ручьём

(463)
Мне снились ночью водяные жуки
оставляющие следы – водяные знаки –
на лбу моём и руках. Черны и туги,
они сверкали

(464)
Сегодня ночью состоялось
отплытье паровоза моего
... полёт бескрылый и безаппаратный
нагой полёт греховный

(465)
звучит фагот, –
финал блистательной музыки.

(466)
Ночь. Я читал стихи.
Какая глупость в них сквозила!
Поэзии чарующая сила

(467)
Мы всё позабыли – и звук, и цвет

(468)
И рифмовал могилу с глиной

(469)
Этой ночью песочной опять
надо мной карандашное небо...

(470)
здесь ли, сюда ли
спускается облако с неба
запах травы
уплывает мельканием пасмурным вдаль
улетаем отсюда
взлезаем
взмываем

(471)
замерли звуков объёмы
времени долгая скорость
сладким наполнилась дымом
стекаются вместе и порознь
вздохов и слов половины

(472)
последние слова
как птицы пролетают
звучаньем наполняет листья

(473)
Моё безжизненно лицо
с кромешной жизнью в поддавки играет
то щерится, то тайно выжидает

(474)
Сегодня ночью, да, сегодня ночью
отплыл мой паровоз – взлетел и взвился
я точкой из пространства вырастал

(475)

тяжело писать лёжа.
писать некому.

(476)

Прекрасного сада воздушная тень
я никогда не умру

(477)

Славить мы вместе Господа будем
в тесном аду

(478)

Они стояли под ослепительным блеском неба. Казалось, звёзды накалены, казалось, они раскачиваются взад и вперёд, вверх и вниз

перед тем: освещенные окна С.С. за окнами электрички.

(479)

Заметки на полях, комментарии на цитаты. Тетрадь с другими редакциями и т.д.

(480)

(и ты проходишь по мосту
и ты сворачиваешь вправо)

(481)

Смуглей огня, прекрасней снега

(482)

спящей бабочки обрубок

(483)

тот друг далёкий
неверуя рассказывал во сне

(484)
Хайа̄м
и плавленый сырок
коран и медленные стулья

(485)
я вижу перед собой открытую книгу
дует ветер
ночь плачет в своих водоёмах
дачная запись (пенаты)
несостоявшееся замедление я жду

(486)
и ты как открытая книга
лежала в ладонях моих

(487)
Встреча на трамвайной остановке. Как это грустно

(488)
Так давно, словно в роще берёзовой
второпях посмотрел на часы

(489)
Как Катулл – через два интервала
отправляюсь сегодня в путь
позади глубина миновала
послезавтра – осталось вздохнуть...

(490)
гугеноту гугенот
мы сидели на скамейках

(491)

так взгляд из-за утла – молочный блеск
вода, зелёные стаканы
песок холмов – раскинутый платок

пейзаж невидимый нищает
и мы нищаем вместе с ним

как солнце жжёт!
далёкий горизонт
бледнеет. день за днём за днём
мы смотрим на пески

(492)

Как я лежу и как я паук.
Окно и за окном так и смотреть
голоса за дверью голоса за дверью

(493)

... распадом
проникся мир. На чайных облаках
немотствует слепое вожделенье.
Слова отвергли прежние значенья
и только музыка одна –
навязчивая, полная утраты...

(494)

Чудесный сад, не знающий страданья,
у мира отнял шар очарованья

(495)

Тот, которого не было, молча стоит под деревом.

1969 – 1975

Не-Тапир
(Ранние стихотворения и переводы)

496. *Озеро снов*

Синий цвет тишины –
это озера гладь.
Это – озеро снов,
размышлений овал,
где и утро и ночь
засыпают и грезят...
В синем озере снов
отражается месяц,
что повис надо всем
в небе чёрном.

Чёрное небо –
отражение озера
сверху.

Июль 1964

497

А.Гайворонскому

Прощание затягивается в полночь.
Он прощается с ней.
(Она прощает всё).
Люди не любят дней.
Он любит её.
Она уходит прочь.
Он ставит себе вопросы.
Дым папиросы
искажает черты
его драгоценной мечты.
Он видит лицо.
Оно расплывается
и улыбается.
Голубое кольцо
повисает над миром.
И кажется прекрасным и милым
всё, что ушло в ночь.
Юноша стоит у порога.
Перед ним дорога.
Девушка, что ему дорога,
ушла в ночь.
...Лечь хочет он –
кончается день.
И неясная тень
превращается в сон.

Сентябрь 1964

498. *Сложносоставное предложение, в состав которого входят сложноподчинённые и простые предложения*

А.Г.

Расплываясь в основе видимого
или понимаемого,
что не одно и то же,
мы
(либо кто-то другой,
подобный нашему отражению в зеркале,
находящийся постоянно
в мире прописных истин)
не в состоянии принять
(а тем более
понять)
всё,
что когда-то
(или сейчас)
говорится,
так как
оно не всегда
истинно.

Сентябрь 1964

499

Пыль.
(Атомная пыль.)
Сыплется штукатурка.
Чихаю.

Сентябрь 1964

500

Античёрные –
белые.
Антибелые –
чёрные.
Антикрасные –
разные.

Октябрь 1964

501

Я медленно схожу с ума,
я опускаюсь.
(Я медленно по лестнице спускаюсь,
я оборачиваюсь, –
но не вернусь
туда.)
Я распускаюсь,
как цветок,
чему-то навстречу.
(Вы машете мне вслед
своими белыми платками.)
Мне жаль вас,
мне жаль себя,
и я
оборачиваюсь
в последний раз.

Октябрь 1964

502. *Четверостишие*

Все мы станем подлецами и подонками.
Все мы станем подлецами и подонками.
Все мы станем подлецами и подонками.
Все мы станем порядочными людьми.

Октябрь 1964

503

На деревьях и дорогах,
на холмах и облаках
паутины
тонкие нити висят,
тонкие нити блестят.

И ветер играет на арфе,
на полуразорванных,
на позолоченных
сиянием солнца
струнах...

А я
перебираю пальцами
воздух...
Ветер поёт
в вышине
надо мною.
И жаворонок,
и синее небо,
и облака,
и солнце...

Но только
лучи
прекрасного ясного солнца –
паутина,
повисшая в небе.

... На деревьях и дорогах
ветер качает
тонкие нити...

Декабрь 1964

504

A.M., P.P.

уходившие
в дымку
в туман
в даль
лиц не видно
только фигуры
только контур
двух фигур
сливающихся в одну
и другие
в стороне
у вокзала
там
там
тоже уходящие
только шаги своих ног
и холод
и снова
шаги
и ты
уходящий
в дымку
в туман
в даль

Декабрь 1964

505

с ними сними
с нами снами
но сыны
сами
там где ты

Декабрь 1964

506

в глубине ладони взгляд
внимательно нежен
заключенный в ладонь
как бадья в глубь колодца
как человек вглубь двора
маленького двора
среди высоких домов
поднимающихся вверх
подобно перстам руки
которая держит что-то
в ладони
как каплю росы
наверное взгляд

декабрь 1964

507

Когда люди имеют мнения, они обмениваются ими.
Когда люди не имеют мнений, они обмениваются отсутствием мнений.

Январь 1965

508

Коварная вера трав
стекала в глубокий ров.
Стекавшая с губ кровь
сказала: – Убитый прав!
И я обернулся назад:
там, в тишине песка,
тоска. ..
таращила круто глаза...
Потом удалился в лес,
в полу́ночные листы,
но – остались здесь
моей тоски следы.

И из-за морей синевы
всходили печалью глаза:
меня пытали не вы ль
отточенностью игл зла?

Март 1965

509

Я в осень вошел, как во взгляд,
как в тихий туман реки.
Зеленые тростники
качались зачем-то вдали...
Я в осень вошел, как в реку,
охваченный тишью снов.
И легионы слов
качались где-то вдали...
Я в осень вошел, как в слова,
потерянные кем-то вдали...

Март 1965

510

солнца над холмом корона
краем своим
над пнём изо мха корона
пустила в небо корни
солнце пустило в небо
обросшие мхом корни
корни ввысь
в вас
в вас пустило корни

Март 1965

511

из темноты
выползали
выползали из-за угла
пестрели ползли подступали
стаи цветов
задушат – – берегись
выползали – всё ближе и ближе
берегись
опусти лицо пылающее в воду
не потупить пожара
опусти лицо в холодный ручей
стайки рыб
бросятся – – берегись
рыбы похожие на руки
странно блестящие
серебристой чешуёй кольчуг
руки друзей
задушат – – берегись
лицо из воды
прочь
упади
в густую траву
я тогда на тебя – обессиленного –
навалится молча и тихо
пушистое прохладное небо
– – –
потом – успокоишься
потом успокоишься

Апрель 1965

512

над фонтаном
переливался
цветами радуги ребёнок
чернел вдали розовощёкий
пересыпаясь над фонтаном пыльным
искрясь на солнце
выглядывающий из окна
ребёнок

и дым окутывал простуженную площадь

... переливался
хохочущим фонтаном
ребёнок колченогий
НЕ рассмотревший город
черневших на ветру
улыбок

Апрель 1965

513

двери чугунные плиты
бренной поранят печалью
и снеговой печатью
двери непобедимой
словно в глазницы вбиты
гвозди страны любимой

рухнули базили́ки
под сапогами безликих
трупы свиней разлиты
слышите? – маршируют
слышите? – очаруют
нас песнопеньями криков

Май 1965
Соавторы: Дм.М. и Александр Миронов

514

Шум трамвая – раскатистый звонкий
рассекавший извивы зимы
надрывался в ушах точно кони
поломавшие ноги земли
надрывался в ушах – беспокойный и странный
непонятно зачем
одинокий как меч
и его – нет мои – нет! его
расстоянья
показались вдруг вовсе ничьи...

Май 1965

515

Л.Аронзону

Обмакнув в воду перья крыл
лодка – раскинув весла – плыла –
и казалось что кто-то – ее переплыл
или это в озерной дали расползлись облака?
или лодка – утопленник тихо поет
о конце своем и начале?
или это – замедлив свой небыстрый полет
облака молча тени качали...

Май 1965
Москва

516

Я закрыл оба глаза – и был беспокойно казнён
и плыл по помостам – неразочарован
наступают года – кайтесь! – чёрных звёзд
наступает черёд – улыбайтесь! – беззастенчивых пыток
проплывать и закрыв оба глаза быть смелым
чтобы снова наутро смеяться
чтобы снова встречать – бесполезно! – всходящее солнце
видишь кровь на губах? – беспощадное солнце
плещется в ней
закрывая глаза – в одиночку и порознь – ждёшь ли ты?
жди долгих лет чёрных звёзд
вот они приближаются – – вот они – рядом!

Май 1965
Москва

517. *франц мон*

свистеть

вперёдсвистеть
вперёдпадающему свистеть
мудропадающему свистеть
глубокомыслящему слышать или свистит
слышать если свистит
слышать если свистящий свистит
прислушиваться к свистящему
прнслушивающемуся к свистящему
свистящий вперёдпадающему прислушиваться

1964

518. *герхард рюм*

ночь

ночь
и дочь ночи
и дочь дочери ночи
и дочь дочери дочери ночи

день
и сын дня
и сын сына дня
и сын сына сына дня

сын
и
дочь

и все их родственники все родственники

они взглянули на брата и сестру

они взглянули на сына и дочь
сына и дочь
сына и дочь

и это день
и это ночь

1964

519. *ансельм холло*

Апельсин
на
подоконнике,

это бэби пьёт свой апельси-
новый сок,
    который час
    отста-
    ивался,
        это бэби пьёт.

Дальше,

в окне
видны
два солнца.

1964

Из самых первых опытов (1963–1964)

520. *Быстрое созерцание*

Спешка.
Удары гонга,
и сила, сила!..

А мы не знаем.
А у нас нет.
А мы хотим.

Мысль и битва... Удары...
В кровь!
И сила,
сила!
Очень.

15 марта 1963 года

521. *Ночь*

Город спит. Я иду переулком и смотрю на пустые глазницы.
За пустыми глазницами окон что-то каждому, каждому снится...
Вот одно из окошек мигает случайным прохожим. И кусочек огня согревает мне душу.

А пустые глазницы окошек
и не так-то пусты,
о,
друзья!..

4 сентября 1963 года

522

А.Чёрному

Я – герой неудавшейся повести,
и хожу,
неприкаянный,
по земле...
А я
так
хочу успокоиться!
Но где,
когда,
на какой версте?
И ложится дорога мне под ноги,
и иду я по ней...
Всё – сам!..
+ + +
Я –
герой неудавшейся повести,
а хотел написать
роман.

12 апреля 1964 года

523. *Малая Садовая*

Колонны и шпиль.
И опять колонны.
Стоят, угрюмые,
как комоды.
А над ними
небо в тучах,
рваное,
как пальто
на толкучке.
Зарплата,
как заплата
на рубахе бедности.
Женщина заплаканная
подсчитывает
денежки.
Жёлтые медяшки,
медные медальки...
Грустно смотрит
глаз
миндалины.
А над всем этим
колонны и тучи.
. . . . .
Двуглавый ворон
бьётся в падучей.

13 мая 1964
Соавтор: А.Гайворонский

524-534. Разные записи («Записная книжка»)

524. *Роман в стихах*[*]

1. Вова
2. Головоногий Моллюск
3. Пыжи
4. Штой-то таинственное
5. Прохор
5. Про то, как дом на углу Ражъежжей стоял
7. Серёжа
8. Драгунское собрание
9. Собравшийся офицер
10. Тайна рокового гальюна
11. Жопа
12. Пятка отставного старичка Минкина
13. Кургузый мужичонко и евонное тётко
14. Василий
15. Сундук старого слесаря
16. Сундук старого слесаря (продолжение)
17. Яйцо

[*] Совместно с Дм.М

Часть вторая

1. Брюква
2. Пилявчики
3. Розовое имение
4. Воробейная осторожность
5. Утюги
6. Рукопись, найденная в кувшине
7. Обладатель брючного ремня
8. Мотовило
9. Кто убил Иннокентия Блядиса?

Часть третья

1. Латышский стрелок
2. Жолтая пресс-папья
3. Пуговица; чья она?
4. Взгляд в прошлое
5. Блюдливый тракторист
6. Маленький барабанчик с приделанной к нему осьмушкой
7. У «Индюка»
8. Красивая физиономия
9. Бравая осьминожка
10. Веснушчатый мертвец
11. Любопытная карело-финская частушка
12. На яйцах
13. Китайчонок Ли
14. Конец обкусанного ногтя
15. Фараонская булка
16. Хлебный злак
17. Чечевица
18. Иностранный португалец
19. Тётя
20. Что можно извлечь из недоеденного охнарика
21. Что можно извлечь..... (продолжение)
22. Что можно извлечь..... (продолжение)
23. О том, как электрический локомотив помял картуз Прохора Кузмича

Эпилог

525. <*Сочинения*>*

1. Стихи

«Копила старушка дерьмо...» (баллада)
«Жопа вместо лица и лицо вместо жопы...» (сонет)

2. Поэмы

Онуфрий
Роман в стихах
Последний шевяшок
Говна не утаить
Карточн. двустишия

3. Драмы

Котовращение
Смерть Войцеховского
Сцена из «Фауста»
Секомая Жопа, или он же Хуёжик
Альтшулер умирает сидя

4. Проза

Говно и лето
<Путевой дневник>
Пословицы и поговорки

5. Статьи

К вопросу о жопочничестве

* * *

Эрль в фотодокументах и воспоминаниях современников (сб. статей и фото)

* В тот же день. Также совместно с Дм.М

526. *29 января 1968*

По моим подсчётам, некто, возжелавший просидеть в сортире столько, сколько просидит там средний статистический человек за свою среднюю статистическую жизнь, должен был удалиться туда ровно в 24 часа 00 минут 31 декабря 1967 года и выйти оттуда без четверти семи утра 16 августа 1968 года.

527. *31 декабря 1968*

Мы говорили друг с другом молча. Мы только смотрели. Но взоры наши были красноречивее Цицерона.

Увы! — оказалось, что мы были поняты не так, как хотелось бы...

528. *Июнь 1972*

Плакат в больнице Скворцова-Степанова:

В Большом зале
по субботам в 15 часов

ШКОЛА ТАНЦЕВ

помните,
что научиться
танцевать
никогда не рано
и никогда
не поздно.

Танцы — искусство,
доступное всем.
Педагоги из МЭО

529. *4 октября 1972*

А.П. Чехов. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 9. М.: ГИЗ, 1963.
Страница 177, строки 18 и 19.
<Письмо Н.И. Николаеву; отправлено 8.10.1972>

530. *26 июля 1973*

– С сегодняшнего дня ты будешь есть то, что дадут, и не посмеешь выбирать изо рта рыбьи кости! – кричал отец.

531. *25 августа 1973*

Служба. Валюнчик нюхает сметану.

532. *28 октября 1973*

Предисловие (с оговорками: «я, недостойный», «не имея отношения», «измены вкусу»... «ошибки... тайны»); включает стихи, которые, собственно, и есть предисловие.

533. *20 декабря 1977*

Дверь моей комнаты открывается на северо-запад, окна выглядывают на юго-восток. Спать я буду ногами на юго-запад, а головой к северо-востоку.

534. *Дополнение. P.S.*

Петербург, я думаю, это то место, которое вызывает сладостную апатию и острую ностальгию, и чем дольше в нём живешь, тем сильней эти чувства становятся.

7-8 апреля 2000

О Хеленуктизме

535. *Вступительная статейка Хеленуктов*

Сим торжественно объявляем, что мы <...> Хеленуктами сделались. Хеленукты всё умеют: что ни захочут, всё сделают.
<...>
Мы можем:

а) стишки сочинять;
б) прозу выдумывать;
в) пиэссы разыгрывать;
г) нарисовать там чего-нибудь;
д) гулять;
е) смеяться;
ё) в шашки играть;
ж) статейки писать;
з) .....;
и) по телефону разговаривать;
й, к) кашлять и сморкаться;
л) стоять;
м) сидеть;
н) лежать;
о) купаться;
п) огурцы резать;
р) в баню ходить;
с) петь;
т) ездить;
у) зубы рвать;
ф) думать;
х) чаевничать;
ц) нюхать;
ч) на веревочке узелок завязать;
ш) одеваться;
щ) греться;

ъ) лобзиком выпиливать;
ы) сеять просо;
ь) запоминать;
э) бросать в воду камешки;
ю) говорить не по-русски;
я) гладить Епифана.

Эка!

Все Хеленукты очень красивые, смышленые и умные.

А еще все мы грамотные и отважные.

Мы – единственные живые стихотворцы.

Мы всё знаем: если нам чего-нибудь скажут, так сразу поймем.

Лучше нас никого нет, да и вообще никого нет.

<...>

Хеленукты – бравые молодцы,
а все остальные – паршивые огурцы!

16 сентября 1966 г.
Дм. М. и Вл. Эрль

536. *К выходу 1-го выпуска «Альманаха Могучей Кучки»*

На берегу Невы произросла и образовалась новая литературная сила, спаянная коллективом молодых, но талантливых творческих интеллигентов. Возникнув из традиций классики и русской старины и принимая во внимание опыт реального искусства, это единение выдающихся представителей литературы занимается всевозможными ее отраслями: музыкой, живописью, архитектурой, керамикой, деревянным зодчеством, психологией, философией, земледелием и разведением живности...

Разумеется, мы не имеем возможности в этом кратком эссе упомянуть все занятия Хеленуктов (так их называют в степях Башкирии и юртах Крайнего Севера), образовавшихся в сентябре чреватого событиями 1966-го года. В этом же году была написана «Вступительная статейка Хеленуктов», необычайно ценный по своему историческому и литературному значению документ.

К сегодняшнему дню многое достигнуто и многое завоевано. Хеленукты объединились в Могучую Кучку; в скором времени они выйдут на широкого зрителя.

Предлагаемый читателю сборник литературного творчества Хеленуктов – лишь первый зачин этой цели.*

Ждите! Новые философские системы, новые абсолюты и причинности пройдут перед вами. Вас ждут новые встречи и полезные советы.

Будущее покажет!

Декабрь 1967
Соавтор: А.Миронов

* Увы! Многократно упоминаемый Альманах по сию пору остаётся неизданным...

537

Хеленуктизм...

как много в этом звуке
для сердца нашего слилось!
Как много в нем отозвалось!

* * *

Хеленуктизм! пусть имя дико,
но нам ласкает слух оно.

* * *

Мы всех лучше, мы всех краше,
всех умнее и скромнее всех,
превосходим в совершенствах
все возможные хвалы.

* * *

Лучше нас никого нет, да и вообще никого нет.

* * *

Вот скромным девицам наука:
где лебедь с раком – там и щука.

Хеленукты

1993

Аппендикс

От автора

1

Начнём с начала[1].

В 1962 году пятнадцатилетним я закончил 8-й класс восьмилетней школы № 212 (ныне не существующей) и поступил в 9-й класс одиннадцатилетней школы № 195 (на ул. Воинова, тоже прекратившей существование). Тогда я увлекался разной авангардной (скорее, модернистской) живописью и сам рисовал нечто ужасающее. Но 15 марта 1963 года, сразу после того как я прочёл в хрестоматии для студентов-филологов три стихотворения Хлебникова и «Слово как таковое» Кручёныха, я написал своё первое в жизни стихотворение. Позже я писал почти целый год очень плохие стихи (и прозу, между прочим), разрабатывая, как говорится, руку. А сочинять *по вдохновению* я стал к лету 1964 года.

Осенью того же 1963 года я обзавёлся первым литературным другом – Андреем Гайворонским (сначала ещё не носившим псевдонима). Строго говоря, самым первым моим литературным другом был мой одноклассник Геннадий Несис (сейчас он известный шахматист); втроём мы назвались эгоимпрессионлириками (*однако*!), придумали себе псевдонимы: Андрей Чёрный, Геннадий Несис-Осенний (а о своём я умолчу) и съездили к ценимому нами Булату Окуджаве, который жил тогда в Ленинграде... Вместе с Ан-

[1] Значительную часть первой части послесловия составляет переработанный (сокращённый, но и дополненный) мой мемуар «Пятая проза» (см.: *Владимир Эрль*. С кем вы, мастера той культуры? Книга эстетических фрагментов. СПб.: Juolukka, 2011).

дреем (не понятно, зачем) мы поступили в лито «Дерзание» при Дворце пионеров. *Занятия* вела Наталья Иосифовна Грудинина, а «ударной группой» были Вензель, Топоров, Гурвич (впоследствии превратившийся в «Мьяснова»), Беляк (Тиль), Марк Мазья и Владимир Волькенштейн (Алеников). Там мы познакомились с Романом Белоусовым и Тамарой Козловой (впоследствии Буковской, а тогда предпочитавшей называться m-me Грицацуевой). К весне 1964 года мы с Андреем полюбили там и сям читать стихи на публике, и (вероятно, за это) Грудинина попросила нас покинуть «Дерзание».

На лето 1964 меня пристроили по блату в пионерский лагерь в Лисьем Носу, где я жил как переросток отдельно на «директорской» веранде и упражнялся на взятой напрокат пишущей машинке. Именно там я изобрёл своё нынешнее литературное имя; это произошло 20 июля. Псевдоним был образован по аллитерации с моим именем, а также был навеян городком Арлем («Кафе в Арле») и, наверное, новеллой Мопассана «Орля». Время от времени меня навещали друзья из города. Часто наезжал Роман Белоусов, и я издал первый сборник его стихотворений под названием «Конец начала»[2]. Однажды вместо Романа приехал Саша Прокофьев, который познакомил меня со своим одноклассником Дмитрием Борисовичем Макриновым. О том, как именно произошло это знакомство, я написал в рассказе «Писатель у себя дома».

Когда в середине августа я вернулся в город, меня ждал приятный сюрприз: Андрей Гайворонский набрёл на кафетерий (собственно, «кулинарию» от Елисеевского магазина) на Малой Садовой, которая почти сразу стала для меня вторым домом. Изначально «литературную часть» её завсегдатаев представляли старшие, среди которых необходимо назвать Михаила Юппа, Александра Чурилина и Виктора Хейфа[3]. В августе же на Малой Садовой появился Коля (Николай Иванович) Николаев, одноклассник Романа Белоусова, а в сентябре 1964 года я совершенно неожиданно познакомился в

[2] Это была первая изданная мною книжка!

[3] О поэтах Малой Садовой см. статью в литературной энциклопедии: Самиздат Ленинграда. 1950-е–1980-е. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 424-425, а лучше в моей книге С кем вы, мастера той культуры? С. 91-93.

Публичке с Александром Мироновым и привёл его на Малую Садовую (об этом знакомстве написано всё в том же рассказе «Писатель у себя дома»). С некоторыми «постояльцами» Малой Садовой отношения у меня не сложились и остались (если остались) прохладными... Многие старшие справедливо относились ко мне иронически; иронически воспринимали меня и девушки Малой Садовой (эти – несправедливо). Дружил я – тоже непросто – со своими ровесниками (старше на год был Макринов, младше на год Миронов). По-настоящему друзьями долгое время были мы с Николаем Ивановичем Николаевым; вполне дружеские отношения сохранились у нас с Андреем Гайворонским и прозаиком (а тогда – поэтом) Евгением Звягиным. Но вначале мы ходили стайкой: Белоусов – Макринов – Миронов – Николаев – и я (перечисляю не в порядке появления на экране, а в алфавитном порядке). Примыкали к нам Тамара Козлова и Прокофьев. Пробовал меня и Миронова «взять под крыло» Михаил Юпп...[4]

В феврале 1965 года меня представили Леониду Аронзону. С ним мы как-то сразу подружились и даже перешли на «ты»... Я стал постоянно у него бывать и часто приходил к нему вместе с друзьями-малосадовцами; существенно, что я познакомился и с друзьями Аронзона – Александром Альтшулером, Юрием Сорокиным, Леонидом Ентиным и Юрием Галéцким[5]. Лёню Ентина я поначалу побаивался (как младший старшего), но потом от всей души полюбил. Галéцкий, художник и когда-то талантливый литератор, тоже умел произвести впечатление. К апрелю Александр Чурилин предложил собрать альманах «кофейного общества» – «Fioretti», в который по моему предложению дали свои подборки стихотворений Аронзон и Альтшулер (Аронзон всего один или два раза заходил на Малую Садовую, Альтшулер в 1965–1966 годах бывал часто). В альманахе «Fioretti» (машинопись) состоялись первые публикации Гайворонского, Макринова, Миронова, Коли (sic!) Николаева и вашего покорного слуги.

---

[4] О Юппе вспоминает Андрей Гайворонский (*Андрей Гайворонский*. Сладкая музыка вечных стихов. Малая Садовая: Воспоминания. Стихотворения. СПб.: Изд-во им. Н.И.Новикова, 2004).

[5] NB! Художника Юрия Иосифовича Галéцкого (р. 19***4***4) часто путают, к сожалению, с более молодым литератором Юрием Васильевичем Гáлецким (собственно Ушаковым, р. 19***5***4).

В июне 1966 года после некоторого отсутствия в доме Аронзона появился легендарный Алексей Хвостенко, а немного позже его старший друг и соавтор Анри Волохонский. Очень скоро их произведения стали основной продукцией моего машинописного издательства «Польза»[6]. И видел я, что *это* хорошо.

В сентябре 1966 года мы с Макриновым основали движение Хеленуктизм (название *изобретено* мной аналогично первому псевдониму Ильи Зданевича) и написали манифест группы – «Вступительную статейку Хеленуктов». Тогда же в наши ряды вступил Александр Миронов, а зимой на Малой Садовой появился Виктор Немтинов, который тоже был удостоен высокого звания. Хеленуктами стали Алексей Хвостенко и ещё два человека, но они – и, к сожалению, Хвостенко – подчёркнуто Хеленуктических деяний не совершали...[7]

23 ноября я читал, думая для понта туда поступить, в лито Союза писателей. Тогда им руководил Лев Мочалов. На обсуждении меня почти единодушно разгромили. Особенно старались, по свидетельству К.К. Кузьминского, Нина Королёва и Бродский. Королёву я совсем не помню, а Бродского тогда видел первый раз, но запомнил. Между Бродским и Аронзоном разгорелся жаркий спор. Собственно говоря, спор шёл об искусстве вообще, а я и мои стихи были только предлогом.

Важно сказать, что в 1967 году я, увы, поссорился с Аронзоном[8], но познакомился с искусствоведом и автором замечательной прозы Всеволодом Николаевичем Петровым, а в 1968 – с Анатолием Александровым, и стал, можно сказать, профессионально заниматься

---

[6]Однако первой книгой издательства «Польза» был наш с Макриновым совместный сборник (осень 1965. См.: Самиздат Ленинграда. С. 442).

[7]О Хеленуктах см. обширную работу: *Станислав Савицкий*. Хеленукты в театре повседневности // НЛО, № 30 (1998, № 2). С. 210-259. – Несмотря на ряд недостатков (неверно услышанное и/или неверно понятое), всё же приходится признать эту публикацию одной из лучших.

[8]Пишут так: «С конца 1966 г. между ними возникло некоторое расхождение, вызванное "уклонением" ВЭ в сторону А.Хвостенко и А.Волохонского» (*Леонид Аронзон*. Собрание произведений: В 2 т. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. Т. 2. С. 273).

творчеством (то есть рукописями) Хармса[9]. На Малой Садовой я повстречался с Татьяной Никольской, вместе с которой мы позже готовили к печати прозу Конст. Вагинова... Мы были немного знакомы раньше, но лишь с 1969 года я стал постоянно видеться с гениальным художником и прозаиком Элликом (Леоном Леонидовичем) Богдановым. Летом 1969 года я впервые увидел на Малой Садовой К.К. Кузьминского, Петра Чейгина и Бориса Куприянова. Немного раньше – Олега Охапкина, а с Викторами Ширали и Кривулиным мы были знакомы со времён Юппа (то есть в 1964-1965 годы). У Кузьминского бывали почти все питерские и заезжие литераторы и художники, и именно здесь я познакомился и подружился с замечательным писателем А. Ником (т.е. Аксельродом Николаем) и его бывшим коллегой-фотографом Гран Борисом (Кудряковым)...

С концом 1969 года закончился мой «первый», а с января 1970 начался мой «второй том» (но о моих томах далее).

На смену дивным шестидесятым явились *уточнённые* семидесятые, неминуемо перешедшие в мерзостные восьмидесятые. Одновременно «уличная культура» превращалась в «неофициальную культуру», или *вторую* (но не *культуру*, а *действительность*). О том, во что́ всё *вылилось*, написал в своём «Путешествии нигилиста» Василий Кондратьев: «Я даже убеждён, что непреодолимое желание *печататься, как все*, помешало русской "неофициальной культуре" шестидесятых-восьмидесятых годов, – а точнее сказать, тому её передовому отряду, который Владимир Эрль называет *неофициальным неофициальным искусством*, – перейти в следующее десятилетие в качестве реальности, а не сомнительного мифа; хотя тут тоже бывали исключения»[10].

Не менее существенно поминает мою персону и Кузьминский: «...участники того самого литературного процесса, центральной фигурой которого был Эрль. <...> Я их так и делю: на эрлезианцев и бродскианцев. <...> Странно, что мало кто любил Эрля: от его сотоварищей по середине 60-х – слова доброго не дождешься»[11].

---

[9] Позже А.А. Александров подготовил и издал первый на родине представительный однотомник Хармса: Полет в небеса. Л.: Сов. писатель, 1988. – 559 с.

[10] Митин журнал. № 63 (2005). С. 285-286

[11] У Голубой лагуны. Т. 4А, 1983. С. 198 и 200.

Разумеется, всё не так, – в центре я жил (сначала в доме на Пушкинской улице, позже на Коломенской, потом на улице Правды), но центральной фигурой никогда не был; я даже подчеркнул в сведениях о себе, чтобы не было кривотолков: «Буддой не является»[12]. С другой стороны, причины меня не любить были у многих, и вина в том отчасти моя. Детство у меня было сугубо домашним, а от детского сада я был избавлен и время проводил в одиночестве за чтением. Я научился читать рано, может быть, года в три. По крайней мере, уже к шести годам был прочитан двухтомный «Давид Копперфильд»... В результате вырос я воспитанным книгами и очень наивным. Немного позже, в отрочестве, меня поразил рисунок в отрывном календаре: по снегу идут, беседуя, два мужика в тулупах и валенках. Текст беседы был в подписи: «Снежок-то хрустит!» – «Под ним капуста!..» То, что это была сатира на бесхозяйственного председателя колхоза, мне стало ясно многие годы спустя. А *тогда* навсегда запала в душу восхитительно *иная* логика, и я стал инакомыслящим в изначальном, подлинном смысле слова! Моё «традиционное» инакомыслие подкрепил немного позже опять же отрывной календарь с опять же рисунком, – молодой человек стоит с девушкой у окна, а отец девушки сидит в креслах и *хохочет, читая газету*. В подписи приводился диалог молодых людей: «Какой у тебя весёлый отец!» – «Да нет, просто у него зубные протезы не того размера». Разумеется, моё инакомыслие многие чувствовали и негодовали. Иногда негодование принимало вполне ощутимые формы. Счастливым исключением был Василий Кондратьев. Наверное, он тоже был бы недоволен, но для меня был важнее не «вандализм дада и одухотворенность сюрреалистов» (по определению С. Дубина), а «вандализм сюрреалистов и одухотворенность дада»! Хотя я опять забегаю вперёд...

В 1968 году Алексей Хвостенко перебрался в Москву, а в октябре 1970 года погиб Аронзон... Мои труды с Хармсом под руководством Александрова тоже в некотором роде завершились, и я занимался своими и А.Ника сочинениями, а позже прозой Кудрякова. В феврале 1973 года А.Ник уехал к супруге «на ПМЖ» в Прагу, оставив

[12] Там же. С. 200..

мне в наследство свои бумаги и своего двоюродного брата Бориса Ванталова (конструктора)[13].

В 1973 или, может быть, в 1974 году Рита Пуришинская, вдова Леонида Аронзона, пригласила меня в гости, и я снова стал постоянным посетителем дома Аронзона, где несколько лет разбирал и копировал его архив... А в середине 1970-х мы познакомились с Мишей (Михаилом Борисовичем) Мейлахом, который ангажировал меня заниматься *сначала* записными книжками Хармса. (Мейлаху Яков Семёнович Друскин уже доверял рукописи «на вынос», а при Александрове мне приходилось довольствоваться выборочными *негативными* фотоплёнками).

В «промежутках» на моих глазах составлялась «Лепта» (коллективный сборник непубликуемых поэтов)[14], я познакомился с *последним из ОБЭРИУ* – Игорем Бахтеревым, начали выходить журналы «37» и «Часы»[15], уехали Анри Волохонский, Алексей Хвостенко и Леонид Ентин... Летом 1978 Бахтерев познакомил меня с Сергеем Сигеем; в 1979 году начали выходить журналы «Северная почта» и «Транспонанс», а в 1981 и 1985 годах – «Обводный канал» и «Митин журнал»[16]. С «Транспонансом» и «Митиным журналом» я активно сотрудничал.

В сентябре 1977 года я закончил свой роман «Вчера, послезавтра и послезавтра», который писал почти восемь лет, и отдал его в журнал (в то время еще альманах) «Часы». Там он и был с некоторыми потерями опубликован: №№ 8 (1977) и 10 (1978). В 1982 году мы познакомились с Александром Степановым и подготовили обширный сборник (438 страниц машинописи) «Памяти Леонида Аронзона»[17]. В мае (точнее, в апреле) 1986 года мне присудили пре-

---

[13] Второй псевдоним Б.Ванталову (Аксельроду) – *б. констриктор*, превращённый им позже в «Б. Констриктора» и даже «Б.М. Констриктора», предложил ему я для его «авангардных» сочинений. Псевдоним, однако, был позаимствован у Саши Соколова: «кашель трамвайного констриктора» в «Школе для дураков», которую Ванталов брезгливо обругал.

[14] Весна 1975. См.: Самиздат Ленинграда. С. 419-420

[15] См. там же. С. 457- 459 и 463-465

[16] Там же. С. 449-450, 456, 435-436 и 429

[17] Памяти Леонида Аронзона. 1939 – 1970 – 1985 / Сост. А.Степанов, Вл.Эрль. Л., 1985, окт. – Лит. приложение к журн. «Часы».

мию им. Андрея Белого, но ни в коем случае не за творчество, а за текстологию, – «за многолетнее беззаветное служение *тексту* и *автору*... за участие в издании сборника "Памяти Леонида Аронзона"». Собственно, мои стихотворения (кроме журналов «Транспонанс» и «Митиного журнала») публиковались в «серьёзных» (*основательных*) журналах только дважды: С.В. Дедюлиным в «Северной почте» (№ 7, 1780) и К.М. Бутыриным в «Обводном канале» (№ 6, 1984).

В 1985 году (спасибо Елене Шварц) я познакомился с замечательным поэтом Светланой Кековой. Её первую книгу я подготовил ещё в 1991, но издать удалось только в декабре 1995 года.

В конце декабря 1991 года приехал из Парижа почти на год Алексей Хвостенко и познакомил меня с музыкантами великой группы «АукцЫон». Осенью 1992 года я познакомился и подружился с Василием Кондратьевым и Александром Скиданом. Душа рванулась навстречу Васе! (как раньше к Эллику), но 25 сентября 1999 года Кондратьев погиб...

Следующие события происходили уже в следующем, XXI веке.

Добавлю в заключение «внешней» биографии, что в 1995 году я в очередной и, надеюсь, последний раз переехал... А с 2003 по 2006 годы мы вместе с Ильёй Кукуем и Петром Казарновским готовили двухтомное «Собрание произведений» Леонида Аронзона, вышедшее в 2006 году.

2

Теперь о стихах (в основном о стихах). И об этом их *Собрании*.

В целом я всегда числил и определял себя авангардистом, хотя большинство моих сочинений можно считать авангардистскими лишь условно. Но некоторые, наверное, вполне!

Начал я свою творческую жизнь с вызывающего, как мне тогда мнилось, авангардного стихотворения (на самом деле скорее идиотского), но первый год сочинял вполне традиционные и неуклюжие вирши. В них были несомненные отзвуки – наверняка Сологуба и Брюсова (из всё той же хрестоматии) и разных современных авторов из «Дней поэзии». Но *главным* был и остался навсегда Хлебников.

Через год, в день изобретения моего литературного имени (20 июля 1964), я написал первое стихотворение уже *Эрля* – «Озеро снов» (№ 496)[18]. Хотя это стихотворение напоминало Лорку – увы, не в переводе Гелескула, – но всё же, всё же... И почти одновременно в рубрике «Литературные иллюстрации» журнала «Иностранная литература» появилась подборка немецких авангардных поэтов (1964, № 7). Эта подборка, озаглавленная «Лирика "модерн"», произвела на меня, Андрея Гайворонского и Дмитрия Макринова неизгладимое впечатление... Лучшее из моих стихотворений «в этом ключе», я думаю, – № 506.

Дальше было знакомство с Аронзоном и «изобретение» дадаистских (позже мною переименованных в *дадактические*) стихотворений. Такому способу писания стихотворений я обучил Аронзона и Миронова[19], а сам написал целую поэму (или цикл стихотворений?) «Начала» (март 1965, №№ 18-23 и 344-348). Дадактические тексты я сочинял и далее, вплоть до мая 1976 года.

В конце мая мы вместе с Мироновым неожиданно, «с бухты-барахты», смотались в Москву, где посетили Алексея Елисеевича Кручёных и познакомились со смогистами и Юрием Галансковым. После возвращения весь июль я прожил в Сиверской (опять на веранде!), где написал множество коротких стихотворений (см. №№ 358-378). Некоторые я посылал Аронзону, на что получил в ответном письме строгий выговор за вторжение в якобы чужие, то есть только Аронзона, области...[20] Следующий год (с лета 1965 по лето 1966) прошёл «под знаком Аронзона». А в оставшиеся три года до 1970-х самым существенным стал Хеленуктизм, о котором нужно сказать подробнее.

---

[18] Здесь и далее для экономии «места» указываются нумера настоящего Собрания стихотворений.

[19] Ср. публикацию: Леонид Аронзон. «Попытки дадаизма» // Wiener Slawistischer Almanach. Band 62. – München, 2008. S. 287-289– Ср. также признание в мемуаре Миронова (1969): «<Эрль> научил меня писать стихи». – Цит. по: *Н.И. Николаев*. Воспоминания о поэзии Александра Миронова // Новое литературное обозрение, № 101 (2010, № 1). С. 265. Речь шла, разумеется, о «дадаистских» стихотворениях...

[20] Письма, скорее всего, не сохранились. Однако я *приблизительно* помню одну из первых фраз письма Л.А.: «закройся пледом, как фотограф, прежде чем...»

В недавней энциклопедической статье обо мне (её авторы П.Казарновский и Н.Николаев) сказано: «Опыты Хеленуктов в русской традиции находят истоки в творчестве А.К. Толстого, Козьмы Пруткова, Хлебникова, Крученых, обэриутов. Культивируемые Хеленуктами "нелепость", "несуразность" "высвечивали идиотизм бытия". Согласно утверждению самого Э., все результаты его творчества – и самостоятельного, и коллективного – проникнуты духом Хеленуктизма. <...> Поэтика Хеленуктизма направлена на воплощение алогизма не столько вещей, сколько слов, риторических образований и принятых литературных форм. Игровой абсурд и "черный юмор" в произведениях Э. разоблачают претензии обыденного сознания и языка на истинность и достоверность».[21] Всё совершенно верно и для статьи сказано достаточно, но *здесь* имеет смысл кое-что уточнить и дополнить.

Об обэриутах и различиях с ними я уже писал[22]. Добавлю: если у меня можно найти влияния обэриутов, то у Миронова – на мой взгляд – только «смешанных столбцов» Заболоцкого; к Хармсу и тем более Введенскому он остался равнодушен, а у Макринова была скорее «соглашательская» позиция... Любопытно, но мне всегда казалось, что сказанное Николаем Асеевым об обэриутах могло бы быть сказано и о Хеленуктах: «Диапазон их реставраторских тенденций колеблется <...> до полнейшей творческой прострации <...> молодых поэтов <...>, пытавшихся обосновать свой творческий метод на пародированной восстановленности архаических компонентов стиха. <...> они утончились до того, что из поэтов со-

---

[21] Литературный Санкт-Петербург. XX век. Прозаики, Поэты, Драматурги, Переводчики: Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб: Филологический факультет СпбГУ, 2011. Т. 2. С. 589.

[22] См.: «Возможно, читатель увидит в Хеленуктических писаниях отзвуки чинарей и обэриутов, но при этом окажется не совсем прав: дело в том, что Хеленукты, к сожалению, с опозданием смогли ознакомиться с произведениями Хармса и Введенского; доступными к 1966 году стали только "Стихотворения и поэмы" Заболоцкого, вышедшие в большой серии "Библиотеки поэта". Хеленукты, так сказать, во многом "изобретали велосипед", идя более или менее от тех же истоков, что и чинари (обэриуты). С другой стороны, Хеленукты – в отличие от чинарей – были более ориентированы на англо- и немецкоязычный авангард ("новую венскую школу", "лирику модерн", театр абсурда и т.д.). Впрочем, внимательный читатель сам легко обнаружит эти отличия» (С кем вы, мастера той культуры? С. 87).

временников своей эпохи растянулись в тени, передразнивающие какие-то чужие очертания».[23] При этом слова о пародировании и передразнивании всегда вызывали у меня негодование, – такое же, как услышанное в своё время от *падшего* Хеленукта суждение: «в поэзии Ломоносова много Хеленуктического»!.. Конечно, юмор у Хеленуктов отнять нельзя, но это был *особый* юмор, и к списку наших истоков можно добавить Ивана Петровича Мятлева (но без г-жи Курдюковой!), а вместо просто А.К. Толстого и Козьмы Пруткова уточнить: произведения двадцатилетнего А.К. Толстого из писем к Н.В. Адлебергу 1837-1838 годов, «Выдержки из записок моего деда» и отдельные сочинения *Александра* Михайловича Жемчужникова...

В августе 1966 года мы вдвоём с Макриновым задумали вполне теоретическую работу «К вопросу о стихосложении», но написали только тезисы статьи и фрагмент вступления, который с небольшими сокращениями позволю себе здесь привести:

> Не будем говорить о смысле фразы, но будем говорить о смысле слова и словесных соотношениях. <...>
>
> Всякое слово имеет свои тайные недостатки и преимущества, которые не существуют сами по себе, но возникают, будучи носителями поэтической мысли.
>
> Всякое слово в обычном понимании обозначает некоторый предмет. Так, например, узрев на дереве птицу с красной головой и серыми ляжками, тюкающую своим острым носом ствол, вы поймёте: это – дятел. И всё. Более ничего. Но произнесите с остервенением раза два подряд название этой птички!.. Вы почувствуете дрожь и будете безостановочно тюкать: «дятел! дятел! дятел!», чувствуя, что сами становитесь существом в красной велосипедной шапочке и серых подштанниках, имя которому – *дятел*.
>
> Это слово приобретает свой особый смысл, и постепенно вы уже забываете о птице...
>
> <...> Момент безобразия слова <...> намекает на присутствие в слове тайного недуга.

---

[23] *Н.Асеев*. Сегодняшний день советской поэзии. <Речь на поэтической дискуссии ВССП 16 декабря 1931 г.> // Красная новь. 1932. Кн. 2. – Цит. по: *Александр Введенский*. Полное собрание произведений в двух томах. Т. 2. М.: Гилея, 1993. С. 155.

(И из тезисов):

Компрометирование слова. <...> Черновик и вершение цикла. <...> Математический ряд звуков и слов; механическое написание стиха. <...> Стих – показ кукиша.

А в сентябре было изобретено слово Хеленукт. Открою наконец подлинную его «этимологию». Взяв за основу слово *нелепость* и изменив его в довольно неуклюжий вариант, я заменил его буквы на в основном идентичные по написанию буквы латиницы, а затем перевёл латиницу опять в кириллицу, но уже не по написанию, а по «звучанию». При этом исходное слово было записано курсивом, где и (*и*) было ближе u (*и*), латинское c читается и как к, а *л*, не имеющее сходства по написанию в латинице, оставлено всюду «само собою» (без «перевода»). Пришлось также начальную букву писать прописной (не h, а H!), и поэтому, а не из самолюбования (вопреки пошлым соображениям редакторов), слова Хеленукт, Хеленуктизм, Хеленуктический и т.п. *необходимо* писать с заглавной буквы! – Неужели я «опять непрямо отвечал на вопрос»? Добавлю, что, по-моему, наиболее Хеленуктическими были наши совместные сочинения, хотя совместному творчеству я предавался и до названного периода бури и натиска, и несколько раз позже. А также не все наши произведения были Хеленуктическими, – была и *обыкновенная*, я полагаю, лирика... даже гражданская!

С приходом 1970-х годов всё изменилось, и именно о дальнейшем, мне представляется, сказано П.Казарновским и Н.Николаевым: «Присущая Э. сдержанность оказывается следствием тщательно скрытой экстатичности: поэт незаметно балансирует между форможанровой структурой (сонет, рондо, хокку) и смысловой наполненностью или ее имитацией, так что его лиризм обрастает рядом условностей, а серьезность темы сочетается с пониманием Э. подлинного искусства как "священного безумия" <... и> позволяет говорить об Э. как о представителе метафизического абсурда».[24] Характеризуя моё творчество, Илья Кукуй отметил (в частном письме ко мне), что оно «лучше вписывается в европейский абсурдизм, чем русский, и сильно обогащено восточной составляющей», и что ему в моих вещах «особенно ценно "человеческое лицо" эксперимента».

[24] Литературный Санкт-Петербург. XX век... Т. 2. С. 589.

Действительно, однажды я встретил в какой-то книге, – кажется, об индонезийской поэтике – термин «чхая», который означает намёк, недосказанность... И вспомнил, что ещё в конце 1963 или самом начале 1964 года я написал стихотворение с трижды повторяющейся строкой-рефреном – «Несказа́нное во мне». А в 1970-е годы я говорил, что многие мои сочинения писались из чувства протеста. Добавлю наконец, что я себя считаю – пусть и очень поздним – шестидесятником (конечно не в общественно-политическом, но в первую очередь в эстетическом смысле), и это благодаря общению и дружбе с Леонидом Аронзоном, Алексеем Хвостенко и их друзьями... Но достаточно говорить о моих сочинениях, – пусть читатели сами выводят свои выводы.

***

Перехожу непосредственно к своему *Собранию стихотворений*. Но с предысторией (о своих прежних книгах).

Несколько своих книг (небольших) я издал в своём машинописном издательстве «Польза». Большинство из них не сохранилось, по крайней мере у меня... Особенно жалко трёх книг: «Стихотворения и переводы» (1966), «Закон приведения чисел» (1967?) и NB! «Лебединый стан» (1967 или 1968). Вместе с ними оказались утраченными напечатанные в них вполне «хлебниковские» стихотворения «Листья лесных карири...», «Моё любимое число / Вы, 23...» и изданный отдельным изданием трактат «Закон приведения чисел»...

Ещё «Пользой» была издана книга моих прозаических сочинений «Великий Кибеш» (1966–1968?). Более поздних (1968-1969) изданий «Пользы», как я понимаю, уже не было...

Далее я подготавливал и издавал уже более солидные книги, и первым таким изданием стала итоговая книга стихотворений (1964–1969) Александра Миронова – *А. Миронов*. Ἐποχή. Л., 1970 (без указания издательства). А первой книгой издательства «Палата Мер и Весов» стала моя книга «Эмали и камеи: Первая книга стихотворений» (Мга, 1971)[25]. Книги Миронова и моя были изданы на бумаге формата А4 (книга Миронова на *двойных* листах). Сле-

[25] Хотя в Самиздате Ленинграда (с. 442) годами жизни «Пользы» названы 1965–70, «Палаты Мер и Весов» 1970–80-е, а первым изданием «Палаты Мер и Весов» названа «первая книга стихотворений А.Миронова», однако *факты – упрямая вещь!*

дующие мои книги «Вторая книга» и «Фимиамы» (обе – Мга: Палата Мер и Весов, 1971) были уже в привычном половинном формате. Как видим, все три мои книги носили (вслед за «Лебединым станом») знакомые «чужие» названия... Строго говоря, «Вторая книга» и «Фимиамы» не изданы, а точнее – не доизданы: во «Вторую книгу» должны были войти дополнением мои рассказы, которые я поленился перепечатывать и разодрал свой экземпляр «Великого Кибеша», а книга «Фимиамы» была своеобразной шуткой в двух частях: «Список опубликованных (неопубликованных?) произведений Владимира Эрля» и «Ненаписанные произведения» (названия привожу по памяти, неуверенно и приблизительно). В первой части перечислялись всем известные (и не очень) русские и переводные произведения, а вторая часть должна была состоять из изрядного количества пустых (но с пагинацией) страниц. Разумеется, страницы второй части отпечатаны не были, и их заменял сложенный лист с намеченной внутри пагинацией, – «1...» (слева) и, например, «...354» (справа).

В 1974 году я составил первый вариант своей лучшей книги «Трава, Трава» (позже, в 1989 году, переработанной), а через два года планировал новое издание своих трёх книг, но распечатал только, так сказать, корректуру: Собрание стихов: книги 1–2–3 (1963-1969). Рыбинск[26], 1976. Предполагаю, что «Эмали и камеи» были немного (*немного*!) изменены, а «Вторая книга» и «Фимиамы» остались «всё в той же позицьи». А *изданы* были только повесть «В поисках за утраченным Хейфом» (Шушары: Палата Мер и Весов, 1976), «Избранные стихотворения» (между 1975 и 1978?) и позже «Кнега Кинга и другие стихотворения» ([Л.; Ейск]: «Транспонанс»/ Тапир, 1981)...

Наконец, осенью 1983 года я составил и следующей осенью доработал своё двухтомное *Собрание произведени*й. Первый том составляли сочинения 1964-1969 годов, а второй – 1970-1979. Выше, в первой части послесловия, я написал: «С концом 1969 года закончился мой “первый”, а с января 1970 начался мой “второй том”», –

[26] Я ошибочно думал, что Рыбинск был полностью затоплен Рыбинским водохранилищем и, таким образом, превратился в новый Китеж!

что мне напоминало о делении Блоком своей лирики на три книги.[27] Но о продолжении (третьем томе) я даже не помышлял! Первый том я напечатал (Собрание произведений <в двух томах>. Том первый: Книга Тапир. – Арзамас, 1986); затем он был издан литературным приложением к «Митиному журналу» (Л., 1987)[28]. Первый том открывался предуведомлением:

> В первые два тома Собрания вошли различные сочинения, написанные до лета 1981 года. Последующие тома последуют в своё время.
>
> Автор предлагает считать это Собрание – полным.

Второй же том – «Книга Трава» – был лишь частично отпечатан и остался неизданным.

Оба тома были составлены по жанрово-хронологическому принципу и состояли из разделов «Стихотворения и поэмы», «Драмагедии», «Проза» и «Приложения». Во втором томе разделов «Драмагедии» и «Проза» не было: единственное драматическое произведение (№ 194) было помещено в «Приложениях», а разнообразную прозу первого тома заменил роман «Вчера, послезавтра и послезавтра». Разумеется, в двухтомник ряд сочинений 1963-1979 годов не вошёл, даже опубликованных в машинописных и зарубежных изданиях. Хотя в двухтомник включено 364 или 365 сочинений, не вошедших и не изданных осталось, предполагаю, как минимум вдвое (если не втрое?!) больше...

Прошу меня не осуждать и не сравнивать с графом Хвостовым (которого я бесконечно ценю), но осенью 1984 года я составил и дважды, в 1998 и 2002, перерабатывал дополнительный том (а точнее – полутом) к своему двухтомнику – «Собрание произведений. Том 1/2. Часть вторая: Произведения, не включенные автором в основное собрание (1963–1981)». В этот дополнительный том во-

---

[27] См.: *Ю. К. Герасимов*. История издания лирической трилогии А. Блока. <Преамбула к Комментариям> // *Александр Блок*. Стихотворения: В 3 кн. СПб.: Северо-Запад, 1994. Кн. 1. С. 349.

[28] На издание 1987 года Н.И. Николаев написал рецензию «Владимир Эрль – поэт и литератор», и отдал её Дмитрию Волчеку для его «Митиного журнала», попросив опубликовать её с подписью *Н.Н.*, но Волчек решил не печатать рецензию в своём журнале и, по его уверению, опубликовал её в журнале С.И. Григорьянца «Гласность», с которым в 1988 году сотрудничал...

шло 229 сочинений и состоял он из разделов «Стихотворения и поэмы (1965–1979)», «Неоконченное», «Драмагедии», «Проза» и «Приложения». Разумеется, составлен он был только для личного, «домашнего» пользования...

Следующие девять лет я своих книжек не изготавливал. А летом 1993 года вышла моя первая типографская, то есть вплне официальная книга – «Хеленуктизм (Книга Хеленуктизм): Стихи, драмагедии, полемика» (СПб.: Призма-15, 1993). Эта книга состояла в основном из коллективных сочинений 1965-1992 годов плюс небольшого количества собственных произведений моих соавторов[29]. Все сочинения Книги, независимо от жанра, хронологии и *авторства*, были расположены в строгом алфавитном порядке – по названию или первой строке. Одно стихотворение (№ 107) было вынесено на титул, а два теоретических текста (№№ 535 и 536) помещены в «Приложения». Заднюю страницу обложки украшал № 537.

В декабре 1995 года одновременно с книгой Светланы Кековой вышла моя вторая книга – «Трава, Трава: Стихотворения Владимира Эрля» (СПб.: Новый город, 1995). Эта книга избранного отчасти повторяла структуру моего машинописного двухтомника и состояла из разделов «Из книги ТАПИР (1965–1969)» «Тапир умирает в траве», «Из книги ТРАВА (1970–1978)», «Из книги АЛФАВИТ (1973–1979)» и «Дополнений». В раздел «Тапир умирает в траве» вошли четыре поэмы[30], а «Дополнения» состоят из двух очерков (или стихотворений в прозе, №№ 259-260) и пяти ранних, то есть 1964-1965 годов, стихотворений. К сожалению, практически весь тираж книги «Трава, Трава» кроме двух или трёх пачек (ста с небольшим экземпляров?) был уничтожен «стараниями» её издателя – Виктора Немтинова...

Наконец, с небольшим опозданием (в феврале 2000 года) вышла моя прозаическая книга – «В поисках за утраченным Хейфом: хорошо ирфаерированный тапир» (СПб.: «Митин журнал», 19999). В книге после заглавной повести было напечатано и другое моё кромешное сочинение – «правла устрств безпасн эксутации грудъ-

---

[29] К соавторам – ВНЕ [Немтинову], Дм.М. [Макринову] и Александру Миронову – был прибавлен наш общий друг А.Ник.

[30] NB! Поэмами я считаю восьмистишие «Рондо» (№ 12) и более короткое произведение – № 102.

ёмных крав», входившее в «Приложения» ко второму тому моего двухтомника.

С конца 1990-х по 2000-е годы весь мой архив поступил (и продолжает поступать) в Бремен[31]. Себе я оставляю только некоторые копии машинописей для текущей или предполагаемой работы и новые свои сочинения.

Мне очень приятно, что первой книгой открывшегося в 2009 году небольшого петербургского российско-финского издательства Juolukka[32] стала моя «Кнега Кинга и другие стихотворения» (СПб.: Juolukka, 2009; июнь). Там же вышли мои книги «С кем вы, мастера той культуры? Книга эстетических фрагментов» (СПб., 2011; май) и «*Виктор Р*. Вчера, послезавтра и послезавтра: Параллельные тексты» (СПб., 2012; сентябрь). Именно для Юолукки по предложению её Генерального директора Олега Николаевича Дмитриева я подготовил своё *Собрание стихотворений* (тяготеющее к полноте).

В основу настоящего *Собрание стихотворений* положен опять же мой двухтомник 1983-1984 годов, но *тома* первый и второй стали *частями* первой и второй. Проза первого тома – «Рассказы и повести», «К вопросу о Хеленуктизме» и два «Приложения» (1 и 3) – целиком вошла в книгу «С кем вы, мастера той культуры?..», а повесть «В поисках за утраченным Хейфом» вместе с текстом из «Приложения» второго тома изданы отдельным изданием, о чём уже сказано. Раздел «Драмагедии» первого тома перенесён в подраздел «Стихотворения, драмагедии и поэмы. 1967–1969». Целиком воспроизводимая в первом томе как *Книга внутри книги* «Кнега Кинга и другие стихотворения» так же воспроизводится и здесь. Раздел «Не-Тапир (Ранние стихотворения и переводы)» из «Приложений» первого тома перенесён в дополнения к *Собранию стихотворений*. Таким образом сюда вошли все сочинения в стихах и прозаические драмагедии первого тома; исключена лишь «неудобная к печати» комическая драмагедия в прозе, давшая название первой книге издательства «Польза» (см. сноску 6).

---

[31] Точнее в Исторический архив Исследовательского Центра Восточной Европы при Бременском университете.

[32] «Юолукка» в переводе с финского значит «голубика».

Второй том также почти полностью вошёл в часть вторую настоящего *Собрание стихотворений* – кроме моей «Miscellanea earliana», напечатанной в книге «С кем вы, мастера той культуры?..», и, разумеется, романа. Прозаическая *поэма для зрительного зала* «Люксембург» (№ 194) перенесена из «Приложений» в основной корпус. На мой взгляд, «Алфавит» (№№ 195-258) второй части можно считать не просто разделом, а и *Книгой внутри книги*...

Третья, самая небольшая часть, – «*Новых стихотворений* часть третья» (1981-2012) публикуется практически вся впервые, кроме полутора десятков стихотворений и напечатанного с сокращениями раздела «Мелочи жизни, или На рубеже веков». Названный раздел также при желании можно считать *Книгой* (скорее, впрочем, *брошюркой*) *внутри книги*. – Пожалуйста!

После трёх частей основного собрания (или, если угодно, «лирической трилогии») следуют ещё две *части*: «Произведения, не включенные в основное собрание (1964–1979)» и «Кое-какие дополнения».

«Произведения, не включенные в основное собрание» пересмотрены: вместо первоначальных пяти разделов их стало всего два; общее количество *не включенных* сочинений также значительно сократилось – из 229 осталось всего 120. С «Кое-какими дополнениями» всё ясно без пояснений, добавлю лишь, что четыре стихотворения раздела «Из самых первых опытов» («*до-эрлевского*» периода) добавлены из исторических (и мазохистских) соображений, тем более, что о своём первом стихотворении (№ 520) я писал в самом начале этого послесловия...

Итак, в предлагаемом, вполне итоговом *Собрании стихотворений (тяготеющим к полноте)* представлены 537 сочинений, написанных почти за пятьдесят лет – с марта 1963 по август 2012 года. В это *Собрание* вошли все стихотворения, опубликованные в моих книгах «Хеленуктизм (Книга Хеленуктизм)», «Трава, Трава», машинописном двухтомнике и разных (в том числе и «самиздатских») изданиях. Около ста произведений публикуется *впервые*. – Льщу себя надеждою, что я не заслужил звания «поэта-бухгалтера». И «прозаика-бухгалтера» тоже!

В заключение одно замечание. Внимательный читатель заметит, что шесть глав из *дадактической* поэмы «Начала» включены в часть первую *Собрании стихотворений* (№№ 18-23), а пять (№№ 344-348) добавлены в «Произведения, не включенные в основное собрание»; аналогично произошло с циклом «Часы» (№№ 24-32 и 392-393), а четверостишие «Скиталь» печатается дважды – сначала как отдельное четверостишие (№ 7), потом как заключительная строфа одноимённой поэмы (№ 383). Но такова моя авторская воля!

Выражаю сердечную благодарность за помощь и ценные советы Илье Кукую (Мюнхен), Елене Мараренко-Мороз (Киев), Татьяне Резвых (Беклемишево), Анне Резниченко (Москва) и Игорю Сатановскому (Нью-Йорк).

Некоторые нераскрытые цитаты так и остались нераскрытыми.

Владимир Эрль

Алфавитный указатель произведений

А.Введенский (птица). 242
автограф («дифирамбом дымилось тревожное облако...». – начала, 6). 22
«а дальше останавливаясь...» (Полудиалог). 219
А.Е. Крученых к 80-летнему юбилею («К восьми/десятилетию...»). 328
«а за окном деревья из-под снега...». 285
«... алексией аграфию сменяя...». 276
«А мне... Что сказать мне в своё оправданье?..». 384
«а на шаре земном...» (Отрывок). 368
Андре Шенье («стенают вечные дома...»). 27
«Античёрные...». 400
«Апельсин...» (◯ . – *ансельм холло*). 417
«А почему бы нам и не побредить?». 213
«а теперь медленно случившийся табор...» (Угол зрения соотносящийся к левому глазу Виктора Немтинова). 334
«Ах, Боже мой! Какая нежить...» (Отрывок). 363

Баллада из Уланда («Небогатый гордый рыцать...»). 144
Баллада испанского трамвая («Крамольные вычегды вышних локтей...»). 113
«Бдит народ, сминая ветки...» (В Ереван!). 151
«Безумен облик мой и нрав мой безудержен...». 181
Бемби («ласковый ветер далёкого леса...». – Часы, 3). 24
«благодари зазА свой...» (Из Ходасевича, I). 248
«Благоухали пушки за углом...». 196
«боги не мучайте брошенной силой...» (начала, 3). 21
«Большие воды...» (Хокку). 19
«– Будь готов...». 278
«будь рядом со мной...» (*Галина Посвятовская*. Из сборника «День сегодняшний»). 293
Булка. *Драматический фарс*. 124
Быстрое созерцание («Спешка. Удары гонга...»). 418

«В белом венчике из роз...». 280
«В бюстгальтере на босу ногу...» (*Из книги* «*Стихи о Прекрасной Даме*»). 260

«Ввиду кавказского Эльбруса...». 133
«...В гастрономе – поллитра, на улице – руки в карманы засунешь...» (Поэма, которую можно назвать дневником, но лучше никак не называть, I). 283
«в глубине ладони взгляд...». 405
«В городском суде играет...». 251
«Вдали от шумной суеты...». 361
«В детском платьице Кузьминский...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 263
«Вдоль пепельниц вокзалов захолустных...» (Встреча у Сервантеса). 119
«Вельми высок и носом крепко статен...» (Стихи к Имяреку). 164
В Ереван! («Бдит народ, сминая ветки...»). 151
«Верхом карабкаясь, седок...» (Две вирши для Хвостенко, 1). 35
Вершина Хвостенко. *Поэма к 26-летнему юбилею*. 39
«Ветер поднялся. Так что же, что ветер...» (Отрывок). 229
«взорвал взывающее блюдо...» (начала, 4). 21
«видел ли ты что...» (*Хокку*, <1>). 368
«висели рядом рыба и карниз...» (Часы, 5). 25
«Висят слова, прорвавшие зеницы...» (Песнь героев). 38
«В конце концов Бог...» (Р.П.: *как письмо*). 230
«влечёт иноязычье облака...». 221
В меру даденная подзатыльница, или же Торжество Добродетели. *Драматическая пословица* («Румяное солнце взошло из небес...»). 137
«внизу вершина светит...» ([Начала], XIX). 289
«В ноль часов ноль-ноль минут...» (Пророчество). 278
Вова: *Роман в стихах*. 105
Воззвание к душе отважного П.С. («Лысеет мир. На пахоте картины...»). 139
«Возьму с собой в дорогу...». 381
Война («Ландшафты безумного стойбища – краски...»). 335
«В окне палка, как лапенков...» (Два перевертня, <1>). 250
Вольные стихи («Вот – изолятор последних дверей...»). 336
Ворона, голубь и капитан («Над крышей каркает ворона...»). 182
Воспоминание («закат над памятью взлетевший». – [Из цикла «Часы», 1]). 323
Воспоминание («корона рыб...»). 247
Воспоминание о женитьбе Н.Н. («Со страшной скалкою в руке...»). 257
Воспоминание отрочества (*Мелочи из запаса моей памяти*). 267
Воспоминание юности [«Подвиг ленинградцев»] (*Мелочи из запаса моей памяти*). 267
«Вот – изолятор последних дверей...» (Вольные стихи). 336
«Вот кладбище я вновь посетил...» (Старое кладбище. – Три романса, 1). 30
«вот моя работа...». 367

«Вот, насравши на подушку...». 271
«вот сидит на крыше царь...» (Четыре стихотворения на особый распев, 2). 249
«Впереди позади...» (Двенадцатый сонет: *Двенадцатая ночь*). 218
«вперёдсвистеть...» (свистеть. – *франц мон*). 415
«Все мы станем подлецами и подонками...» (Четверостишие). 402
«Всё чуждо нам, весь мир чужбина...». 253
«В сиденье шарф...» (Наташа Ростова...). 222
«Всмотритесь – иногда насупленное облако...» (Пятерица неверным). 254
«В стакане чая ложечка плывёт...» (Две вирши для Хвостенко, 1). 35
«Встают и уходят...». 155
«Встреча на трамвайной остановке...». 395
Встреча у Сервантеса («Вдоль пепельниц вокзалов захолустных...»). 119
Вступительная статейка Хеленуктов. 427
«в тисках редиски...». 248
«Входим и смотрим...». 379
«...Вы ничего не понимаете...» (Последняя глава. – Поэма, которую можно назвать дневником, но лучше никак не называть, XIII). 284
«Вы помните, младые помидоры?..». 276
«вытерев пыль на морду поганца положим птенца...» (Стихи под другим эпиграфом... – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 5). 53
«Выходит мудрый таракан...» (Тост. – *Заметки о незабвенном ККК*). 262
Выяснение возможностей («Скользит неуловимый мир...»). 346
«вьются мухи...» (Четыре стихотворения на особый распев, 1). 249
«Вяло (ох, вяло!) хвостом шевелит белобрюхий Кузьминский...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 262

Галина Посвятовская. Из сборника «День сегодняшний». 291
Ганымэд («Твой шпрыц орлыный крючковат...»). 215
«Где были белые снега...» (*Из Сиверской тетради*). 302
«Где были сумраки горбаты...». 8
«Где Гатчина...» (*Из Сиверской тетради*). 302
«Где мысль вилась ночною бабочкой...». 341
«Где небо, видевшее сны...» (*Из Сиверской тетради*). 305
«Где Хвостенко не валялся...» *(Про то, как собирали Хвостенко*. – Вершина Хвостенко, 2*)*. 40
«Где щели звёзд – дощатый сумрак...» (*Из Сиверской тетради*). 303
«г:иль...» (*Другие стихотворения* [*Кнега Кинга*]). 104
«годы огненных труб...» (Часы, 1). 24

Голкипер. *Мистерия*. 127
«Головастик превосходный...». 338
«Головной уставший мозг...». 261
«голубь...» (*Другие стихотворения* [*Книга Кинга*]). 99
«Город город город...». 365
«Город спит. Я иду переулком и смотрю на пустые глазницы...» (Ночь). 419
«Грибные заросли столетий...». 343
«гугеноту гугенот...». 395

Д.54 («двигал ствОже Оньлый...»). 226
Д.64 («мост спит в китайской тишине...»). 370
«– Далеко, далеко ты ушёл, богэтэр!..» (К портрету). 220
Два отрывка из письма к ***. 382
Два перевертня. 250
Две вирши для Хвостенко («Верхом карабкаясь, седок...»). 35
Двенадцатый сонет: *Двенадцатая ночь* («Впереди позади...»). 218
«двери чугунные плиты...». 411
«Дверь моей комнаты...» («*Записная книжка*»). 426
«двигал ствОже Оньлый...» (д.54). 226
«Двухметровый мужчина...» (Стансы). 355
«делиться войлоком ноября...» (клише. – [Начала], II). 287
«Державный стяг владений хладнокровных...» (Послание к А.М.). 342
«Дети в траве. Собирая цветы...» (*Из Сиверской тетради*). 301
«дифирамбом дымилось тревожное облако...» (автограф. – начала, 6). 22
«Дичась событий старины...». 48
Для Августы, или Прощение Музы. 201
«дождь умирал на плечах у войны» (1914. – начала, 1). 20
Дополнение (Из книги «Алфавит»). 240
Дополнение. P.S. («*Записная книжка*»). 426
«Достойны удивленья...» (Колыбельная по средам). 166
Друг: *Песня* («Шёл Василий, шёл Василий...»). 353
Другие стихотворения [*Книга Кинга*]. 97
Дым («посмотри на небо...»). 390
«Дым качается сосновый...». 357

«Европа! Я ль в твоём окне...» (Похищение Европы). 193
«Ежегодичный, ежедневный...». 18
«есаульский мученик...» (Часы, 6). 25

«если...» (Отношение к современнику. – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 2). 51
«Если опуститься вниз...». 362

«железный день невинных леших...» (начала, 5). 22
«железный патентованный каркас...» (Стихи под эпиграфом... – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 4). 52
«Жили у бабуси...». 279

«закат над памятью взлетевший» (Воспоминание. – [Из цикла «Часы», 1]). 323
«замерли звуков объёмы...». 393
«Заметки на полях, комментарии на цитаты...». 394
Заметки о незабвенном ККК. 262
«*Записная книжка*» (Разные записи). 422
«Затеял Кузьминский метанье икры...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 265
«Зачем ненужной болтовни упругость...». 360
«Зачем штудьозус Иоганн...». 340
«Звучит меридиан полночный...». 367
«звучит фагот...». 392
«здесь ли, сюда ли...». 393
«Здесь лось прошёл, задев кору ольхи губами...». 6
«Здоровенная птичка гуляет в лесу...» (*Из книги* «*Стихи о Прекрасной Даме*»). 259
«Знавал я кошку "Николай Иваныч"...». 180
«– зуб? ...» (Четыре стихотворения на особый распев, 3). 249

«...И белоснежные колонны...» (Похороны Артемия). 14
«И видя эспадрона раны...». 312
«Играют волны, ветер свищет...». 273
«...и если не споткнёмся по дороге...». 168
«извивалось весло...» (Триптих, 1). 23
«Из горьких воздухóв и трав...». 180
«Из девичьей пасти пусть слышится крик...» (Искреннейшее пожелание). 256
Из книги «Алфавит». 236
Из книги «*Стихи о Прекрасной Даме*». 259
«Излучины изгойных рек...» (Сонет к художнику). 329

Из народной песни [*Вольный перевод с испанского*] («О кукарача, о кукарача!..»). 255
«Из плеч явилась голова...» (Олимпийский Бергамот. – Вершина Хвостенко, 1). 39
«Из прямой кишки верблюда...». 338
Из Сиверской тетради. 301
«из темноты...». 409
Из Ходасевича («благодари зазА свой...». 248
[Из цикла «Часы»]. 323
«...иной...». 252
«И продолжением полночного размера...». 319
«И рифмовал могилу с глиной...». 392
Искреннейшее пожелание («Из девичьей пасти пусть слышится крик...»). 256
«И снова царство паровозное...» (*Из Сиверской тетради*). 306
(*Исса* – «Ох, как медленно...»). 253
«Итак, вокруг текла река...» (Рассуждения о Том и о Сём. – Вершина Хвостенко, 7). 45
«Итак, послание на юг...» (Рондо). 46
«И там, где...» (Светопреставление). 297
«...И тень твоя, с моей мешаясь...». 188
«И тиною болотной...». 321
«и ты как открытая книга...». 395
«(и ты проходишь по мосту...». 394
«И ты со стоном...» (*Из Сиверской тетради*). 305
«И фамильярная байдарка...» (Скиталь. *Отрывки*). 313
Ифигения в Тавриде. *Монолог* («Рыцарь дерзкий и могучий...»). 175
«И я когда-то был млекопитающим...» (Элегия). 261
«...и я котлетами – да, да! ...». 269

«...Каждую секунду в человеке – новая вода...». 364
«Казённые казнённые висели...». 9
«Как город гладить по щеке...». 325
«Как Катулл – через два интервала...». 395
«Как кур во щи...». 354
«Как лиственно небо!..» (*Из Сиверской тетради*). 304
«Как нам сказал один имам...». 257
Какой был Хвостенко («1) Мёртвый...». – Вершина Хвостенко, 3). 42
«Как радостно! как весело журча...» (***, III. – *Заметки о незабвенном ККК*). 265
«Как тяжело под знаменем...». 320

«Как тяжело предвидеть буквы...». 17
«Как шмель над лепестком цветка...» (*Из Сиверской тетради*). 302
«Как я лежу и как я паук...». 396
Канон («прислушайся...». – *Для Августы, или Прощение Музы*). 204
Карп. *Драматические действия в лицах*. 125
«Катон! замучишь повторением...» (*Из Сиверской тетради*). 304
[К вопросу о стихосложении]. 443
«К восьми/десятилетию...» (А.Е. Крученых к 80-летнему юбилею). 328
К выходу 1-го выпуска «Альманаха Могучей Кучки». 429
клише («делиться войлоком ноября...». – [Начала], II). 287
Кнега Кинга. 59
«Коварная вера трав...». 406
«Когда люди имеют мнения, они обмениваются ими...». 406
«Когда на созерцание вещей...». 384
«Когда немолчные качели...» (Сонет к скучанию). 326
«Когда он прочь бежал, роняя помидоры...». 272
«Когда я, чей-то взгляд поймав...». 324
«колёса подземные...» (Продолжение бесед, 1. – *Для Августы, или Прощение Музы*). 201
«Колонны и шпиль. И опять колонны...» (Малая Садовая). 421
Колыбельная по средам («Достойны удивленья...»). 166
«конец языческой природы...» ([Начала], XII). 288
Конотополь: *Историческая трагикомедия* («Хурма уже созрела...»). 114
«Конь усопший виден вдали...». 210
«корень в стене стволистого круга...» ([Из цикла «Часы», 2]). 323
«корона рыб...» (Воспоминание). 247
Косноязычьем горд... («Косноязычьем горд...»). 161
«Кошка-сын к Отцу пришёл...». 273
К Пользе («Нет пользы рассуждать, Державин...»). 327
К портрету («– Далеко, далеко ты ушёл, богэтэр!..»). 220
«Крамольные вычегды вышних локтей...» (Баллада испанского трамвая). 113
«Красивых мерзостей вагон...». 337
«Красные крыши...». 275
«Кроме». 340
«Крошатся медленно зубы...». 377
К СП («– Прапорщик, прапорщик, в фартуке белом...»). 194
«Кто видел корову, идущую смело...». 380
«Кузьминский виден в амбразуре...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 264
«Кузьминский, вялою рукою...» (***, II. – *Заметки о незабвенном ККК*). 265
«Кузьминский, лёжа под столом...» (***, I. – *Заметки о незабвенном ККК*). 265

«курлычет Червь и верещит, и бьётся». 385

Лалилель («Под льдами лимонадных оперений...»). 7
«Ландшафты безумного стойбища – краски...» (Война). 336
«Лапы леса навстречу...». 296
«ласковый ветер далёкого леса...» (Бемби. – Часы, 3). 24
«Ласковый всплеск... Жёлтый песок...». 294
«Лежит Даная...». 250
«Лежит моя подушка...». 278
«Листы седые, с паутиной...» (Мадригал). 311
«лица краской прорастали...» (Триптих, 2). 23
«Лысеет мир. На пахоте картины...» (Воззвание к душе отважного П.С.). 139
«Любезный! Это ничего...». 211
Люксембург. *Поэма для зрительного зала*. 231

Мадригал («Листы седые, с паутиной...»). 311
Малая Садовая («Колонны и шпиль. И опять колонны...»). 421
«Маленький серенький зайчик...» (Три романса, 3). 31
Мелочи жизни, или На рубеже веков. 256
Мелочи из запаса моей памяти. 267
Методическое метричество. 372
«1) Мёртвый...» (Какой был Хвостенко. – Вершина Хвостенко, 3). 42
«Мне нравится мужчина...». 145
«Мне снились ночью водяные жуки...». 392
«Моё безжизненно лицо...». 393
«Мой глаз консервы укрощает...». 116
«Мой угловатый стих, приправленный осокой...» (Посвящение). 5
«москва уж не видна...». 227
«мост спит в китайской тишине...» (Д.64). 370
Моя революция. *Эпос* («Над опустевшею рекой...»). 307
«Мы всё позабыли – и звук, и цвет...». 392
«Мы входим в лес...». 286
«Мы говорили друг с другом молча...» («*Записная книжка*»). 425
«Мы ждём свечей переворот...» (Пролог под эпиграфом...). 134

«На берегу Финляндского вокзала...» (Тронка). 118
«На брегу пустынных птиц...». 153

«На волю леса тень отдав...» (Неоконченный мадригал для Р.П.). 37
На встречу в Сочи предводителей трёх народов («Путин, Шрёдер и Ширак...»). 258
«Навстречу мне, – хороший, дружелюбный...». 160
«На газоне свежевскопанном...». 195
«надежда продолжает...» (Палинодия). 199
«На деревьях и дорогах...». 403
«На диком бреге Иртыша...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 266
«Над крышей каркает ворона...» (Ворона, голубь и капитан). 182
«Над миром вьётся красный флаг...». 270
«Над окопами летал...». 272
«Над опустевшею рекой...» (Моя революция: *Эпос*). 307
«над фонтаном...». 410
«На звёзды ночью – каждая блестит...» (Память. Читая Л.А.). 192
«Накатило волной – и опят, и опять: да, – – отливом...» (Покой). 189
«На крышах вдоль Обводного канала...» (Стихи, предшествующие путешествию на юг). 159
«на несколько минут...». 389
«Напрягая задни ноги...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 263
«на рассвете...» (Продолжение бесед, 3. – *Для Августы, или Прощение Музы*). 203
«На Семёновском плацу...». 279
«Настольный сириус плясал...» (*Из Сиверской тетради*). 306
Наташа Ростова... («В сиденье шарф...»). 222
«На той Березине...» (Цезарь на Буцефале. – 1. Увертюра). 169
«На траве оставались следы...» (Октябрь). 11
начала (1-6). 20
[Начала]. 287
Нашествие Таракана (*Другие стихотворения* [*Кнега Кинга*]). 100
«На щёки выгнав лёгкий глянец...». 384
«Небогатый гордый рыцарь...» (Баллада из Уланда). 144
«Небрежно обронив "прощай"...» (Скиталь). 10
«Недвижен сад, плывущий в облаках...». 36
«Не дождавшись солнечных лучей...». 385
«Не знаю, на самом ли деле...». 160
«Не мни, Немтинов...». 366
Неоконченный мадригал для Р.П. («На волю леса тень отдав...»). 37
«Не очень словам доверять – невозможно...» (Слово, слова). 191
«Не пишите на манишках...» (Рукоять бенефического рукоделия. *Телевизионная пьеса*). 177

«Не постигая посвящения...» (*Из Сиверской тетради*). 303
«Неприятность у нашего друга...». 256
«Не тли, Немтинов...». 366
«Нет, не апрель, а только гость случайный...». 214
«Нет пользы рассуждать, Державин...» (К Пользе). 357
«Нет! я не Байрон... Я другой...». 128
«Нет! Я не Ирод, не урод...». 270
Неясность («С каждым годом всё меньше людей остаётся...»). 197
«Николаев! о птичка моя!». 367
«"Но всё течёт, и всё меняет...» (Сонет к Фарфору и Деве). 13
Ночной Парад («Человеческих лилий обугленный сад...». – Косноязычьем горд...). 162
Ночь («Город спит. Я иду переулком и смотрю на пустые глазницы...»). 419
ночь («ночь...». – *герхард рюм*). 416
«Ночь. Я читал стихи...». 392

○ («Апельсин...». – *ансельм холло*). 417
«О!..». 186
«обиду передав богине...» (Часы, 2). 24
«Обмакнув в воду перья крыл...». 413
«О Господи! Куда ещё, куда...» (Отрывок). 190
«1 *см* молока...» (Четыре стихотворения на особый распев, 4). 249
«Один – был друг его; другой...». 381
«Один олигофрен...». 371
«Однажды Кузьминский сидел у окна...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 264
«Однажды пылкий ламантин...». 268
«Однажды, скандыбочась вдругорядь...» (Происшествие на скотном дворе некоего князя мызы. *Русская басня*). 49
«Однажды я сидел на стуле...». 251
«Однако же, – сказало существо...». 258
«Одноногий маркиз *дю Лавни*...». 12
Озеро снов («Синий цвет тишины...»). 397
«Окрест обозреваю я пейзаж...» (Случай на охоте. *Филиал*). 122
О, кто же он?.. («Порой во мраке заблужденья...»). 274
Октябрь («На траве оставались следы...»). 11
«О кукарача, о кукарача!..» (Из народной песни). 255
Олимпийский Бергамот («Из плеч явилась голова...». – Вершина Хвостенко, 1). 39
«Они стояли под ослепительным блеском неба...». 394

«Он упал» (Что произошло с Хвостенко, когда он поскользнулся. – Вершина Хвостенко, 4). 44
Онуфрий. *Фрагмент* («Онуфрий за столом сидел...»). 376
«О, парус мой! Зачем, надутый...» [Шарообразность. *Пролог*]. 147
«Орлан пропел. Поодаль из мортиры...». 121
«Осень к нам пришла...» (*Хокку*, <2>). 368
«Осень наступила...». 195
«Остановясь ещё в начале...». 185
От автора. 433
«Открылся шкаф...» (Хвостенко на даче. – Вершина Хвостенко, 6). 44
Отношение к современнику («если...». – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 2). 51
«От прошедшего дня отрекаюсь простым безучастьем...». 174
Отрывок («а на шаре земном...»). 368
Отрывок («Ах, Боже мой! Какая нежить...»). 363
Отрывок («Ветер поднялся. Так что же, что ветер...»). 229
Отрывок («О Господи! Куда ещё, куда...»). 190
«... отсюда начал...» («Nothing's gonna change my words», 1). 216
«Оттолкнув ногой подружку...». 271
«От юных дев...». 279
«Ох, как медленно...» (*Исса*). 253
«О чём мы поведаем миру...». 126

Палинодия («надежда продолжает...»). 199
Памяти Велимира Хлебникова. 1 («Преклони колени...»). 299
Память. Читая Л.А. («На звёзды ночью – каждая блестит...»). 192
«Певец прохладный Геллеспонта...». 129
Пейзаж («Слова сползали с веток языков...»). 332
«Первое апреля...». 18
«Первые пули дули...». 181
«Передо мною книжный шкаф с открытыми дверьми...». 213
«Передо мною луг лежал...» («Nothing's gonna change my words», 2). 217
«Перстом блуждая по губе...». 321
Песнь героев («Висят слова, прорвавшие зеницы...»). 38
«Пионерки собрались в лесу...». 269
«Пир вороний на часах...» (*Из Сиверской тетради*). 302
Письмо («пробуждение...». – *Для Августы, или Прощение Музы*). 208
<Письмо Н.И.Николаеву...> («*Записная книжка*»). 426
Плакат в больнице Скворцова-Степанова («*Записная книжка*»). 425

«Пламя свечи виновато марьяжит...» (Эвридика). 140
«плечистый грех остановился...» (Часы, 7). 26
«плыл по волнам размер стиха...». 369
«Под льдами лимонадных оперений...» (Лалилель). 7
«– По долине звонкой лунной...» (Подражание отражению). 349
Подражание отражению («– По долине звонкой лунной...»). 349
«Покинуть комнатку с оплывшею свечой...» (*Из Сиверской тетради*). 301
Покой («Накатило волной – и опят, и опять: да, – – отливом...»). 189
Полудиалог («а дальше останавливаясь...»). 219
«Полуоткрытое окно...». 245
«"Помнишь ли ты...» (*Из книги «Стихи о Прекрасной Даме»*). 260
«По моим подсчётам...» («*Записная книжка*»). 425
Пора, мой друг, пора («Пора, мой друг, пора, весна уж на дворе...»). 331
«Порой во мраке заблужденья...» (О, кто же он?..). 274
посв. Альтшулеру. 318
Посвящение («Мой угловатый стих, приправленный осокой...»). 5
Посвящение Саше Миронову («уходит в небо просека...»). 295
Послание к А.М. («Державный стяг владений хладнокровных...»). 342
«последние слова...». 393
Последняя глава («...Вы ничего не понимаете...». – Поэма, которую можно назвать дневником, но лучше никак не называть, XIII). 284
«последняя крыша помнит...» (Продолжение бесед, 2. – *Для Августы, или Прощение Музы*). 202
«Послушай, Русь шарообразна, Минин...» (Три сестры). 356
«посмотри на небо...» (Дым). 390
Похищение Европы («Европа! Я ль в твоём окне...»). 193
Похороны Артемия («...И белоснежные колонны...»). 14
Поэма, которую можно назвать дневником, но лучше никак не называть (*Отрывки*). 283
Поэт на лошади («стреножа пылкий нрав субъекта». – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 3). 51
«– Прапорщик, прапорщик, в фартуке белом...» (К СП). 194
«Преграда сна...». 187
«Предисловие (с оговорками...» («*Записная книжка*»). 426
«предстоящий визит...» (Продолжение бесед, 4. – *Для Августы, или Прощение Музы*). 204
[Предуведомление]. 447
«Преклони колени...» (Памяти Велимира Хлебникова. 1). 299
«Прекрасного сада воздушная тень...». 394
«Прелестная дева смотрела в окно...». 252

«претекание *эс ка*...». 246
«прислушайся...» (Канон. – *Для Августы, или Прощение Музы*). 204
«Приходила чёрная коза...». 158
«Пришло письмо из Элисты...». 258
«Пробудилась природа под кустиком...». 377
«пробуждение...» (Письмо. – *Для Августы, или Прощение Музы*). 208
«Провалившись в уборной сквозь доски гнилые...». 8
Продолжение бесед («колёса подземные...». – *Для Августы, или Прощение Музы*). 201
«Проехало орало...». 270
Происшествие на скотном дворе некоего князя мызы. *Русская баснь* («Однажды, скандыбочась вдругорядь...»). 49
Пролог под эпиграфом... («Мы ждём свечей переворот...»). 134
Пророчество («В ноль часов ноль-ноль минут...»). 278
«пророчество жать городских самовластий...» (шестьдесят девять. – начала, 2). 21
«Простить наклонность к славословью...» (*Из Сиверской тетради*). 303
Про то как Айкямач («Проходили англичане...»). 32
Про то, как собирали Хвостенко («Где Хвостенко не валялся...». – Вершина Хвостенко, 2*). 40*
«Проходили англичане...» (Про то как Айкямач). 32
«Проходит праздник, праздник, праздник...». 286
«Прощание затягивается в полночь...». 398
Пусть! *Драматический этюд*. 131
«Пусть остаётся незаконченным» (*Из Сиверской тетради*). 303
«Путин, Шрёдер и Ширак...» (На встречу в Сочи предводителей трёх народов). 258
«Пыль...». 400
Пятерица неверным [*неверная пятерица*] («Всмотритесь – иногда насупленное облако...»). 254
Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей. 50

«Разговор зашёл о водке...». 325
Разговор о выяснении Иванова («Смотри скорей, бежит козёл...»). 141
Размышление («Расширение вен варикозное...»). 272
Разные записи («*Записная книжка*»). 422
«... распадом...». 396

«Расплываясь в основе видимого...» (Сложносоставное предложение, в состав которого входят сложноподчинённые и простые предложения). 399
«расстановкой слов...» (*Галина Посвятовская*. Из сборника «День сегодняшний»). 292
Рассуждения о Том и о Сём («Итак, вокруг текла река...». – Вершина Хвостенко, 7). 45
«Расчертим лист календаря...». 333
«Расширение вен варикозное...» (Размышление). 272
Речитатив и ария («Теки, река!..». – Цезарь на Буцефале, 2). 171
Речь на открытии 17-го памятника первопечатнику Ивану Федотову. 378
«Решёткой медленной гордясь...» (*Из Сиверской тетради*). 305
«Рисуйте мой прилежный гений...». 47
Роман в стихах. <*Оглавление*> («*Записная книжка*»). 422
Рондо («Итак, послание на юг...»). 46
Рондо: *На Альтшулеровы брюки* («Явились брюки посреди стола...»). 15
«Россия, мать её ..и́..» (Сельская идиллия). 311
«роща дышала бобрами...» (Часы, 4). 25
Р.П.: *как письмо* («В конце концов Бог...»). 230
«Ругалась гневная старуха...». 136
Рукоять бенефического рукоделия. *Телевизионная пьеса* («Не пишите на манишках...»). 177
«Румяное солнце взошло из небес...» (В меру даденная подзатыльница, или же Торжество Добродетели. *Драматическая пословица*). 137
«Рыцарь дерзкий и могучий...» (Ифигения в Тавриде. *Монолог*). 175

«Саша Миронов ест сливу...». 339
Светопреставление («И там, где...»). 297
«Свивались реки где, как змеи...» (*Из Сиверской тетради*). 305
свистеть («вперёдсвистеть...». – *франц мон*). 415
«Свобода! птицей реет слово...». 135
«Своё лицо закутав в профиль...». 324
«Сегодня ночью состоялось...». 392
«Сегодня ночью, да, сегодня ночью...». 393
«сейчас...» (Что мы сейчас сделаем. – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 1). 50
Сельская идиллия («Россия, мать её ..и́..»). 311
«Сидела женщина на стуле...». 16
«Синий цвет тишины...» (Озеро снов). 397

«Сияет ясная луна...» (*Из книги «Стихи о Прекрасной Даме»*). 259
«С каждым годом всё меньше людей остаётся...» (Неясность). 197
«Скажи, кто *я*? – Кудесник, волхв...». 380
«Скажи, поэт...». 381
Скиталь («Небрежно обронив "прощай"...»). 10
Скиталь (*Отрывки*) («И фамильярная байдарка...»). 313
«Скользит неуловимый мир...» (Выяснение возможностей). 346
«Скоро лето пройдёт...». 392
«Славить мы вместе Господа будем...». 394
«Слова сползали с веток языков...» (Пейзаж). 332
Слово, слова («Не очень словам доверять – невозможно...»). 191
Сложносоставное предложение, в состав которого входят сложноподчинённые и простые предложения («Расплываясь в основе видимого...»). 399
«Служба...» («*Записная книжка*»). 426
«служил кузьминский демократом...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 266
Случай на охоте. *Филиал* («Окрест обозреваю я пейзаж...»). 122
«Смотри отважно вдаль, свирепый мореплавель...». 130
«Смотри скорей, бежит козёл...» (Разговор о выяснении Иванова). 141
«Смуглей огня, прекрасней снега...». 394
«с ними сними...». 405
«Снова возложен на плечи...». 132
Собеседование. 374
«сознаю себя...» (*Галина Посвятовская*. Из сборника «День сегодняшний»). 291
«солнца над холмом корона...». 408
сонет («с презрением к ножным довескам...». – [Начала], VIII). 288
Сонет к скучанию («Когда немолчные качели...»). 326
Сонет к Фарфору и Деве («"Но всё течёт, и всё меняет...»). 13
Сонет к художнику («Излучины изгойных рек...»). 329
«Со страшной скалкою в руке...» (Воспоминание о женитьбе Н.Н.). 257
<Сочинения> («*Записная книжка*»). 424
«спать пора тоска мешает...». 221
«Спешка. Удары гонга...» (Быстрое созерцание). 418
«с презрением к ножным довескам...» (сонет. – [Начала], VIII). 288
«спящей бабочки обрубок...». 394
«– С сегодняшнего дня...» («*Записная книжка*»). 426
Стансы («Двухметровый мужчина...»). 355
Старое кладбище («Вот кладбище я вновь посетил...». – Три романса, 1). 30
«Старомодный рояль возлежал на коленях прелестной Гонзалес...». 120

«стекалище...» (*Другие стихотворения* [*Кнега Кинга*]). 103
«стенают вечные дома...» (Андре Шенье). 27
Стерн. 241
Стихи к Имяреку («Вельми высок и носом крепко статен...»). 164
Стихи под другим эпиграфом... («вытерев пыль на морду поганца положим птенца...». – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 5). 53
Стихи под эпиграфом... («железный патентованный каркас...». – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 4). 52
Стихи, предшествующие путешествию на юг («На крышах вдоль Обводного канала...»). 159
«стреножа пылкий нрав субъекта» (Поэт на лошади. – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 3). 51
«С улыбкой в глазах...». 345
Сцена из «Фауста». 317

«так взгляд из-за утла – молочный блеск...». 396
«Так давно, словно в роще берёзовой...». 395
«Такой-то жену молодую любил...». 269
«Твои послы где одиноки...» (*Из Сиверской тетради*). 304
«Твой шпрыц орлыный крючковат...» (Ганымэд). 215
«тебе я отдал...» (*Для Августы, или Прощение Музы*). 207
«Теки, река!..» (Цезарь на Буцефале. – 2. Речитатив и ария). 171
«Теплился ль на углях истлевший бык...» (Трехчастная композиция). 194
«Течёт седеющий алмаз...». 330
«тихий волшебник...» ([Начала], XXII). 290
Тост («Выходит мудрый таракан...». – *Заметки о незабвенном ККК*). 262
«тот друг далёкий...». 394
«Тот, которого не было...». 396
Трехчастная композиция («Теплился ль на углях истлевший бык...»). 194
Триптих («извивалось весло...»). 23
Три романса (1-3). 30
Три сестры («Послушай, Русь шарообразна, Минин...»). 356
Тронка («На берегу Финляндского вокзала...»). 118
Туанельский лебедь («Я отчалил...»). 149
«туманное озеро...» (The End. – Music As Love and Boldness Of Death, 2). 225
1914 («дождь умирал на плечах у войны». – начала, 1). 20
«тяжело писать лёжа...». 394

Увертюра («На той Березине...». – Цезарь на Буцефале, 1). 169
Угол зрения соотносящийся к левому глазу Виктора Немтинова («а теперь медленно случившийся табор...»). 334
«Уж меркнет день, и ночи покрывало...» (Три романса, 2). 31
<Умер Пригов>. 277
Умирание Рака («Хрип умирающих сосен..»). 322
«у п а д а ю щ и й...» (*Другие стихотворения* [*Кнега Кинга*]). 101
«Упругость праздной болтовни...» (Я и ты). 157
«установивши тын на запад...» (Триптих, 3). 23
«У Тришки на локтях слаба глазами стала...». 273
«уходившие...». 404
«уходит в небо просека...» (Посвящение Саше Миронову). 295

«фонарь искусства слёзы извлекал...». – Music As Love and Boldness Of Death, 1 (Requiem). 224
Фрагменты (1-34). 392

«Хайа̄м...». 395
«харчевня для колодников вокзал...» (Часы, 8). 26
Хвостенко на даче («Открылся шкаф...». – Вершина Хвостенко, 6). 44
«Хвост облезлый робко пряча...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 263
«***Хеленуктизм...*** как много в этом звуке...». 430
Хокку (<1-2>). 368
Хокку («Большие воды...»). 19
Хокку («...я и знаю всё...»). 228
«Хорошо порой в лесу...». 274
«Хрип умирающих сосен..» (Умирание Рака). 322
«Хурма уже созрела...» (Конотополь: *Историческая трагикомедия*). 114

«ц а р ь...» (*Другие стихотворения* [*Кнега Кинга*]). 102
«Цветов стога лежали невпопад...» (*Из Сиверской тетради*). 304
«цифры чая...». 228
Цезарь на Буцефале («На той Березине...»). 169
«Цравш-цравш. Цравш! ...» (Два перевертня, <2>). 250

Часы (1-8). 24
[Часы]. – см. [Из цикла «Часы»]. 323
«Чего-то вдруг Кузьминского плавник...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 262
«Человеческих лилий обугленный сад...» (Ночной Парад. – Косноязычьем горд...). 162
«Человеческое тело...» (Эпитафия NN). 257
«Чёрная женщина бродит в лесу...». 316
«Чернили буднями камины...». 300
Четверостишие («Все мы станем подлецами и подонками...»). 402
Четыре стихотворения на особый распев. 249
Что мы сейчас сделаем («сейчас...». – Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей, 1). 50
Что произошло в лесу (Вершина Хвостенко, 5). 44
Что произошло с Хвостенко, когда он поскользнулся («Он упал». – Вершина Хвостенко, 4). 44
«Чудесный сад, не знающий страданья...». 396

Шарообразность. *Пролог*. 146
шестьдесят девять («пророчество жать городских самовластий...». – начала, 2). 21
«Шёл Василий, шёл Василий...» (Друг: *Песня*). 353
«Шёл по улице малютка...» (*Заметки о незабвенном ККК*). 264
«Шум трамвая – раскатистый звонкий...». 412

Эвридика («Пламя свечи виновато марьяжит...»). 140
«Экая туча зловредная злонравная черноцветная чернозёмная...». 212
Элегия («И я когда-то был млекопитающим...»). 261
Эпитафия NN («Человеческое тело...»). 257
«Этой ночью песочной опять...». 393
«этот ветер, но какой-то...» (Из Ходасевича, II). 248

«я вижу перед собой открытую книгу...». 395
«Явились брюки посреди стола...» (Рондо: *На Альтшулеровы брюки*). 15
«Я в осень вошёл, как во взгляд...». 407
«Я – герой неудавшейся повести...». 420
«Я жил в глуши, природы рядом...» (*Из Сиверской тетради*). 306

«Я закрыл оба глаза – и был беспокойно казнён...». 414
«Я знаю: так время стрекочет...». 229
«...я и знаю всё...» (Хокку). 228
Я и ты («Упругость праздной болтовни...»). 157
«Я медленно схожу с ума...». 401
«Я отчалил...» (Туанельский лебедь). 149
«я помню славное мгн(овенье)...». 227

Music As Love and Boldness Of Death. *Два отрывка*. 224
«Nothing's gonna change my words»: *Два голоса*. 216
P.S. – см. Дополнение. P.S. («*Записная книжка*»). 426
Requiem («фонарь искусства слёзы извлекал...». – Music As Love and Boldness Of Death, 1). 224
The End («туманное озеро...». – Music As Love and Boldness Of Death, 2). 225

Содержание

Часть первая. *Книга Тапир*

1. Посвящение. 5

Стихотворения 1965–1966

2. «Здесь лось прошёл, задев кору ольхи губами...». 6
3. Лалилель. 7
4. «Провалившись в уборной сквозь доски гнилые...». 8
5. «Где были сумраки горбаты...» 8
6. «Казённые казнённые висели...». 9
7. Скиталь («Небрежно обронив "прощай"...»). 10
8. Октябрь. 11
9. «Одноногий маркиз *дю Лавни*...». 12
10. Сонет к Фарфору и Деве. 13
11. Похороны Артемия. 14
12. Рондо. *На Альтшулеровы брюки*. 15
13. «Сидела женщина на стуле...». 16
14. «Как тяжело предвидеть буквы...». 17
15. «Ежегодичный, ежедневный...». 18
16. «Первое апреля...». 18
17. Хокку («Большие воды...»). 19

Полу-Тапир (Дадактический)

18-23. Начала
- 1. 1914. 20
- 2. шестьдесят девять. 21
- 3. «боги не мучайте брошенной силой...». 21
- 4. «взорвал взывающее блюдо...». 21
- 5. «железный день невинных леших...». 22
- 6. автограф. 22

24. Триптих. 23
25-32. Часы
- 1. «годы огненных труб...». 24
- 2. «обиду передав богине...». 24
- 3. Бемби. 24
- 4. «роща дышала бобрами...». 25
- 5. «висели рядом рыба и карниз...». 25
- 6. «есаульский мученик...». 25

7. «плечистый грех остановился...». 26
8. «харчевня для колодников вокзал...». 26
33. Андре Шенье. 27

Собственно Тапир (продолжение): Стихотворения и поэмы 1966–1967

34-36. Три романса
1. Старое кладбище. 30
2. «Уж меркнет день, и ночи покрывало...». 31
3. «Маленький серенький зайчик...». 31
37. Про то как Айкямач. 32
38-39. Две вирши для Хвостенко. 35
40. «Недвижен сад, плывущий в облаках...». 36
41. Неоконченный мадригал для Р.П. 37
42. Песнь героев. 38
43. Вершина Хвостенко. *Поэма к 26-летнему юбилею*[*]. 39
44. Рондо. 46
45. «Рисуйте мой прилежный гений...». 47
46. «Дичась событий старины...». 48
47. Происшествие на скотном дворе некоего князя мызы.
Русская басня. 49
48-52. Пять стихотворений, написанных по просьбе читателей
1. Что мы сейчас сделаем. 50
2. Отношение к современнику. 51
3. Поэт на лошади. 51
4. Стихи под эпиграфом... 52
5. Стихи под другим эпиграфом... 53

Кнега Кинга и другие стихотворения (Книга внутри книги)

53-89. *Кнега Кинга*. 59
90-95. *Другие стихотворения*. 97
«голубь...» 99
Нашествие Таракана 100
«у п а д а ю щ и й...» 101
«ц а р ь...» 102
«стекалище...» 103
«г:иль...» 104
96. В о в а: *Роман в стихах*. 105

[*] Печатается полностью впервые

97. Баллада испанского трамвая. 113
98. Конотополь. *Историческая трагикомедия*. 114
99. «Мой глаз консервы укрощает...». 116
100. Тронка. 118
101. Встреча у Сервантеса. 119
102. «Старомодный рояль возлежал на коленях
прелестной Гонзалес...». 120
103. «Орлан пропел. Поодаль из мортиры...». 121
104. Случай на охоте. *Филиал*. 122
105. Булка. *Драматический фарс*. 124
106. Карп. *Драматические действия в лицах*. 125
107. «О чём мы поведаем миру...». 126
108. Голкипер. *Мистерия*. 127
109. «Нет! я не Байрон... Я другой...». 128
110. «Певец прохладный Геллеспонта...». 129
111. «Смотри отважно вдаль, свирепый мореплавель...». 130
112. Пусть! *Драматический этюд*. 131
113. «Снова возложен на плечи...». 132
114. «Ввиду кавказского Эльбруса...». 133
115. Пролог под эпиграфом... 134
116. «Свобода! птицей реет слово...». 135
117. «Ругалась гневная старуха...». 136
118. В меру даденная подзатыльница, или же
Торжество Добродетели. *Драматическая пословица*. 137
119. Воззвание к душе отважного П.С. 139
120. Эвридика. 140
121. Разговор о выяснении Иванова. 141
122. Баллада из Уланда. 144
123. «Мне нравится мужчина...». 145
124. Шарообразность. *Пролог*. 146
125. Туанельский лебедь. 149
126. В Ереван! 151
127. «На брегу пустынных птиц...». 153
128. «Встают и уходят...». 155
129. Я и ты. 157
130. «Приходила чёрная коза...». 158
131. Стихи, предшествующие путешествию на юг. 159
132. «Навстречу мне, – хороший, дружелюбный...». 160
133. «Не знаю, на самом ли деле...». 160

134. Косноязычьем горд... 161
135. Стихи к Имяреку. 164
136. Колыбельная по средам. 166
137. «...и если не споткнёмся по дороге...». 168
138. Цезарь на Буцефале. 169
139. «От прошедшего дня отрекаюсь простым безучастьем...». 174
140. Ифигения в Тавриде. *Монолог*. 175
141. Рукоять бенефического рукоделия. *Телевизионная пьеса*. 177
142. «Из горьких воздухóв и трав...». 180
143. «Знавал я кошку "Николай Иваныч"...». 180
144. «Первые пули дули...». 181
145. «Безумен облик мой и нрав мой безудержен...». 181
146. Ворона, голубь и капитан. 182

Часть вторая. *Книга Трава*

Трава, Трава. Шестнадцать стихотворений

147. «Остановясь ещё в начале...». 185
148. «О!..». 186
149. «Преграда сна...». 187
150. «...И тень твоя, с моей мешаясь...». 188
151. Покой. 189
152. Отрывок («О Господи! Куда ещё, куда...»). 190
153. Слово, слова. 191
154. Память. Читая Л.А. 192
155. Похищение Европы. 193
156. Трехчастная композиция. 194
157. К СП. 194
158. «На газоне свежевскопанном...». 195
159. «Осень наступила...». 195
160. «Благоухали пушки за углом...». 196
161. Неясность. 197
162. Палинодия. 199

Для Августы, или Прощение Музы**

*163-166. Продолжение бесед. 201
*167. Канон. 205
*168. «тебе я отдал...». 207
*169. Письмо. 208

**Здесь и далее астериксом (*) отмечены произведения, печатающиеся впервые.

Разные стихотворения 1970–1979

170. «Конь усопший виден вдали...». 210
171. «Любезный! Это ничего...». 211
172. «Экая туча зловредная злонравная черноцветная
чернозёмная...». 212
*173. «Передо мною книжный шкаф с открытыми дверьми...». 213
*174. «А почему бы нам и не побредить?». 213
175. «Нет, не апрель, а только гость случайный...». 214
176. Ганымэд. 215
*177. «Nothing's gonna change my words». *Два голоса*. 216
178. Двенадцатый сонет: *Двенадцатая ночь*. 218
*179. Полудиалог. 219
*180. К портрету. 220
*181. «спать пора тоска мешает...». 221
182. «влечёт иноязычье облака...». 221
183. Наташа Ростова... 222
184-185. Music As Love and Boldness Of Death: *Два отрывка*. 224
186. Д.54. 226
187. «москва уж не видна...». 227
188. «я помню славное мгн(овенье)...». 227
189. Хокку («...я и знаю всё...»). 228
*190. «цифры чая...». 228
191. «Я знаю: так время стрекочет...». 229
192. Отрывок («Ветер поднялся. Так что же, что ветер...»). 229
193. Р.П.: *как письмо*. 230

***

194. Люксембург. *Поэма для зрительного зала*. 231

Алфавит

195-252. Из книги «Алфавит». 236
*253-258. Дополнение. 240

Два очерка

259. Стерн. 241
260. А.Введенский (птица). 242

Новых стихотворений часть третья

261. «Полуоткрытое окно...». 245
262. «претекание *эс ка*...». 246
263. Воспоминание («корона рыб...»). 247
264. «в тисках редиски...». 248
265. Из Ходасевича («благодари зазА свой...»). 248
266-269. Четыре стихотворения на особый распев. 249
270. «Лежит Даная...». 250
271-272. Два перевертня. 250
273. «В городском суде играет...». 251
274. «Однажды я сидел на стуле...». 251
*275. «...иной...». 252
276. «Прелестная дева смотрела в окно...». 252
*277. «Всё чуждо нам, весь мир чужбина...». 253
*278. (*Исса*). 253
279. Пятерица неверным (*неверная пятерица*). 254
*280. Из народной песни (*Вольный перевод с испанского*). 255

Мелочи жизни, или На рубеже веков

281. Искреннейшее пожелание. 256
282. «Неприятность у нашего друга...». 256
283. Эпитафия NN («Человеческое тело...»). 257
284. Воспоминание о женитьбе Н.Н. 257
*285. «Как нам сказал один имам...». 257
286. «Однако же, – сказало существо...». 258
287. На встречу в Сочи предводителей трёх народов. 258
288. «Пришло письмо из Элисты...». 258
289-292. Из книги «Стихи о Прекрасной Даме»
«Сияет ясная луна...». 259
*«Здоровенная птичка гуляет в лесу...». 259
«В бюстгальтере на босу ногу...». 260
*«“Помнишь ли ты...». 260
293. «Головной уставший мозг...». 261
294. Элегия («И я когда-то был млекопитающим...». 261
295-309. Заметки о незабвенном ККК
Тост («Выходит мудрый таракан...»). 262
*«Вяло (ох, вяло!) хвостом шевелит
белобрюхий Кузьминский...». 262
*«Чего-то вдруг Кузьминского плавник...». 262

«Хвост облезлый робко пряча...». 263
«В детском платьице Кузьминский...». 263
«Напрягая задни ноги...». 263
«Однажды Кузьминский сидел у окна...». 264
«Кузьминский виден в амбразуре...». 264
«Шёл по улице малютка...». 264
*«Затеял Кузьминский метанье икры...». 265
I. «Кузьминский, лёжа под столом...». 265
II. «Кузьминский, вялою рукою...». 265
III. «Как радостно! как весело журча...». 265
*«служил кузьминский демократом...». 266
*«На диком бреге Иртыша...». 266
*310-311. Приложение. *Мелочи из запаса моей памяти*
Воспоминание отрочества. 267
Воспоминание юности («Подвиг ленинградцев»). 267

Иные короткие стихотворения (продолжение)

*312. «Однажды пылкий ламантин...». 268
*313. «...и я котлетами – да, да! ...». 269
*314. «Пионерки собрались в лесу...». 269
*315. «Такой-то жену молодую любил...». 269
*316. «Нет! Я не Ирод, не урод...». 270
*317. «Над миром вьётся красный флаг...». 270
*318. «Проехало орало...». 270
*319. «Вот, насравши на подушку...». 271
*320. «Оттолкнув ногой подружку...». 271
*321. «Когда он прочь бежал, роняя помидоры...». 272
*322. «Над окопами летал...». 272
*323. Размышление («Расширение вен варикозное...»). 272
*324. «Кошка-сын к Отцу пришёл...». 273
*325. «Играют волны, ветер свищет...». 273
*326. «У Тришки на локтях слаба глазами стала...». 273
*327. О, кто же он?.. 274
*328. «Хорошо порой в лесу...». 274
329. «Красные крыши...». 275
330. «Вы помните, младые помидоры?..». 276
*331. «... алексией аграфию сменяя...». 276
*332. <Умер Пригов>. 277
*333. «Лежит моя подушка...». 278
*334. «– Будь готов...». 278

*335. Пророчество («В ноль часов ноль-ноль минут...»). 278
*336. «Жили у бабуси...». 279
*337. «На Семёновском плацу...». 279
338. «От юных дев...». 279
*339. «В белом венчике из роз...». 280

Произведения, не включенные в основное собрание (1963–2000)

Стихотворения и поэмы

*340. Поэма, которую можно назвать дневником, но лучше никак не называть (*Отрывки*). 283
341. «а за окном деревья из-под снега...». 285
*342. «Проходит праздник, праздник, праздник...». 286
*343. «Мы входим в лес...». 286
*344-348. [Начала]
II клише. 287
VIII сонет. 288
XII «конец языческой природы...». 288
XIX «внизу вершина светит...». 289
XXII «тихий волшебник...». 290
*349-351. *Галина Посвятовская.* Из сборника «День сегодняшний»
«сознаю себя...». 291
«расстановкой слов...». 292
«будь рядом со мной...». 293
352. «Ласковый всплеск... Жёлтый песок...». 294
353. Посвящение Саше Миронову. 295
*354. «Лапы леса навстречу...». 296
*355. Светопреставление. 297
*356. Памяти Велимира Хлебникова. 1. 299
*357. «Чернили буднями камины...». 300
*358-378. Из Сиверской тетради
«Покинуть комнатку с оплывшею свечой...». 301
«Дети в траве. Собирая цветы...». 301
«Где Гатчина...». 302
«Пир вороний на часах...». 302
«Где были белые снега...». 302
«Как шмель над лепестком цветка...». 302
«Где щели звёзд – дощатый сумрак...». 303
«Простить наклонность к славословью...». 303

«Не постигая посвящения...». ... 303
«Пусть остаётся незаконченным». ... 303
«Твои послы где одиноки...». ... 304
«Катон! замучишь повторением...». ... 304
«Как лиственно небо!..». ... 304
«Цветов стога лежали невпопад...». ... 304
«Решёткой медленной гордясь...». ... 305
«Где небо, видевшее сны...». ... 305
«Свивались реки где, как змеи...». ... 305
«И ты со стоном...». ... 305
«Настольный сириус плясал...». ... 306
«И снова царство паровозное...». ... 306
«Я жил в глуши, природы рядом...». ... 306
379. Моя революция (*эпос*). ... 307
*380. Мадригал. ... 311
*381. Сельская идиллия. ... 311
*382. «И видя эспадрона раны...». ... 312
*383. Скиталь (*Отрывки*). ... 313
*384. «Чёрная женщина бродит в лесу...». ... 316
*385. Сцена из «Фауста». ... 317
*386. посв. Альтшулеру. ... 318
387. «И продолжением полночного размера...». ... 319
*388. «Как тяжело под знаменем...». ... 320
*389. «Перстом блуждая по губе...». ... 321
*390. «И тиною болотной...». ... 321
*391. Умирание Рака. ... 322
*392-393. Из цикла «Часы»
[1]. Воспоминание («закат над памятью взлетевший»). ... 323
[2]. «корень в стене стволистого круга...». ... 323
394. «Своё лицо закутав в профиль...». ... 324
*395. «Когда я, чей-то взгляд поймав...». ... 324
*396. «Разговор зашёл о водке...». ... 325
*397. «Как город гладить по щеке...». ... 325
*398. Сонет к скучанию. ... 326
*399. К Пользе. ... 327
*400. А.Е.Крученых к 80-летнему юбилею. ... 328
*401. Сонет к художнику. ... 329
*402. «Течёт седеющий алмаз...». ... 330
*403. Пора, мой друг, пора. ... 331
404. Пейзаж. ... 332

*405. «Расчертим лист календаря...». 333
*406. Угол зрения соотносящийся к левому глазу
Виктора Немтинова. 334
*407. Война. 335
*408. Вольные стихи. 336
*409. «Красивых мерзостей вагон...». 337
*410. «Головастик превосходный...». 338
*411. «Из прямой кишки верблюда...». 338
*412. «Саша Миронов ест сливу...». 339
*413. «Кроме». 340
*414. «Зачем штудьозус Иоганн...». 340
*415. «Где мысль вилась ночною бабочкой...». 341
*416. Послание к А.М. 342
*417. «Грибные заросли столетий...». 343
*418. «С улыбкой в глазах...». 345
*419. Выяснение возможностей. 346
420. Подражание отражению. 349
*421. Друг: *Песня*. 353
*422. «Как кур во щи...». 354
*423. Стансы («Двухметровый мужчина...»). 355
424. Три сестры. 356
*425. «Дым качается сосновый...». 357
*426. «Зачем ненужной болтовни упругость...». 360
*427. «Вдали от шумной суеты...». 361
*428. «Если опуститься вниз...». 362
*429. Отрывок («Ах, Боже мой! Какая нежить...»). 363
*430. «...Каждую секунду в человеке – новая вода...». 364
*431. «Город город город...». 365
*432. «Не мни, Немтинов...». 366
*433. «Звучит меридиан полночный...». 367
*434. «Николаев! о птичка моя!». 367
*435. «вот моя работа...». 367
*436. Отрывок («а на шаре земном...»). 368
*437-438. Хокку
«видел ли ты что...». 368
«Осень к нам пришла...». 368
*439. «плыл по волнам размер стиха...». 369
440. Д.64. 370
*441. «Один олигофрен...». 371

Неоконченное, а также проза

*442. Методическое метричество. 372
*443. Собеседование. 374
*444. Онуфрий. *Фрагмент*. 376
*445. «Крошатся медленно зубы...». 377
*446. «Пробудилась природа под кустиком...». 377
*447. Речь на открытии 17-го памятника первопечатнику Ивану Федотову. 378
*448. «Входим и смотрим...». 379
*449. «Скажи, кто *я*? – Кудесник, волхв...». 380
*450. «Кто видел корову, идущую смело...». 380
*451. «Один – был друг его; другой...». 381
*452. «Скажи, поэт...». 381
*453. «Возьму с собой в дорогу...». 381
*454. Два отрывка из письма к ***. 382
*455. «На щёки выгнав лёгкий глянец...». 384
*456. «А мне... Что сказать мне в своё оправданье?..». 384
*457. «Когда на созерцание вещей...». 384
*458. «Не дождавшись солнечных лучей...». 385
*459. «курлычет Червь и верещит, и бьётся». 385

Кое-какие дополнения

Стихи из романа («*Стихотворения Виктора Р.*»)

460. «на несколько минут...». 389
461. Дым («посмотри на небо...»). 390
462-495. Фрагменты [1-34]. 392

Не-Тапир (Ранние стихотворения и переводы)

496. Озеро снов. 397
497. «Прощание затягивается в полночь...». 398
498. Сложносоставное предложение, в состав которого входят сложноподчинённые и простые предложения. 399
*499. «Пыль...». 400
*500. «Античёрные...». 400
501. «Я медленно схожу с ума...». 401
503. «На деревьях и дорогах...». 403
*504. «уходившие...». 404
505. «с ними сними...». 405

506. «в глубине ладони взгляд...». 405
507. «Когда люди имеют мнения, они обмениваются ими...». 406
508. «Коварная вера трав...». 406
509. «Я в осень вошёл, как во взгляд...». 407
510. «солнца над холмом корона...». 408
511. «из темноты...». 409
512. «над фонтаном...». 410
513. «двери чугунные плиты...». 411
514. «Шум трамвая – раскатистый звонкий...». 412
515. «Обмакнув в воду перья крыл...». 413
516. «Я закрыл оба глаза – и был беспокойно казнён...». 414
517. *франц мон* .....
свистеть. 415
518. *герхард рюм* ночь. 416
519. *ансельм холло* ○. 417

Из самых первых опытов (1963–1964)

*520. Быстрое созерцание. 418
*521. Ночь. 419
*522. «Я – герой неудавшейся повести...». 420
*523. Малая Садовая. 421

Разные записи («*Записная книжка*»)

524-534. «Записная книжка». 422

О Хеленуктизме

535. Вступительная статейка Хеленуктов. 427
536. К выходу 1-го выпуска «Альманаха Могучей Кучки». 429
537. «***Хеленуктизм...*** как много в этом звуке...». 430

Аппендикс

От автора 433
Алфавитный указатель произведений 453
Содержание 472

Владимир Эрль.

Собрание стихотворений
(тяготеющее к полноте)

Отпечатано в типографии «Art-X-Press»
Формат 60x88/16. Усл.-печ. л. 29,64.
Подписано в печать 13.01.2015 г.

Апрельское

Почему непрошенный Голем вошёл в мой дом?
Почему мистер Хайд сидит за моим столом?
Почему бесовские похороны
происходят под моим окном?

Ярослав Ивашкевич

Я тайно был свободен,
таинственно счастлив,
секретно непригоден
и скрытно говорлив.

Воспел я оны лица
и те, чьи вспоминал,
когда я жил в столице,
которую не знал.

Я думал то, что думал,
и помнил то, что знал,
но то, что передумал,
увы, не опознал...

Апрель 1992; апрель 2014